

Александр Зиновьев

На пути к сверхобществу

Александр Александрович Зиновьев

На пути к сверхобществу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442060

На пути к сверхобществу / Александр Александрович Зиновьев: Астрель; Москва; 2008

ISBN 978-5-271-21741-8

Аннотация

В книге выдающегося русского ученого, мыслителя А.А. Зиновьева (1922–2006) дано систематизированное изложение методологических и логических основ его социологической теории. В работе формулируются категории и принципы разработанной им методологии, обеспечивающей научную достоверность и логическую строгость социологических исследований, вводятся базовые понятия его социологии, выявляются законы функционирования и развития социальных объектов и социальных систем. На этой основе строятся теории двух реально возникших в современной истории направлений, типов эволюции человечества – теория коммунизма и теория западнизма. Автор обосновывает концепцию, согласно которой на стадии сверхобщества, в которую вступает мир, развитие истории переходит из фазы естественно-исторической в фазу плано-управляемую.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Теоретическая социология	6
Состояние социальных исследований	7
Научный подход	13
Язык	18
Определения	20
Экспликация понятий	22
Логические умозаключения	25
Логическая онтология	26
Эмпирические и абстрактные предметы	27
Индивид и множество (класс)	28
Атомарный объект	29
Состояние, изменение, событие	30
Переходное состояние	31
Необходимость, возможность, случайность	32
Подлинность и кажимость	33
Содержание и форма	34
Качество и количество	35
Социальные связи	37
Объективные законы	39
Субъективные и объективные факторы	42
Социальные законы	44
Законы диалектики	48
Эволюция социальных объектов	50
Логическая методология	53
Средства познания и познаваемое	54
Обнаружение социальных объектов	56
Мысленный эксперимент	58
От простого к сложному	59
От гипотез к реальности	60
От абстрактного к конкретному	61
Модели	64
Теории	65
Исследование и изложение	66
Часть вторая	67
Человеиник	67
Человеческий материал человеиника	68
Социальный атом	69
Сознание	70
Поведение	73
Народ	75
Материальная культура человеиника	79
Человеческое объединение	81
Социальная организация человеиника	83
Основные аспекты человеиника	87

Деловой аспект	88
Коммунальный аспект	90
Законы рационального расчета	91
Нормы поведения	95
Менталитетный аспект	97
Основные уровни человека	98
Микроуровень	99
Макроуровень	101
Власть	102
Сфера власти человека	103
Управление	105
Порядок	108
Хозяйство	109
Менталитетная сфера	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Александрович Зиновьев

На пути к сверхобществу

Предисловие

Интерес к социальным проблемам у меня возник еще в ранней юности. Но обстоятельства сложились так, что моей профессией стала логика и методология науки. В течение нескольких десятилетий я разрабатывал свою логическую теорию. Результаты моих исследований я опубликовал в многочисленных работах, в том числе – в книгах «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Логика науки» (1971) и «Логическая физика» (1972). Одной из особенностей моей логической теории является то, что она охватывает логические проблемы эмпирических наук, к числу которых относятся и науки социальные.

Мой интерес к социальным проблемам не ослаб. Но я стал их рассматривать как профессиональный логик, интересующийся социальными проблемами просто из личного любопытства, а не как профессиональный социолог, каковым я не был. Разумеется, мне пришлось знакомиться с сочинениями философов, социологов, историков и экономистов, имеющими отношение к интересовавшим меня социальным проблемам. Не буду перечислять их имена с целью демонстрации эрудиции, – я на это не претендую ни в какой мере. Читатель может найти имена этих авторов и справку о их вкладе в познание социальных явлений в бесчисленных справочниках и обзорных монографиях. Скажу здесь лишь то, что их сочинения, будучи любопытны в отдельных деталях, в целом ни в какой мере не отвечали моим потребностям. Даже в тех случаях, когда они казались мне приемлемыми в формулировках общих идей, они разочаровывали меня, когда авторы переходили к конкретным разъяснениям и применениям своих идей. А главное – все эти учения, на мой взгляд, совершенно не годились для научного понимания важнейших социальных феноменов современности – реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества, который произошел во второй половине нашего века.

Результаты моих размышлений об упомянутых социальных явлениях я начал публиковать в 1976 году и в последующие годы в контексте литературных и публицистических сочинений, а также в форме социологических эссе, в их числе – в книгах «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» (1980), «Коммунизм как реальность» (1981), «Кризис коммунизма» (1990), «Гибель империи зла» (1994), «Русский эксперимент» (1995), «Запад» (1996) и «Глобальный человек» (1997). В этой книге дается более или менее систематическое изложение социологических идей автора, рассчитанное на широкий круг читателей, интересующихся социальными проблемами нашего времени.

Мюнхен, 1999 А. Зиновьев

Часть первая

Методологический очерк

Теоретическая социология

В этой книге с самого начала речь пойдет о социальных явлениях. Но в первой части мы будем рассматривать правила и средства их познания. Причем не любые, а только такие, о которых полезно знать исследователю-одиночке (скажем – теоретику), обладающему лишь своим природным мозгом, некоторым образованием, общедоступной печатной информацией и возможностью самому наблюдать какие-то явления человеческой жизни. Это не значит, что знание таких правил и средств не нужно прочим людям, интересующимся социальными проблемами. Это не значит также, что исследователям-одиночкам не нужны другие правила и средства познания. На этот счет никаких ограничений нет. Это значит лишь то, что без таких средств и без соблюдения таких правил никакой исследователь-одиночка достичь научного понимания интересующих его явлений не сможет. В этом очерке сообщается, разумеется, не вся методология теоретических исследований социальных явлений, а лишь минимум из нее, необходимый для более или менее адекватного понимания последующего изложения. Должен предупредить читателя, что излагаемые в этом очерке методологические мысли не являются общепринятыми, так что я не могу порекомендовать никакие другие сочинения по логике и методологии науки, кроме моих работ, упомянутых в предисловии.

Состояние социальных исследований

Социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений. О социальных объектах думают, говорят, пишут и читают фактически все нормальные взрослые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Так что всякий человек – в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования.

Оказавшись в числе исследователей социальных объектов в таком широком смысле слова, я был поражен следующим фактом. Коммунистический социальный строй просуществовал в Советском Союзе и других европейских странах несколько десятков лет, изучением его занималось огромное множество специалистов, а за все эти годы о нем не было напечатано ни строчки, заслуживающей звания науки. Это можно вроде бы объяснить тем, что советские правители и идеологи препятствовали поиску и правде о реальном социальном строе страны. Но многие советологи на Западе насочиняли тонны всякого вздора о реальном коммунизме, в котором найти зерно истины еще труднее, чем найти жемчужину в куче навоза. А сколько разоблачительных страниц насочиняли советские диссиденты, и ни одно слово в них не соответствует критериям научного понимания реальности. А уж они-то вроде бы должны были стремиться к истине!

И уж совсем не укладывается в рамки здравого смысла тот факт, что все известные мне теории и концепции западного общества оказались так же далекими от реальности социального строя западных стран, как сочинения советских авторов – от советской реальности. А ведь западные авторы вроде бы не испытывали ограничений свободы творчества, какие имели место в коммунистических странах для их коллег. В чем, спрашивается, тут дело?

Особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них, постоянно имеют с ними дело. Они должны уметь жить в качестве социальных объектов и в их среде. Для этого они должны как-то познавать их, что-то знать о них. Они приобретают свои знания в ходе воспитания, обучения и образования, от общения с другими людьми, на личном опыте, из средств информации, из литературы и фильмов. Таким путем у них складываются свои представления о социальных объектах, можно сказать – житейские или обывательские представления. В слово «обывательские» я здесь не вкладываю никакого негативного смысла. На этом уровне о социальных объектах думает подавляющее большинство представителей рода человеческого. Причем степень развитости таких представлений у различных людей различна. У большинства она примитивна, у многих высока. Но эти различия суть различия в рамках одного типа.

Что-то знать о социальных объектах и научно понимать их – это далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало что понимать, тем более – понимать на научном уровне. Обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи. В наше время положение в этом отношении приняло поистине гротескные формы и катастрофические размеры. Интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда продуктами и отходами современной промышленности. Чуть ли не каждый мало-мальски образованный человек считает себя специалистом в понимании явлений своего общества только на том основании, что он имеет какой-то опыт жизни в нем и кое-что знает о нем. Такие дилетанты воображают, будто нет ничего проще, чем понимание

явлений, которые они видят своими глазами, среди которых они живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает высокое положение в обществе, известен и имеет возможность публичных выступлений, считают себя и признаются другими за высших экспертов в сфере социальных явлений. Люди верят президентам, министрам, королям, знаменитым актерам и даже спортсменам больше, чем профессионалам в исследовании социальных явлений, хотя эти высокопоставленные личности и знаменитости обычно несут несусветный вздор, а он больше соответствует обывательским представлениям, чем суждения профессионалов. Последним верят тогда, когда они занимают высокое положение, признаются и поощряются властью имущими и погружают свои профессиональные достижения в трясину обывательского сознания и идеологии. *Таково первое серьезное препятствие на пути научного познания социальных явлений.*

Для самосохранения человеческих объединений, для упорядочивания совместной жизни больших масс людей и для управления ими жизненно важно то, что и как люди думают о социальных явлениях. Суждения о последних неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Потому эта сфера изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем идеологии, включая идеологию религиозную. Идеология характеризуется определенной целью относительно человеческих объединений и определенными средствами ее достижения. Ее цель — формирование сознания людей в соответствии с требованиями самосохранения объединения и манипулирование поведением людей путем воздействия на их сознание, а не познание реальности. Она использует данные познания и опирается на них, но лишь как средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе. В результате создаваемая идеологией картина социальных явлений оказывается искаженным отражением реальности или вообще вымыслом.

Идеология навязывается членам человеческих объединений и так или иначе препятствует познанию социальных явлений. Эта роль идеологии была очевидна в коммунистических странах, в которых имела место канонизированная государственная идеология. Если бы марксизм был научным пониманием коммунизма, он должен был бы утверждать неизбежность и в коммунистическом обществе социального и экономического неравенства, необходимость государства и денег, неизбежность классов и других явлений, считавшихся язвами капитализма, и тогда он не имел бы массового успеха. И в западных странах, и в современной России, которые считаются неидеологическими, на самом деле засилие идеологии не только не уступает таковому в Советском Союзе, но значительно превосходит его. Конечно, идеология в них имеет другие формы и средства воздействия на людей. Однако и в них она выполняет функцию оболванивания людей. В частности, она прививает людям идеализированные представления о западном социальном строе и всячески очерняет коммунистический строй.

Вот так и получилось, что защитники коммунизма создавали ненаучную картину коммунистического общества, раздувая то, что они считали его достоинствами, и затушевывая то, что считалось недостатками «антагонистических» обществ, а критики коммунизма создавали и ныне создают тоже ненаучную картину коммунизма, изображая его как воплощение зла и умалчивая о его достоинствах или искажая их. То же самое имело место в отношении социального строя западных стран (западнизма) и имеет место теперь, причем в гораздо более изощренных формах и в более грандиозных масштабах. Как на Западе, так и в Советском Союзе научное понимание западнизма было исключено.

В настоящее время идеологическое очернение коммунизма и приукрашивание западнизма приняло неслыханные ранее размеры как на Западе, так и в бывших коммунистиче-

ских странах. Так что теперь о научном понимании как коммунизма, так и западнизма и речи быть не может.

Таково второе серьезное препятствие на пути научного понимания социальных явлений.

И третье препятствие на пути научного познания социальных объектов – гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки. Дело в том, что надо различать науку как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добывающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов, и научный подход к этим объектам. Лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований. Остановлюсь кратко на том, в каком виде мне представились социальные исследования, когда я проявил более или менее устойчивый интерес к ним как исследователь, а не просто из праздного любопытства, причем как исследователь с «поворотом мозгов», радикально отличающимся от такового у профессионалов, занятых в этой сфере, добывающих в ней для себя хлеб насущный и добывающихся в ней жизненного успеха.

Социальные объекты суть эмпирические (опытные, видимые, наблюдаемые) объекты. В исследовании их затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в естествознании. Исследователи добывали сведения о социальных явлениях путем личных наблюдений, знакомства с источниками, в которых были зафиксированы результаты наблюдений других исследователей и очевидцев событий, знакомства со всякого рода документами и свидетельствами. Главными орудиями исследования были средства наблюдения фактов и логические средства – сравнение, отбор, обобщение, абстрагирование, классификация, определения понятий, умозаключения, гипотезы и т. д. Причем эти логические средства были в том виде и ассортименте, в каком они были описаны в сочинениях по логике и методологии науки и стали известны исследователям. А это был довольно бедный логический аппарат, который сам по себе ограничивал возможности осмысления эмпирического материала, доступного исследователям.

В XIX веке был разработан и получил широкую известность диалектический метод (диалектика). Но его постигла печальная участь.

Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее. Но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями. Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив ее на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав ее от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику прежде всего с идеологией и политикой, изобразив ее как оружие пролетариата, как «алгебру революции». В странах победившего коммунизма диалектика в предельно упрощенном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом насмешек. Одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта

фактически было извращено и опошлено, во всяком случае – было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений.

Пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем иногда так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою – противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на реальные явления жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания.

В XX веке к рассмотренным выше методам добавились методы «конкретной» («эмпирической») социологии – сбор и обработка статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных людей по заранее разработанным анкетам (вопросникам) и обработка результатов этих опросов. Во второй половине века эти эмпирические методы захватили почти безраздельное господство в сфере социальных исследований, оттеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения частных задач. Но было бы ошибочно, на мой взгляд, преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и профессиональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты и т. п. – это все кажется на первый взгляд бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими «бесспорными» величинами и фактами. Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и идеологического оболванивания масс.

Конечно, ни в какой другой сфере исследования исследуемые объекты не рассказывают о себе сами, как это имеет место с социальными объектами. Но трудно сказать, чего больше от таких помощников исследователя – пользы или вреда. Многие ли письменные свидетельства прошлого заслуживают доверия?! Многие ли из них адекватны сущности исторических событий?! Люди впадают в заблуждения, подвержены всяким влияниям, способны к обману. Люди могут думать одно, а делать другое. Их настроения и мнения меняются. Так что даже в тех случаях, когда требуется выяснить, что именно люди думают о какой-то проблеме, их признания и опросные данные далеко не всегда надежны. А когда нужно исследовать структуру человеческих объединений, взаимоотношения их сфер, слоев населения, классов, партий и прочих явлений, их функционирование и закономерности, то опрашивать мнение людей обо всем этом – значит заранее исключать всякую возможность научного понимания. Электроны, атомы, хромосомы, молекулы, животные и прочие объекты, не обладающие разумом, молчат, но они по крайней мере не врут, не клеветают, не хвастаются и не обладают прочими пороками, свойственными разумным существам.

Для построения целостной теории коммунизма, западнизма и того типа человеческих объединений, какие стали формироваться после Второй мировой войны, методы «конкретной» социологии не годились очевидным образом. Обращаться к массам людей с вопросами о том, что они думают по поводу проблем, в которых сами опрашиваемые не смыслят ничего, по меньшей мере нелепо. Однако в одном отношении «конкретная» социология сделала колоссальный шаг вперед по сравнению с по преимуществу теоретической социологией предшественников. Заключается этот шаг в разработке и применении количественных методов.

В сфере социальных исследований величинам социальных объектов и их измерениям не придавалось почти никакого значения вплоть до возникновения «конкретной» социологии. Если исследователям и приходилось обращать внимание на количественный аспект изучаемых явлений, то они довольствовались самыми примитивными сведениями, какие могли почерпнуть из исторических источников, или сравнительными оценками вроде «больше», «меньше», «увеличилось», «уменьшилось», «в два раза», «во много раз» и т. п. После Второй мировой войны положение резко изменилось. Началась буквально оргия величин. Теперь редко речи и публикации на социальные темы обходятся без ссылок на статистические данные, на величины, полученные в результате социологических опросов, на результаты математических вычислений, причем даже с использованием современной интеллектуальной техники. Социологические работы с использованием математического аппарата, требующего специальной подготовки, стали обычными. Можно сказать, началась эпоха количественного взгляда на социальные явления.

Это, конечно, не случайно. Наше время – время социальных явлений огромного масштаба. Измерение и вычисление их величин приобрело первостепенное практическое значение. Около шести миллиардов человек на планете, огромное множество стран и народов, сотни тысяч больших и миллионы малых объединений людей, миллионы предприятий и организаций, гигантские страны и блоки стран, исчисляемые астрономически огромными величинами ресурсы, затраты, продукты производства... Одним словом, за что ни возьмешься, имеешь дело с тысячами, миллионами, миллиардами. Можно сказать, что величины обрели качественный смысл.

В этом буйстве и торжестве величин есть один аспект, который мы не можем обойти вниманием, если хотим удержаться на научном уровне или подняться на него. Заключается он в следующем. Бесспорно, публикуемые количественные данные имеют значение для научного понимания социальных объектов такого рода, какие интересуют нас здесь. Более того, без них не обойдешься. Но эти данные так или иначе отбираются специалистами и препарируются. Их можно интерпретировать самым различным образом. Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством ее сокрытия. Этими величинами исследователь может воспользоваться в интересах истины лишь в том случае, если он заранее имеет ориентировочное представление о том, где эта истина лежит и в чем примерно она заключается, т. е. лишь как подкреплением и развитием результатов познания, добытых каким-то иным путем. Из этих количественных данных самих по себе невозможно извлечь научную социальную теорию, отвечающую требованиям логики и методологии науки. Они могут быть использованы для построения и развития такой теории, для верификации (проверки) ее отдельных положений. Но что именно измерять и вычислять, как и с какой целью, это зависит от теоретических средств, а не наоборот.

Теоретический подход к социальным объектам имеет иную ориентацию, чем эмпирически-практический, доминирующий в современной сфере социальных исследований. Например, с помощью методов «конкретной» социологии можно установить шансы того или иного кандидата стать президентом страны, но абсолютно невозможно выяснить фактический статус самой должности президента в той или иной системе власти. Можно установить

уровень безработицы и предсказать ее эволюцию на несколько лет вперед, но невозможно выяснить реальные причины этого феномена. И отношение к количественному аспекту исследования иное. Те количественные данные, которые необходимы для построения такой теории, либо отсутствуют совсем, либо не публикуются, либо требуются большие усилия, чтобы их выуживать из океана ненужной информации.

Из комбинации рассмотренных выше явлений сложился своеобразный способ сочинительства и разговоров в сфере социальных явлений, который я называю интеллигентски-обывательским способом мышления. Для него характерны такие черты. Не стремление к ясности и к истине, а стремление произвести нужное впечатление на слушателей или читателей, создать видимость знаний, ума, глубины мысли, оригинальности и т. п. Сказать много, но хаотично и тенденциозно. Блеснуть эрудицией. Ссылаться на известные авторитеты прошлого и настоящего. Профессионально извращать позицию противников. Уклоняться от риска. Манипулировать множеством словесных штампов выгодным для себя способом. Из множества частных истин конструировать суммарную и результатную ложь. Прятать ложь в массе отдельных истин подобно тому, как сравнительно умные преступники прячут преступления в массе по отдельности непроступных поступков. Короче говоря, принимать участие в словесных спектаклях на тех ролях, какие удастся захватить в жизненных ситуациях. Этот способ мышления в наше время высочайшего уровня образованности, средств информации и общения стал характерным для состояния умов в сфере социальных проблем.

Научный подход

Но в чем заключается научный подход к социальным явлениям? В наше время расцвета науки и ее колоссальной роли в жизни человечества найти человека, который был бы против такого подхода и который считал бы свои суждения ненаучными, вряд ли возможно. Важно, как именно понимается этот подход и как он реализуется фактически.

Слово «наука», как и вообще вся терминология сферы социальных исследований и разговоров, неоднозначно. Этим словом называют всякую более или менее систематизированную совокупность знаний, на овладение которыми нужно профессиональное обучение. В этом смысле в число наук попадают и алхимия, и астрология, и теология, и советология, и кремлинология, и кулинария... Наукой называют также совокупность знаний, которая характеризуется определенными целями и определенным подходом к изучаемым явлениям, определенным способом мышления и исследования. Буду такой подход к исследуемым явлениям называть научным. Я вижу задачу логической социологии в том, чтобы разработать такой подход в применении к социальным явлениям.

В этой части книги я хочу охарактеризовать самые фундаментальные черты научного подхода к исследуемым явлениям (можно сказать – научного «поворота мозгов»). Читатель не должен при этом рассчитывать на то, что я буду преподносить ему какие-то сенсационные открытия на этот счет. Те черты научного подхода, о которых я буду говорить, широко известны. Для представителей естественных и точных (дедуктивных) наук некоторые из них суть нечто само собой разумеющееся. Они тут навязываются самими условиями исследования и высоким уровнем профессионализма. В них не суют нос с претензией на поручительство никакие политики, журналисты, бизнесмены, известные артисты и спортсмены, государственные и партийные чиновники. Иное дело – сфера социальных исследований. Тут чем сложнее проблемы с научной точки зрения, тем настырнее в них суют нос именно политики, журналисты, чиновники, бизнесмены и прочие значительные личности, причем суют нос с претензией на открытия, понимание и поучительство. Тут отстаивание научного подхода к социальным явлениям надо начинать именно с самых фундаментальных и очевидных принципов.

Далеко не все, что делается в сфере профессиональных социальных исследований, может служить примером научного подхода к социальным объектам. Не все, что делается вне этой сферы, должно быть отнесено к ненаучному подходу. Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он больше нужен в профессиональной науке и чаще тут встречается. Но нет запретов на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные степени «растворенности» (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления. Так, один из самых выдающихся умов в истории человечества – Маркс – создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое. Сколько лет марксизм превозносился как самая что ни на есть подлинная наука об обществе! Сколько миллионов людей было в этом убеждено и все еще убеждено! Точно так же обстоит дело с западной сферой

социальной мысли, в которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме.

Научный подход, повторяю, образует не одна или несколько общепонятных и общедоступных идей, а сложная совокупность средств, принципов, правил и т. д. познания. Некоторые из них, самые простые, доступны широкому кругу более или менее образованных людей. Для овладения другими нужны годы специального образования и опыт исследовательской работы. Третьими могут овладеть лишь немногие интеллектуально одаренные исключительные личности.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т. е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впадать в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне – друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не раздражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника. Научный подход к социальным явлениям означает беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать. Но люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной. Они воспринимают такую истину как разоблачение своих сокровенных тайн, как клевету и как угрозу. Не случайно самопознание было истолковано в Библии как первородный грех. А в наше время беспристрастное научное познание социальных объектов стало фактически всеобщим табу. Огромное число представителей рода человеческого стоит на страже этого табу, допуская к жизни лишь крупинцы истины, к тому же обработанные так, что в них не остается яда познания.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. Да и то порою исследователи не могут избавиться от своих симпатий и антипатий по отношению к объектам, с которыми имеют дело. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т. д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия – это хорошо, а диктатура – плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории, Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщали, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и считали это признаком научности, а учения «буржуазных» мыслителей считали ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция

Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков. Социальные объекты суть эмпирические, т. е. наблюдаемые людьми посредством их природных органов чувств и усиливающих их приспособлений. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о «полном коммунизме» («научный коммунизм») возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе.

При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его еще не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении еще дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку согласно Марксу он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно – брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условий и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти ставшие бессмысленными представления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине нашего века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некой правильной демократии.

Научный подход означает, что исследователь познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная.

Социальные объекты суть объекты исторические, т. е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна.

Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим – два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка – выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то конкретное время, а также выяснение того, как конкретно возникали, существовали и погибали конкретные социальные объекты. И в современности предмет внимания историков – конкретные события, личности, даты. Второй вид историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимается во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

О социологических концепциях я уже говорил. Что касается конкретных исторических исследований, то тут положение не лучше, чем в социологии. Не берусь судить, в какой мере прошлая история человечества сфальсифицирована умышленно, в силу неумения специалистов и идеологического давления. Думаю, что в достаточно большой мере, чтобы не принимать ее свидетельства как надежные. История же современная (происходящая на наших глазах), охватывающая все самые важные явления социальной жизни человечества нашего века, сфальсифицирована и фальсифицируется с таким размахом и настолько изощренно, что искать тут какие-то прочные опоры для научного подхода бессмысленно.

Научный подход к социальным объектам предполагает, наконец, следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне. Подавляющее большинство говорящих и пишущих на социальные темы просто не умеют пользоваться этими правилами. Лишь самые примитивные из этих правил и на самом примитивном уровне усваиваются как бы сами собой, просто в практике образования и работы. Но в более сложных случаях без специального изучения этих правил следовать рассматриваемому принципу невозможно, подобно тому, как невозможно без специального обучения правилам грамматики того или иного языка грамотно писать на этом языке.

Но мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знаете только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки. Ее состояние фактически не соответствует задаче обеспечения научного подхода к социальным проблемам современности. В моей логической социологии я стремился хотя бы в какой-то мере компенсировать этот недостаток.

Научный подход к социальным объектам в каком-то смысле есть развитие на профессиональном уровне того явления в интеллектуальной деятельности людей, которое часто называют здравым смыслом, народной мудростью и ясновидением. Здравый смысл (в моем понимании) есть способность человека, которая основывается, во-первых, на знании некоторых очевидных эмпирических фактов и на интуитивном понимании некоторых простейших социальных законов и, во-вторых, на интуитивном следовании некоторым простейшим законам логики. Это выражается в изречениях народной мудрости, например «Своя рубашка

ближе к телу», «Избави меня, Боже, от моих друзей, а от врагов я избавлюсь сам», «Наши недостатки суть продолжение наших достоинств», «Как аукнется, так и откликнется» и т. п. Здравый смысл противостоит тому явлению в человеческом интеллекте, из которого развивается профессиональное идеологическое мышление.

Результаты научного исследования эмпирических объектов фиксируются в знаниях об этих объектах. Эти знания можно рассматривать в трех аспектах – языковых средств, объективного содержания и способов получения. Они суть аспекты единого феномена. Тем не менее они различны. В первом из них мы абстрагируем правила образования терминологии науки и правила оперирования языковыми конструкциями как особыми объектами, отличными от объектов, к которым они относятся. Этими правилами занимается логика в традиционном смысле (формальная логика) – правилами построения определений понятий и суждений и правилами умозаключений. Во втором аспекте речь идет об обобщенном описании эмпирических объектов, к которым относятся языковые образования. Этим занимается онтология в традиционном смысле – наука о познаваемом эмпирическом мире. И в третьем аспекте имеются в виду действия исследователей, предпринимаемые ими с целью получения суждений об объектах. Обобщенным описанием этих действий занимается гносеология, она же эпистемология, или учение о методах познания в традиционном смысле. Как они это делают – это другой вопрос. Ниже я изложу ряд соображений об этих трех аспектах, которые совершенно необходимы для понимания социологических рассуждений автора.

Язык

Наши взаимоотношения с миром, в котором мы живем, опосредованы языком. Это опосредование играет для нас гораздо более серьезную роль, чем это принято думать. Здесь мало сказать, что эта роль большая или даже огромная, – слова «большая» и «огромная» в данном случае равным счетом ничего не говорят о качестве играемой роли, которая количественно может быть и незначительной. Мы, люди, обладаем определенными свойствами, сложившимися в результате длительной социально-биологической эволюции. Мы живем в определенных исторически данных условиях. И потому мы из поколения в поколение вынуждаемся выделять в окружающем нас мире лишь определенные явления, вынуждаемся выделять их определенными, доступными нам способами, вынуждаемся отражаемые нами явления фиксировать в определенных средствах языка. Мы оперируем этими средствами, не отдавая себе отчета в их происхождении и их логических свойствах. Мы узнаем при этом в мире лишь то, что позволяют нам эти средства и к чему они нас принуждают. До поры до времени они вполне достаточны для нашей ориентации в мире, для фиксирования нашего жизненного опыта и результатов познания. Но в познании возникают ситуации, когда оперирование привычными языковыми средствами становится серьезным препятствием на пути к пониманию явлений природы и общества, ведет к заблуждениям и путанице. Чтобы выбраться из таких затруднений, требуется специальное изучение и усовершенствование имеющихся языковых средств, а также изобретение новых.

Логическое усовершенствование языка до известной степени освобождает человека от той негативной власти, какую имеет над его сознанием плохое состояние языка. Но оно навязывает человеку позитивную власть языка в том смысле, что обнаруживает границы возможного и неизбежного.

Общеизвестно различие обычного и научного языков. Первый считается естественным, поскольку он является продуктом многовекового творчества всего народа, говорящего на том или ином конкретном языке. Второй считается искусственным, поскольку он является продуктом творчества сравнительно небольшого числа специалистов в течение сравнительно короткого периода времени. Взаимоотношения обычного и научного языков многообразны. Я хочу здесь остановиться только на некоторых вопросах в связи с этим, имеющих интерес с точки зрения цели книги.

Научный язык базируется на обычном языке и не может существовать без него в качестве языка. Уничтожение обычного языка привело бы к уничтожению и языка науки – последний стал бы непонятным. Граница между обычным и научным языками в некоторой мере относительна, исторически условна. Часть терминов и высказываний из научного языка переходит в обычный. Современный обычный язык даже среднеобразованных людей переполнен терминами, утверждениями и идеями, заимствованными из психологии, медицины, социологии, физики и других областей науки и техники. Научные открытия и технические изобретения вторгаются в обычную жизнь людей, в литературу, в прессу, в телевидение и в кино вместе с их особыми языковыми средствами. С другой стороны, средства обычного языка используются в науке для введения специальных терминов науки и разъяснения их смысла, а на первых порах вообще образуют основу для формулирования и развития новых научных идей и открытий. Короче говоря, в наше время сложился своего рода второй уровень обычного (вненаучного) языка, по богатству понятий и мыслей в огромной степени превосходящий обычный язык в традиционном смысле. Но отнюдь не превосходящий его с точки зрения уровня логической культуры. Понятия и утверждения науки, попадая в сферу обычного языка, трансформируются в нем по смыслу до такой степени, что лишь чисто графическая или звуковая форма напоминает об их первоисточнике.

В сфере социальных исследований сложилось такое положение, что лишь отдельные фрагменты ее языка и лишь частично удовлетворяют критериям логики и методологии науки. А основная масса слов живет и функционирует по правилам дологического, внелогического и псевдологического мышления. Это особенно сильно ощущается в теоретической социологии, где именно логические средства должны играть главную роль. А тут вы не найдете буквально ни одного термина, который можно было бы признать логически правильно обработанным. Тут вы можете насчитать десятки различных определений «капитализма», «рынка», «демократий», «государства», «культуры», «идеологии» и прочих основных понятий. Тысячи специалистов манипулируют словами как особыми объектами, не отдавая отчета в их предметном смысле. Они обучаются манипулировать ими применительно к определенным контекстам и ситуациям по принятым в их среде правилам, мало общего имеющим с интересами познания.

Размышляя на темы о реальном коммунизме и западнизме, а также о происходящем эволюционном переломе, я пришел к выводу, что для научного понимания этих феноменов необходимо прежде всего осуществить логическую обработку языка социальных исследований. Причем эта обработка должна охватить не отдельно взятые понятия, а весь их комплекс. Результатом ее должна явиться не сумма разрозненных фрагментов, а целостная теория (система, концепция), построенная в соответствии с правилами логики и методологии науки. Мыслители прошлого, создававшие теоретические системы, подвергались насмешке напрасно. Они чувствовали, что научный подход к социальным явлениям может быть практически реализован именно в форме всеобъемлющих теоретических систем. Иное дело – «техническая» реализация верной идеи. Она зависит от многих факторов, в том числе – от состояния самой логики... Ниже я изложу мои соображения об определении и экспликации понятий.

Определения

Определить объект – значит определить обозначающее его языковое выражение. Последнее называется понятием. Определить объект и определить понятие об объекте – это одно и то же.

Общеизвестны определения путем указания родовых (общих) и видовых (специфических, отличительных) признаков. Например, «Ромбом называется (ромб есть) четырехугольник, у которого все стороны равны». В социальных исследованиях приходится иметь дело с объектами, в отношении которых родовидовые определения совершенно недостаточны. Тут требуется более совершенная и сложная техника определения понятий. И исследователи фактически пошли этим путем, не отдавая себе в этом отчета и смешивая неявные определения слов с утверждениями об объектах, обозначаемых вводимыми в употребление словами. Я анализировал с этой точки зрения многие известные общие социологические концепции и нашел, что все они, будучи в основном феноменами в сфере определения понятий, претендуют на статус совокупностей утверждений об эмпирически данных объектах, относительно которых вроде бы не должно быть сомнений в смысле их обозначения (названия).

А между тем тут имеет место существенное различие. Утверждения об эмпирических объектах имеют значения истинности (ложны, истинны, неопределенны и т. п.), а определения не имеют. Они ни истинны, ни ложны. Они характеризуются иными признаками. Они суть решения исследователя называть какими-то словами выделенные им объекты. Они характеризуются тем, соблюдены или нет правила определения смысла терминологии, насколько они полны и насколько четко выражены с точки зрения правил рассуждений (выводов), насколько удачно выбраны объекты для исследования той или иной проблемы.

Между определениями и утверждениями имеет место логическая связь. В общем виде она такова: если принимается определение, согласно которому определяемый объект А имеет признак В, то тем самым принимается как аксиома утверждение, что А имеет признак В. Например, если принято определение «Ромб есть четырехугольник, у которого все стороны равны», то это равносильно принятию аксиом «Ромб есть четырехугольник» и «У ромба все стороны равны». Таким путем из определений можно выводить чисто логически следствия. Или, например, если вы в определение понятия «общество» включили в качестве одного из определяющих признаков наличие в человеческом объединении государственной власти, то из этого следует, что всякое общество имеет государственную власть, и если в объединении нет такой власти, то объединение не есть общество.

Надо различать определения объектов и перечисление их различных функций, форм и состояний. В определении объекта указываются только такие признаки, которые сохраняются при всех обстоятельствах, пока существует объект. Функции же, формы и состояния объекта могут меняться и разнообразиться. В практике словоупотребления, определяющие признаки объектов и такие, которые по идее в определениях не должны фигурировать, не различаются. Это – один из источников неопределенности и многозначности терминологии. В определениях объектов стремятся втиснуть все, что известно об этих объектах. А так как у разных авторов знания различны, то каждый считает свое понятие об объекте единственно правильным, а прочие – неправильными. Или происходит мысленное умножение объекта, говорится о его качественном изменении и т. п. В результате простые проблемы запутываются и становятся неразрешимыми.

При рассмотрении сложных социальных объектов, состоящих из многих различных объектов, приходится давать определения объекту в целом и его компонентам. При этом должно быть построено одно сложное определение, расчлененное на ряд частичных определений, а не просто некоторое число разрозненных определений. В этом сложном опреде-

лении между его частичными определениями и определением в целом должна иметь место логическая связь. Объект в целом должен быть определен через его составные части, а части – в отношении друг к другу и к целому. В логике этот тип определения не описан должным образом. В дальнейшем нам с такими определениями придется иметь дело неоднократно. Забегая вперед, упомяну здесь об определении общества и его социальной организации совместно с определениями основных компонентов этой организации – государства, экономики и других. Если брать элементы этого сложного комплекса по отдельности и изолированно друг от друга, они превращаются в предмет бесконечного словоблудия. А будучи взяты именно как элементы единого комплекса, они оказываются сравнительно простыми для понимания.

Приведу еще один прием, который также я ввел в логическую социологию и неоднократно использовал (он пригодится и в дальнейшем). При теоретическом исследовании объектов некоторого данного типа мы вправе выбрать для наблюдения их наиболее развитые и четко выраженные экземпляры. Рассматривая их, мы стремимся найти самое абстрактное их определение – идем от конкретного к абстрактному. При этом мы руководствуемся таким принципом. Самые абстрактные признаки объектов, включаемые в их исходное определение, суть признаки, определяющие их качество. Они сохраняются, пока существуют объекты. Они образуют «нижнюю» эволюционную границу объектов. Найдя такое исходное определение, мы восходим от него к высшему уровню развития объектов – идем от абстрактного к конкретному. При этом мы прослеживаем реальное развитие потенций объектов, изначально заложенных в их определенном выше качестве. В процессе развития абстрактные признаки в конце концов достигают уровня, на котором они воплощаются в особые структурные компоненты объектов, – реализуются в виде, близком к абстрактному «чистому» виду. Это и позволяет в конкретных наблюдаемых объектах найти их абстрактные основы и проследить процесс их развития от их исторического и логического начала до качественного «потолка», предела.

Главным в определениях с точки зрения их роли в познании социальных объектов является не нахождение слова для обозначения выбранного объекта, а процесс выбора объекта и выделения его признаков, которые указываются в определяющей части определения. От того, какие именно объекты исследователь выбирает и какие именно признаки в них выделяет, зависит успех исследования в целом. Тут имеет место свобода выбора. Но она ограничена интересами, возможностями и предполагаемыми результатами исследования. Выбор слова для сокращения того, что говорится в определяющей части определения (т. е. для краткого обозначения объекта, выделенного определением), кажется делом полного произвола исследователя. Но и тут есть свои ограничения. Они вынуждают прибегать к особой логической операции – к экспликации понятия.

Экспликация понятий

Одно из требований логики и методологии науки – определенность и однозначность терминологии. А если вы обратитесь к сочинениям на социальные темы, то первое, что вы заметите, это игнорирование этого требования. Все основные понятия (без исключения!) здесь являются многосмысленными, расплывчатыми, неустойчивыми или вообще утратили всякий смысл, превратившись в идеологически-пропагандистские фетиши. Просмотрите хотя бы небольшую часть только профессиональных (т. е. совсем не худших) сочинений на социальные темы, и вы найдете десятки различных значений слов «общество», «государство», «демократия», «капитализм», «коммунизм», «идеология», «культура» и т. д. Люди вроде бы употребляют одни и те же слова и говорят об одном и том же, но на самом деле они говорят на разных языках, лишь частично совпадающих, причем манипулируют словообразными феноменами, как правило, лишенными вразумительного смысла.

Такое состояние терминологии не есть лишь результат того, что люди не договорились относительно словоупотребления. Дело тут гораздо серьезнее. Имеется множество причин, делающих такое состояние неизбежным. Назову некоторые из них. Различаются явления, которые ранее не различались. Обращается внимание на различные аспекты одних и тех же явлений. Происходят изменения объектов внимания. Многие люди размышляют о социальных явлениях и высказываются о них, а у всех у них различный уровень понимания и различные интересы. Люди употребляют одни и те же слова в различных контекстах и с различной целью. Многие умышленно замутняют смысл терминов. К тому же логическая обработка терминологии требует особых профессиональных приемов и навыков, которыми почти никто не владеет. Просмотрите из любопытства справочники, в которых даются определения социальной терминологии. Приглядитесь к ним внимательнее. И даже без специального образования вы можете заметить их логическое убожество. А ведь эти определения создаются знатоками! Так что же на этот счет творится в головах у прочих?

Бороться против этой многозначности и неопределенности слов путем апелляции к требованиям логики и призывов к однозначности и определенности слов – дело абсолютно безнадежное. Никакой международный орган, наделенный чрезвычайными языковыми полномочиями, не способен навести тут порядок, отвечающий правилам логики. Сколько в мире печаталось и печатается всякого рода словарей и справочно-учебной литературы, которые стремятся к определенности и однозначности терминологии, а положение в мировой языковой практике нисколько не меняется в этом отношении к лучшему. Скорее наоборот, ибо объем говоримых и печатаемых текстов на социальные темы возрос сравнительно с прошлым веком в тысячи раз и продолжает возрастать, а степень логической их культуры сократилась почти что до нуля.

Возможно ли преодолеть трудности, связанные с неопределенностью и многосмысленностью языковых выражений, которые стали обычным состоянием сферы социального мышления и говорения? В науке для этой цели была изобретена особая логическая операция – экспликация языковых выражений. Суть этой операции заключается в том, что вместо языковых выражений, характеризующихся упомянутыми неопределенностью и многосмысленностью, исследователь для своих строго определенных целей вводит своего рода заместителей или дубликаты этих выражений. Он определяет эти дубликаты достаточно строго и однозначно, явным образом выражает их логическую структуру. И в рамках своего исследования он оперирует такого рода дубликатами или заместителями выражений, циркулирующих в языке, можно сказать – оперирует экспликатами привычных слов. Обычно в таких случаях говорят об уточнении смысла терминологии. Но тут мало отмечать аспект уточнения, ибо экспликация к уточнению не сводится. К тому же уточнение есть некоторое усо-

вершенствование наличных языковых средств, тогда как в случае экспликации имеет место нечто более серьезное: фиксируется полная непригодность данных выражений и вводятся дубликаты, заместители для них.

Задача экспликации состоит не в том, чтобы перечислить, в каких различных смыслах (значениях) употребляется то или иное языковое выражение, и не в том, чтобы выбрать одно какое-то из этих употреблений как наилучшее (т. е. подобрать объект для слова), а в том, чтобы выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина. Особенность ситуации тут состоит в том, что вводимый термин является не абсолютно новым языковым изобретением, а словом, уже существующим и привычно функционирующим в языке именно в качестве многосмысленного и аморфного по смыслу выражения. Возникает, естественно, вопрос: а почему бы тут не ввести совершенно новый термин? Часто так и делается. Но тогда эта операция не является экспликацией. При экспликации использование старого слова имеет вполне серьезные основания. В случае введения совершенно нового термина создается впечатление, будто речь пойдет о чем-то другом, а не о таких объектах, к которым так или иначе относятся привычные слова. Например, когда я вводил термин «коммунизм» как экспликат этого слова в широком разговорном языке, мне многие читатели советовали изобрести другое слово, поскольку каждый понимает коммунизм по-своему. Но я все же настаивал именно на этом слове, поскольку оно ориентировало внимание именно на тот объект, который меня интересовал и мое понимание которого, отличное от обывательских и идеологических представлений, я хотел изложить.

Экспликация стремится ориентировать внимание читателя на те объекты, о которых читатель уже имеет некоторые представления, но она при этом стремится придать такой поворот мозгам читателя, какой необходим (по убеждению автора) для научного понимания этих объектов. Главным в этой операции является именно поворот мозгов, который стоит за определением слов, а не сами эти определения, как таковые. Так что ошибочно рассматривать экспликаты слов просто как одно из употреблений многосмысленных слов в дополнение к уже имеющимся смыслам.

В случае экспликации понятий читателю сообщается новый способ понимания объекта, о котором у читателя уже накоплена какая-то сумма знаний, можно сказать – уже имеется интуитивное представление об объекте. Задача исследования при этом заключается в том, чтобы, осуществив экспликацию интуитивного представления об объекте и опираясь на нее, предложить читателю нечто новое, что невозможно узнать без такой логической работы ума. Так что читатель должен быть готов к тому, что в последующем изложении многое ему покажется известным и даже банальным, и отнестись к этому с терпением и терпимостью. Главная трудность в сфере социальных исследований состоит не в том, чтобы делать какие-то сенсационные открытия неведомых фактов, наподобие микрочастиц, хромосом, генов и т. п. в естественных науках, а в том, чтобы увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений, осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности грандиозных исторических процессов и огромных человеческих объединений.

В текстах на социальные темы, включая относящиеся к сфере науки, специальные термины употребляются, как правило, в логически плохо обработанном или совсем необработанном виде. Чтобы эти тексты приобрели какую-то осмысленность, они нуждаются в дополнительных истолкованиях (в интерпретациях) и примысливаниях (в частности – в том, что называют чтением между строк). Задача экспликации состоит в том, чтобы исключить такого рода интерпретации и примысливания, которые различны у различных людей, неустойчивы, многосмысленны, изменчивы. Одно из требований научного подхода к изучаемым объектам – сделать тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то, и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний. На практике

добиться этого почти невозможно или возможно лишь в ничтожной мере. Для этого требуется хорошо разработанная логическая теория, которой нет, требуется специальное образование, которое никто не получает, и требуются гигантские усилия. Достаточно сказать, что если бы даже было возможно осуществить полностью логическую экспликацию текстов, то получились бы тексты, в десятки и даже сотни раз превосходящие по объему эксплицируемые тексты. Оперирование ими было бы невозможно. А если учесть интеллектуальное убожество подавляющего большинства таких текстов, то вообще, как говорится, игра не стоит свеч. И ко всему прочему люди, производящие такие тексты, не заинтересованы в логической ясности и определенности – они имеют цели, мало общего имеющие со стремлением к научной истине.

Логические умозаклучения

Подавляющее большинство рассуждений, претендующих на то, чтобы считаться логичными, таковыми на самом деле не являются. Они являются псевдологичными, логичнообразными или в лучшем случае лишь частично логичными.

Логичными являются рассуждения (умозаклучения), совершаемые по особым логическим правилам. Относительно природы этих правил в логике до сих пор нет ясности. Возьмем для примера умозаклучение по одному из правил силлогизма, которое является наиболее широко известным. В общей форме оно имеет такой вид: «Если все предметы, называемые словом А (относящиеся к классу А), имеют признак В и предмет С называется словом А (относится к классу А, есть А), то предмет С имеет признак В». Обычно это правило иллюстрируют таким примером: «Все люди смертны, Сократ человек, значит, Сократ смертен». Почему это правило имеет силу? На этот счет философы насочиняли тома всякой чепухи. Согласно моей логической теории, это правило есть часть определения языковых знаков «Все», «имеет признак» и «относится к классу» (или «есть»).

Возьмем другой пример. Общепринято, что эмпирическое тело не может одновременно находиться в разных местах. Почему? Обычно говорят: таков закон природы. Но природа тут ни при чем. Это утверждение есть следствие из определения языкового выражения «разные места». Попробуйте определить, какие места в пространстве считаются разными! Тут возможны два варианта. Первый. Места А и В являются (называется) разными, если для любого эмпирического тела С имеет силу следующее: если тело С находится в одном из мест А и В, то оно не находится в другом. Из такого определения очевидным образом следует рассматриваемое утверждение. Второй вариант есть ослабление первого: вместо любого тела С (вместо всех эмпирических тел) говорится лишь о некоторых телах. В первом варианте предполагается, что разные места не пересекаются (не имеют общих «точек»), во втором допускается, что разные места пересекаются. Для второго варианта рассматриваемое утверждение неверно.

Одним словом, логические правила умозаклучений (правила логических умозаклучений) суть части определений языковых выражений (логических операторов и терминов) или следствия из таких определений. Обычно они остаются неявными и фрагментарными, люди пользуются ими безотчетно и по привычке, причем фактически очень редко. Если вы попытаетесь четко выявить (эксплицировать) логическую структуру рассуждений на социальные темы полностью, вы обнаружите, что более 99 процентов текстов строится совсем не по правилам логических умозаклучений, а размер эксплицитных текстов будет в десятки раз превосходить эксплицируемые тексты. Обычные рассуждения создают видимость логичности за счет примеров, привычных словесных ассоциаций, неявных допущений, словесных штампов и других совсем не логически бесспорных средств.

Правила логики являются общими для любых наук, в которых для них есть условия и необходимость. Они не образуют специфическую дедуктивную основу социальных исследований. Последнюю образуют определения языковых выражений, обозначающих социальные объекты, и утверждения об этих объектах. Поскольку результаты социальных исследований фиксируются в языке и сами исследования осуществляются в языке, к ним относятся и правила логики. К рассмотренным выше логическим правилам следует добавить совокупность определений и утверждений, образующих логическую онтологию.

Логическая онтология

Приведу далеко не полный список понятий, с помощью которых строятся знания об эмпирических объектах и описывается в логически обобщенном виде содержание этих знаний (т. е. то, о чем в них говорится): предмет (объект), признак (свойство, черта, характеристика), отношение, раньше, позже, одновременно, временной интервал, момент, дальше, ближе, на том же расстоянии, между, внутри, структура, состояние, существование, изменение, переход, процесс, ряд, развитие, деградация, простое, сложное, часть, целое, система, качество, количество, возможность, необходимость, случайность, связь, причина, следствие, тождество и т. п. Все эти понятия необходимы для описания знаний о социальных объектах как объектах эмпирических. Многие из этих понятий как-то обработаны в логике и методологии науки, но общее состояние является, на мой взгляд, неудовлетворительным. Все эти понятия должны быть эксплицированы в том разделе логики, который я называю здесь логической онтологией. Это – огромная работа, которая еще должна быть проделана. Мои суждения на этот счет читатель может найти в моих работах, упомянутых в предисловии. Здесь ограничусь отдельными замечаниями, полезными для понимания социологических идей.

Эмпирические и абстрактные предметы

Фиксируя эмпирические предметы в языковых выражениях, мы вольно или невольно осуществляем абстракции, т. е. принимаем во внимание одни признаки предметов и игнорируем другие. В большинстве практически важных случаев мы предполагаем, что предметы обладают и другими признаками, и воспринимаем выделенные и зафиксированные в языке их признаки лишь как своего рода метки. Но очень часто мы относимся к отраженным в языке предметам так, будто они обладают лишь известными нам признаками и не обладают другими. Такого рода уродами, чудовищами или, наоборот, совершенствами нам представляются чуть ли не все явления нашей общественной жизни, глубоко затрагивающие интересы людей, – правительства, партии, массовые движения, идолы политики и культуры, оппозиции, экономики, свобода, диктатура, демократия и т. д. Власть языка порою оказывается здесь настолько мощной, что отраженный в языке кусочек реальности кажется гораздо более реальным, чем сама реальность во всем ее объеме, со всеми ее позитивными и негативными свойствами. Если, например, в языковых выражениях вроде «демократические свободы», «народовластие», «равенство», «личная инициатива» отражены некие положительные (с точки зрения некоторой категории людей) свойства данного общественного устройства, то обозначаемые этими выражениями общественные феномены рассматриваются исключительно как абсолютные социальные добродетели. Тот факт, что с этими добродетелями в реальности неизбежно связано какое-то зло, что в иных условиях это зло преобладает, игнорируется. А если в языковых выражениях вроде «диктатура», «неравенство», «ограничения демократических свобод» отражены некие отрицательные явления общественной жизни, то обозначаемые ими феномены рассматриваются как абсолютное зло всегда и при всех обстоятельствах.

Язык позволяет нам создавать термины таких предметов, которые в принципе не могут существовать эмпирически, – абстрактных предметов. Примером таких абстрактных предметов могут служить «материальные точки» в физике – допущения физических тел, не имеющих пространственных размеров. К той же категории абстрактных предметов относятся всякого рода «духовные» существа, не обладающие телом, абсолютно проницаемые для других тел и сами способные проникнуть через любое материальное препятствие.

Индивид и множество (класс)

Объекты (предметы) могут рассматриваться с точки зрения сходных признаков (свойств), т. е. как представители множеств (логических классов) объектов с такими признаками, и с точки зрения их индивидуальности (неповторимости, уникальности). Это – разные аспекты познания, а их обычно смешивают или по крайней мере не различают. В первом аспекте у объектов выделяются отдельные признаки, которые могут быть у других и более объектов, а во втором выделяется совокупность признаков, которая присуща только одному объекту, и никакому другому объекту в мире вообще, или предполагается наличие у объекта такой совокупности признаков. Имеются средства такой индивидуализации объектов. Это обычно указание на пространственно-временные характеристики и отличительные признаки, заведомо неповторимые. Возьмем, например, Октябрьскую революцию 1917 года в России. Она есть представитель множества (класса) революций, что фиксируется словом «революция». Ее индивидуальность фиксируется словами «Россия» и «Октябрь 1917 года». Революций в истории человечества было много, а Октябрьская революция 1917 года в России всего одна, и другой индивидуальный объект, который может быть назван этими словами, никогда не был и не будет.

То, что сказано выше, входит в определение самих понятий. И это надо помнить при рассмотрении социальных объектов. Игнорирование имеющего здесь место различия ориентации внимания является широко распространенной логической ошибкой и умышленным идеологическим приемом запутывания проблем. Обычно берут социальное явление как индивидуальное, т. е. как неповторимое, и подгоняют его под какую-то (подходящую) общую схему, т. е. переключают внимание на признаки, присущие множествам объектов. В результате сущность явления, связанная именно с его индивидуальностью, испаряется, ее затемняют общими разговорами. Таким путем, например, создали идеологически ложную картину сталинизма, рассматривая его с точки зрения его сходства с гитлеризмом, создали идеологически ложную картину социально-политической системы посткоммунистической России, рассматривая ее по аналогии с некоторыми признаками западных стран.

Выделение сходных (общих) признаков у различных объектов есть одно из важнейших средств познания этих объектов. Но это – лишь одно из средств, причем ограниченное определенными правилами. В социальных исследованиях приходится иметь дело зачастую с индивидуальными (уникальными, неповторимыми) объектами. Например, в мире существует только один неповторимый западный мир, существовал только один советский коммунизм, существует только одно человечество и т. д. Абстрактные допущения о возможности аналогичных явлений на других планетах не отменяют необходимости при исследовании упомянутых явлений прибегать к средствам познания, ориентированным именно на их уникальность, а не ограничиваться ни к чему не обязывающими общими разговорами.

Атомарный объект

Атомарным (или элементарным) объектом для данной сферы исследования (для данной предметной области) является такой объект, который не расчленяется на другие (частичные) объекты, а все прочие объекты этой сферы рассматриваются как объединения атомарных. Атомарность тут относительна. За пределами данной сферы атомарный объект может рассматриваться как сложный. В сфере социальных исследований атомарным объектом является отдельно взятый человек, причем взятый исключительно как член объединения людей, т. е. как существо социальное. В биологии человек рассматривается как сложный объект.

Атомарность относительна также в том смысле, что сложные объекты, состоящие из атомарных, рассматриваются в зависимости от свойств атомарных. При этом выделение тех или иных объектов как атомарных и их свойств в этом качестве зависит от того, какие сложные объекты предстоит исследовать. Тут зависимость двусторонняя. Например, в социальном исследовании нам даны как эмпирические факты объединения именно людей, и мы, естественно, берем людей в качестве социальных атомов, выделяя в них свойства, необходимые для понимания объединений людей.

Состояние, изменение, событие

Когда речь идет о состоянии объекта, предполагается некоторый временной интервал, и внимание ориентируется на то, что можно сказать об объекте в этом интервале.

Изменение объекта фиксируется путем сопоставления его состояний в различные временные интервалы, следующие один за другим. Если эти состояния различны, то говорят об изменении объекта. Частные случаи изменения – возникновение и исчезновение объектов.

Слово «событие» употребляется как обозначение возникновения, изменения (смены состояний) и исчезновения объектов (например, произошла революция, началась война, разразился кризис, рухнула социальная система и т. д.). События именно происходят, случаются. Они происходят в какое-то время. Интервал времени, в течение которого они происходят, сравнительно невелик или не принимается во внимание, т. е. внимание ориентируется на сам факт события.

Переходное состояние

В случае с эмпирическими предметами между этими двумя состояниями имеет место еще третье состояние – переходное. Это состояние характеризуется тем, что в это время невозможно установить, существует предмет (уже или еще) или нет, обладает он некоторым свойством или нет, находится в данном месте или нет и т. д. Таким образом, в случае изменений приходится иметь дело не с двумя состояниями, а с тремя – с двумя определенными (или статичными) и одним неопределенным, переходным. Этот факт послужил одним из источников идей неклассической (многозначной) логики.

В рассуждениях об общественных событиях и процессах принимать во внимание особенности переходных состояний точно так же в высшей степени важно. Не все утверждения, правомерные в отношении статичных состояний, правомерны в отношении переходных. В частности, многие утверждения, истинные в отношении советского общества в брежневский период, лишены смысла в отношении сталинского периода. Нелепо, например, говорить о нарушении неких норм советской жизни в сталинское время, если эти нормы еще не сложились, если они еще были в процессе формирования.

Неопределенности в суждениях о переходных состояниях возникают не только из-за трудности или даже невозможности обнаружить и точно фиксировать те состояния вещей, которые позволяют говорить о том, что произошло изменение, но из-за сложности самих переходных состояний. Например, процесс десталинизации страны в Советском Союзе не был кратковременным мероприятием хрущевского руководства. Он начался задолго до смерти Сталина, растянулся на многие годы, происходил во всех сферах жизни общества и во всех районах страны. Если мы точно определим, что такое сталинизм как специфическое явление в советской истории и во всей советской жизни, в отличие от того состояния советского общества, которое стало нормой для него в результате десталинизации, то мы столкнемся с затруднениями в применении суждений, имеющих безусловную силу в отношении классически-сталинского периода и в отношении, допустим, брежневского периода, к некоторым годам незадолго до смерти Сталина и после его смерти. Многие явления сталинизма утратили силу во многих учреждениях, сферах жизни и районах страны еще до смерти Сталина, многие же продолжали существовать даже после доклада Хрущева. Потому в этот период возникали постоянно бесперспективные дискуссии, например по проблеме, преодолен сталинизм («ошибки периода культа личности») или нет.

Необходимость, возможность, случайность

Понятия необходимости, возможности и случайности относятся к событиям. Между ними имеют место чисто формальные (знаковые) отношения. Например, событие считается возможным, если, и только если не является необходимым то, что оно не происходит; событие считается случайным, если, и только если оно не является необходимым. В онтологическом аспекте устанавливается то, когда именно события могут считаться необходимыми, возможными и случайными. Например, событие считается необходимым относительно данных условий, если событие такого рода происходит всегда, когда имеются эти условия: событие считается случайным относительно данных условий, если возможно, что оно не происходит при этих условиях. В логической онтологии может быть разработана система таких утверждений, позволяющих вполне осмысленно оперировать рассматриваемыми понятиями.

Обращаю внимание на то, что рассматриваемые понятия применимы на онтологическом уровне лишь к объектам как представителям множеств (классов) однородных объектов. Они имеют смысл лишь при определенных условиях. Событие может быть необходимым (или случайным) относительно одних условий и случайным (соответственно – необходимым) относительно других условий.

Оценка событий как необходимых, возможных и случайных ничего еще не говорит о роли этих событий в тех или иных ситуациях. Например, событие может быть случайным в некоторых условиях, но сыграть решающую роль в отношении другого события в связи с совокупностью обстоятельств, породивших это другое событие. Приезд Ленина в Россию в 1917 году был случайным событием относительно условий, породивших революционную ситуацию. Но это событие в совокупности обстоятельств, породивших Октябрьскую революцию, сыграло решающую роль. Аналогично избрание Горбачева на пост главы КПСС было случайным событием относительно соответствующих процедур организации КПСС, но это событие сыграло решающую роль в советской контрреволюции после 1985 года в совокупности с прочими событиями, породившими ее.

Подлинность и кажимость

Социальные объекты состоят из людей. Люди выполняют какие-то функции и совершают соответствующие им действия не ради самих этих функций и действий, а лишь постольку, поскольку могут существовать и удовлетворять свои интересы благодаря этим функциям и действиям. Они стремятся производить на других людей выгодное для себя впечатление, скрывать какие-то свои намерения, раскрытие которых может принести им ущерб, вводить других людей в заблуждение относительно себя и впадать в заблуждения относительно самих себя. В результате признаки социальных объектов разделяются на две группы. К первой из них относятся такие признаки объектов (т. е. людей), которые характеризуют их независимо от их стремления выглядеть для других выгодно для себя. Ко второй группе относятся признаки, характеризующие социальные объекты в том виде, в каком они стремятся себя показать другим. Для первых признаков будем употреблять слово «подлинность» (или «сущность»), для вторых – «видимость» или «кажимость» (часто употребляется слово «явление» в смысле именно кажимости).

Подлинность и видимость далеко не всегда совпадают. Видимость выставляется напоказ и преувеличивается, а подлинность затушевывается, маскируется, скрывается и даже отрицается как реальность. В наше время способности и возможности людей придавать социальным явлениям видимость, не соответствующую их подлинности (сущности), достигли высочайшего уровня. Все люди в той или иной мере обучаются этому. Этим занимаются многочисленные специалисты, специальные учреждения, средства массовой информации, политики, дипломаты, деятели культуры. Если принимать за чистую монету бесконечные речи партийных вождей, парламентариев, президентов и прочих личностей, фигурирующих на сцене истории, то можно подумать, будто они ночи не спят, думая о благе народов. Но главным в их спектаклях является не стремление решать проблемы наилучшим образом в интересах тех, кого они касаются непосредственно, а стремление решать наилучшим для себя образом проблемы своего положения в ситуации, когда они вынуждены проявлять заботу о других.

В наше время аспект видимости в большом числе (если не в большинстве) жизненно важных случаев приобрел такие масштабы, формы и значение, что оттеснил аспект сущности на задний план, взял над ним верх и сам стал выглядеть как сущность объектов. Произошло своего рода эволюционное оборачивание. Наиболее высоко развитые человеческие объединения стали превращаться в сборище социальных актеров. В паре «Быть или слыть» вторая установка стала играть более важную роль для людей. Дураки стали выглядеть как мудрецы, моральные уроды – как образцы добродетелей, преступники – как опора законности. Безобразие – как красота. Мощнейшая система воспитания, образования и идеологического оболванивания создала вымышленный мир кажимостей, занявший в жизни людей более важное место, чем мир сущностей.

Содержание и форма

Известно, что власть в одних западных странах, считаемых демократическими, является монархической, а в других – республиканской. Это – виды демократической власти. Возьмем монархическую власть. Она имеет место в некоторых западных странах, которые считаются капиталистическими, и в странах с феодальным социальным строем. Но можно ли считать капитализм и феодализм видами монархии? Тут возникает затруднение. Очевидно, тут мы сталкиваемся с отношением между признаками объектов, отличным от отношения между общими признаками и частными. В диалектике для этого отношения была выработана пара понятий «содержание» и «форма». В нашем примере монархическая и республиканская власть суть формы государственной власти.

Пара понятий «сущность» и «кажимость» фиксирует отношение между объектами и познающими их субъектами, а пара понятий «содержание» и «форма» – отношение между различными признаками одних и тех же объектов. При этом исследователь различает в самом объекте то, что характеризует объект как ответ на вопрос «Что имеет место реально (или что происходит)?», и то, что характеризует тот же объект как ответ на вопрос «Как (в каком виде) это «что» существует (или происходит)?».

Различие содержания и формы социальных объектов относительно, но не произвольно. Порою оно принимает такие размеры, что даже профессиональные исследователи в своих сочинениях удваивают одни и те же объекты. Например, многие западные авторы, критикующие западную систему власти, утверждают, будто она не является подлинной демократией или является нарушением последней. А между тем «подлинная» демократия, о которой они говорят, есть содержание реальной демократии, а то, что они считают отступлением от нее, есть реальная и закономерная форма ее существования.

Взаимоотношения содержания и формы разнообразны. Одно и то же содержание может выражаться в разных формах – объекты могут быть сходны по содержанию и различны по форме. Объекты могут быть сходны по форме, но различны по содержанию – одна и та же форма может выражать различное содержание. Отношение содержания и формы характеризуется степенью соответствия. Эта степень заключена в пределах от полного несоответствия до полного соответствия. Со временем она меняется. Может форма отставать от содержания. Может, наоборот, содержание отставать от формы. Имеет силу социальный закон тенденции к установлению их адекватности, т. е. более или менее нормальной степени соответствия. В процессе жизни объекта возможно доминирование того или другого компонента пары над другим. Форма может устаревать. Старая форма «сбрасывается», уступая место новой, соответствующей новому содержанию.

Качество и количество

Во всяком социальном объекте можно обнаружить качественный и количественный аспект – качество и количество. Качество объекта (в моем словоупотреблении) образует совокупность его структурных компонентов с их свойствами и взаимоотношениями, благодаря которым этот объект сохраняется и без которых он существовать не может. Количество образует все то в объекте, что может быть подсчитано, измерено, вычислено и зафиксировано в величинах.

Даже отдельно взятый человек имеет социальную структуру – управляющий орган (мозг) и управляемое им тело. Количественно он характеризуется величиной «один». Способности его могут быть измерены (например, интеллектуальный уровень). Средства измерения изобретаются людьми. И работа эта есть явление сравнительно новое. Даже понятие «один» получило точное определение лишь в конце прошлого и начале нашего века (в основаниях математики, в формальной арифметике).

Качество и количество объекта суть именно аспекты единого целого. Они существуют не наряду друг с другом. Один без другого вообще не существует. Между ними имеют место разнообразные отношения. Одно дело, например, организация системы власти из нескольких десятков или сотен человек, и другое дело – из нескольких десятков и сотен тысяч, а то и миллионов человек. В реальной практике жизни эта зависимость постоянно игнорируется с соответствующими негативными последствиями. Когда советские реформаторы после 1985 года начали перестраивать советское общество по западному образцу, идеологи перестройки, изучавшие диалектику годами, полностью игнорировали рассматриваемую банальную истину, ссылаясь на образцы социальной организации, например, в Швеции и Швейцарии. Эту истину игнорировали и западные идеологи, поощрявшие и превозносившие советскую перестройку. Но они это делали умышленно, вполне отдавая себе отчет в том, что эта перестройка приведет страну к краху и деградации.

Отношение качества и количества характеризуется степенью соответствия. Есть определенные границы, в которых колеблется нормальная для самосохранения объекта степень соответствия, именуемая в диалектике мерой. Выход за ее пределы ведет либо к разрушению объекта, либо к качественным изменениям. Например, увеличение числа членов группы сверх некоторого максимума ведет к тому, что либо группа разделяется на две, либо сокращается число членов (излишние исключаются), либо в группе образуются подгруппы со своими руководящими лицами. Если число членов группы недостаточно для выполнения ее функций, группа либо ликвидируется, либо увеличивается численно, либо изменяет статус (например, сокращается объем выполняемых ею дел). С такого рода операциями люди имеют дело постоянно в практике своей жизни, не задумываясь над тем, что поступают в соответствии с одним из социальных законов, который заметили диалектики.

Отношение качества и количества не ограничивается утверждением диалектики, согласно которому количественные изменения ведут к качественным. Не все качественные изменения суть результат количественных. В человеческих объединениях постоянно происходят качественные изменения в рамках тех же количественных характеристик (например, переструктурирование). И количественные изменения не всегда ведут к качественным. В науке и в практике жизни людей известны так называемые допороговые изменения, не влияющие на качественное состояние объектов. И даже в случаях, когда количественные изменения ведут к качественным, первые суть лишь одно из условий вторых, причем порою не главное. С другой стороны, количественный аспект зависит от качественного. Например, размеры объединений людей зависят от организации, от типа управления, от квалификации членов объединения, от целей и т. п. Так что не только количественные изменения ведут

к качественным, но и качественные ведут к количественным. Причем одни и те же количественные изменения в различных условиях ведут к различным качественным, а одни и те же качественные – к различным количественным. Так что диалектический «закон» перехода количественных изменений в качественные не есть всеобщий закон бытия. Это вообще не закон. Это есть лишь отдельное явление эмпирической реальности, замеченное философами прошлого, но не разработанное должным образом.

Количество фиксируется в языке в величинах. Величины разделяются на абсолютные и относительные. Первые выражаются в числах, вторые – в отношениях чисел (в процентах, степенях). С точки зрения научного подхода те или иные величины сами по себе не имеют смысла. Они имеют таковой лишь в связи с качественной характеристикой объектов и целями их исследования. В теоретическом исследовании, о котором идет речь в этой книге, измерение и вычисление величин играет роль подсобную. Причем интересы такой ориентации исследования настолько расходятся с интересами «конкретной» («эмпирической») социологии, что данные второй не имеют для первой почти никакого полезного значения, а зачастую просто вводят в заблуждение.

Социальные связи

Сфера социальных явлений включает в себя огромное разнообразие видов эмпирических связей объектов, которое лишь в ничтожной мере привлекло внимание логики и методологии науки, да и то косвенно и без использования идей и аппарата современной логики.

Чаще всего говорят о причинно-следственных связях. Но что такое причина и следствие? Никакой очевидности тут нет. И тем более нет некоего единственно правильного и общепринятого определения этих явлений. Известно несколько десятков различных определений. Не буду заниматься их логическим анализом. Возьму лишь то, что обще большинству из них: признание того, что следствие во времени следует за причиной, и того, что причина так или иначе участвует в порождении следствия.

По самим условиям социальной сферы методы выявления причинно-следственных связей применимы далеко не всегда и не так уж надежны. А в случае сложных исторических событий, представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл. В таких случаях имеет место переплетение бесчисленных причинно-следственных рядов. Одни из этих рядов не зависят друг от друга, другие сходятся, третьи расходятся, четвертые затухают, пятые зарождаются и т. д. Индивидуальное историческое совпадение их в некотором пространственно-временном объеме само не есть причинно-следственный ряд, подобный входящим в него рядам, и не есть ни причина чего-то и ни следствие чего-то просто в силу определения самих понятий «причина» и «следствие» и методов выявления причинности. Потому искать тут причинное объяснение просто бессмысленно. Когда исследователи все-таки говорят в таких случаях о причинах, они используют слово «причина» не как научное понятие, а как весьма неопределенное и многосмысленное выражение общеразговорного языка. Методы обнаружения причинно-следственных связей к таким ситуациям в принципе неприменимы. Суждения, высказываемые в таких случаях в терминах причинности, в принципе непроверяемы. Потому в таких случаях всякий может выдумывать свою собственную концепцию. Потому тут возможны различные, порою взаимоисключающие, объяснения. И если какая-то концепция получает более или менее широкое признание, то происходит это не в силу ее логической доказуемости или эмпирической подтверждаемости, а совсем на других основаниях. Короче говоря, можно принять допущение, что каждое эмпирическое явление причинно обусловлено (ничто не происходит без причины), но фактически и логически ошибочно думать, будто для каждого эмпирического явления можно указать его причину или причины.

В теоретических социальных исследованиях причинно-следственные связи занимают ничтожно мало места. Основное внимание уделяется связям структурным, функциональным и генетическим, компоненты которых являются сосуществующими в пространстве и времени. И даже в тех случаях, когда компоненты связей возникают во временной последовательности, основное внимание исследователей сосредоточивается на их последующем сосуществовании. Понятия причины и следствия лишены смысла в применении к их отношениям. Например, какими бы ни были отношения государства и экономики во времени и как бы ни рассматривали их отношения представители различных школ и направлений в социологии, все они единодушны в одном: никому в голову не приходит мысль рассматривать государство как причину экономики или наоборот.

При всех разнообразиях эмпирических связей общим для них являются контакты эмпирических объектов, в которых происходит передача одними из них другим вещества или энергии. При этом одни отдают что-то, а другие это «что-то» усваивают (присваивают). Более сложные случаи – обмен. Контакты бывают непосредственными и опосредо-

ванными (через третьи объекты), одноактными, спорадически повторяющимися и регулярными. Более сложные случаи – разделение целого на части с сохранением связи частей и объединение объектов в целое с сохранением их различия.

Специфика социальных связей (чаще употребляют выражение «социальные отношения») заключается в том, что в контакты вступают люди и объединения людей и связи их образуются, существуют и проявляются в сознательных действиях одних из людей и их объединений по отношению к другим. В этих контактах одни из компонентов связи отдают другим, а другие получают от них что-то, что необходимо и полезно для их существования. Одни отдают – это значит, что у них это отнимают силой или ставят в такие условия, что они вынуждаются отдавать «добровольно». Возможна и бывает заинтересованность в отдаче – при этом отдающие что-то выгадывают для себя. Другие получают – это значит, что они отнимают это у других силой, так или иначе вынуждают на «добровольную» отдачу или создают условия для выгодной для других отдачи. Отдают люди вещи, себя, свои силы и способности, продукты своей деятельности. Величина отдаваемого равна величине получаемого плюс потери на акт передачи. Невозможно получить больше того, что могут отдать. Более сложный случай – обмен. Для него имеет силу закон эквивалентности. На этой основе развиваются все прочие виды социальных связей, включая структурные и генетические. Исследование их образует основное содержание всякой теоретической социологии, в том числе и нашей логической социологии.

Объективные законы

Научное исследование ориентируется на открытие законов объектов или объективных законов.

Слово «закон» многозначно. В конкретных науках и в методологии науки говорят о законах науки (или научных законах), имея в виду определенного типа суждения об исследуемых объектах. Законами объектов называют то, о чем говорится в таких суждениях. Речь идет об одном и том же, только в первом случае – о языковых выражениях, фиксирующих законы объектов, а во втором случае – о том, что фиксируют эти выражения.

Научными законами (законами объектов) называют обобщения результатов наблюдений и экспериментов, которым приписывают какую-то особо важную роль в науке. С логической точки зрения суждения такого рода суть общие суждения фактов. К числу таких суждений относится, например, утверждение о том, что в демократических странах имеет место разделение власти на законодательную и исполнительную. Это – суждение о наблюдаемом факте, аналогичное по его логическому статусу суждению «Нормальная собака имеет четыре ноги». Кстати сказать, социологическая наука в основном состоит из суждений такого логического типа.

Научными законами (суждениями законов) называют также суждения, явно или неявно предполагающие определенные условия, при которых они всегда истинны. Я в дальнейшем буду иметь в виду только их, говоря об объективных законах.

В языковой практике условия законов обычно не учитываются совсем или подразумеваются как нечто само собой разумеющееся и всегда имеющее место. Это порождает путаницу, бессмысленные споры, идейные «перевороты» и даже умышленные спекуляции, когда обнаруживается важность явного учета условий в случаях их несоблюдения и изменения. Порою такие ситуации принимают грандиозные размеры, вовлекая большое число людей и растягиваясь на много десятилетий и даже на века. Например, спекуляции такого рода в физике приняли поистине эпохальные и глобальные размеры, по уровню мракобесия не уступая мистификациям средневековья. А в сфере социальных явлений на этот счет творится нечто невообразимое.

Чтобы некоторое суждение (совокупность суждений) А приобрело статус научного закона, необходимо условие В установить (подобрать специально!) таким образом, чтобы А было истинно всегда при наличии условия В. Если при наличии условий В возможны случаи, когда А ложно, то А не может рассматриваться как закон, отвергается в качестве закона. В практике познания условия В устанавливаются всегда лишь частично и приблизительно. В ряде случаев они вообще являются воображаемыми, невозможными в реальности. В таких случаях суждения «А при условии В» вообще не верифицируются (не подтверждаются и не отвергаются) путем сопоставления с эмпирической реальностью. Их ценность устанавливается косвенно, т. е. тем, что с их помощью получают выводы, которые соответствуют или не соответствуют реальности. Они принимаются как аксиомы или на основе логических рассуждений, в которых А выводится из каких-то посылок, включая в них В. Условия А могут быть в той или иной мере достигнуты в эксперименте или выявлены в результате логической обработки данных наблюдений.

Надо различать общие черты (признаки) различных явлений и законы этих явлений. Для обнаружения общего необходимо сравнение по крайней мере двух различных явлений. Для выявления закона нужны логические операции иного рода. Закон может быть открыт путем изучения одного экземпляра явлений данного рода. Для этого нужен логически сложный анализ эмпирической ситуации, включающий отвлечение от множества обстоятельств, выделение непосредственно незаметного явления в «чистом виде», своего рода очищение

закона от скрывающих его оболочек. Закон находится как логический предел такого процесса, причем не как нечто наблюдаемое, а как результат логических операций. Законы эмпирических объектов вообще нельзя наблюдать так же, как наблюдаются сами эти объекты.

Законы не следует также смешивать с причинно-следственными отношениями, с необходимостью, сущностью, содержанием и другими явлениями бытия, фиксируемыми логическими и философскими понятиями. У всех у них различные функции в фиксировании результатов познания, они выражают различные аспекты познания, различно ориентируют внимание исследователей. Однако как в языковой практике, так и в сочинениях профессионалов, которые по идее должны были бы тут наводить порядок, царит на этот счет невообразимый хаос.

Законы эмпирических объектов (законы бытия) не зависят от воли и желаний людей и вообще от чьей-либо воли. Если есть объекты, к которым они относятся, и есть необходимые условия, то они имеют силу, никто и ничто в мире не может отменить их действие. Можно ослабить их действие, скрыть, придать форму, создающую видимость их «отмены». Но они все равно остаются. Они именно такими и открываются исследователями, чтобы быть универсальными в отношении соответствующих объектов при соответствующих условиях.

Надо различать законы, как таковые, фиксируемые в абстрактной форме (скажем, абстрактные законы), и их конкретные проявления в частных случаях. Условия закона в реальности и в исследовании ее никогда не выполняются полностью, а порою не выполняются вообще. Одновременно действует множество законов, которые воздействуют на форму проявления друг друга и даже действуют порою в противоположных направлениях. Потому кажется, будто законы потеряли силу или их не было вообще. В реальности законы действуют как скрытые механизмы явлений и как более или менее явные тенденции.

Надо различать законы и следствия действия законов – закономерные явления. Люди, например, давно заметили регулярность смены времени суток и закрепили это знание в суждениях, выражающих уверенность в том, что на смену дня обязательно придет ночь, а на смену ночи – день. Но это не значит, будто они открыли закон природы, вследствие которого происходит смена дня и ночи. Обычно эмпирические законы в том смысле, как мы рассмотрели выше, и закономерные явления не различают и в качестве суждений законов рассматривают обобщения наблюдаемых фактов, подкрепляемые многократными повторениями и не сталкивающиеся с противоречащими фактами. В практике познания такого рода «законы» часто опровергаются, и по сему поводу устраиваются сенсации, кричат о «революциях» в науке, о ломке «устаревших» представлений. С логической точки зрения, однако, в таких случаях лишь выясняется ограниченность простой неполной индукции и логическая ошибка необоснованности обобщения.

Объективные законы суть законы эмпирических объектов, но сами они эмпирическими объектами не являются. Они сами по себе не возникают, не изменяются и не исчезают. Это не значит, что они вечны и неизменны. Просто по самому смыслу понятий к ним нельзя применять понятия возникновения, изменения, исчезновения, неизменности, вечности. Они не имеют независимости от объектов существования. Об их существовании мы судим не путем их непосредственного наблюдения (их невозможно видеть, слышать, трогать руками), а по их проявлениям в ситуациях с эмпирическими объектами. Они открываются на основе наблюдений эмпирических фактов, но открываются благодаря особого рода интеллектуальным операциям.

Сфера действия рассматриваемых законов ограничена множеством эмпирических объектов определенного вида. Никаких всеобщих законов бытия, имеющих силу в отношении любых (всех) эмпирических объектов, не существует хотя бы уже потому, что условия законов для объектов различных видов логически несовместимы в некое единое условие. Возможно, конечно, сформулировать утверждения, имеющие силу для всех эмпирических

объектов. Но они (с логической точки зрения) будут либо логически ложными (противоречивыми), либо частями неявного определения понятия «эмпирический объект». Этому определению можно придать форму системы аксиом. Выводимые в этой системе утверждения истинны по определению понятий. Они не являются эмпирическими законами. Их можно назвать дефинитивными законами. Они не открываются в изучаемых эмпирических объектах.

Субъективные и объективные факторы

Социальные объекты суть объекты эмпирические. Значит, на них распространяется все то, что говорилось в предшествующем разделе об объективных законах. Но они обладают свойствами, отличающими их от всех прочих эмпирических объектов, а именно — они обладают интеллектом, волей, способностью ставить цели и добиваться их осуществления, способностью планировать свои действия и предвидеть их результаты, короче говоря — обладают тем, что называют субъективными факторами. Наличие этих факторов порождает трудности в отношении признания объективных социальных законов, аналогичных в рассмотренном выше смысле законам объектов неживой и живой дочеловеческой (неразумной) природы. В самом деле, о каких независимых от воли и сознания людей законах может идти речь, если социальные объекты суть существа, наделенные волей и сознанием?!

Взгляд на субъективные факторы как на играющие решающую роль в историческом процессе и в организации человеческих объединений был доминирующим в истории социальной мысли и остается таковым в современном западном мире. Он поощряется западной идеологией, пропагандой и культурой. Описаниями сознательных и волевых действий людей, организаций, учреждений, властей заполнены бесчисленные газеты, журналы, книги. Ими полны телевизионные передачи и фильмы. За безработицу, инфляцию, кризисы, войны и прочие язвы современности винят политиков, предпринимателей, партии и конкретных людей.

Субъективные факторы до сих пор понимаются как нечто такое, что не подвержено действию объективных законов, и противопоставляются факторам объективным, которые считаются независимыми от воли и сознания людей. И для этого есть основания. В чем заключаются объективные факторы? Люди появляются на свет в условиях, которые достаются им в готовом виде от предшествующей истории и которые они уже не в силах переделывать. Эти условия даны им как реальность, независящая от их сознания и воли. В человеческой жизни принимает участие большое число явлений, неподконтрольных их воле. Возникают непредвиденные следствия даже сознательной деятельности. Людей много, их цели разнообразны и зачастую противоположны. Суммарный результат их деятельности далеко не всегда совпадает с тем, к чему стремятся отдельные участники объединений. Люди совершают ошибки в своих расчетах. Возможности предвидеть ход событий ограничены. Думая о ближайших результатах своих действий, люди не задумываются над более отдаленными их последствиями. Плюс к тому — неосознанные и животнотобразные действия. И даже в тех случаях, когда последствия действий можно предвидеть, люди часто не считаются с ними, поскольку их частные интересы в момент совершения действий оказываются сильнее разумных предвидений. Наше время дает на этот счет устрашающие примеры, которые общеизвестны. К числу объективных факторов относятся свойства явлений природы, образующих среду существования людей и играющих в их истории и социальной организации роль несомненную.

На мой взгляд, различие субъективных и объективных факторов есть бесспорный факт, но противопоставление их в плане объективных социальных законов лишено смысла. Эти законы суть законы именно сознательной и волевой жизнедеятельности людей и их объединений. Они все-таки существуют и неумолимо делают свое дело.

В истории социальных исследований объективные социальные законы, как правило, не замечались, не осознавались в качестве таковых или отрицались совсем. Сравнительно немногие исследователи говорили об их существовании и как-то описывали их. Но суть дела не в общих заявлениях на этот счет, а в том, как именно понимаются эти законы и каким образом признание их выражается в теоретических построениях. Самой значительной, на мой

взгляд, социальной концепцией, признающей объективные социальные законы и построенной на основе определенных законов такого рода, является марксистский исторический материализм. Критическое отношение к нему послужило одним из источников идей моей логической социологии. В дальнейшем я неоднократно буду высказываться по этому поводу. А сейчас я изложу мое понимание социальных законов.

Социальные законы

Социальные законы отличаются от законов неживой и живой дочеловеческой природы прежде всего объектами, к которым они относятся. Они суть законы человеческих объединений, структурирования этих объединений, функционирования и взаимоотношений их частей, поведения людей как членов этих объединений и т. д., короче говоря – законы социальных объектов.

Особенность социальных законов, далее, состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и дочеловеческой живой природы, т. е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет.

Тут надо различать два различных явления, а именно – отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их, повторяю, нужна особая работа ума, особые познавательные операции. Применяя эти операции, исследователь должен сознание и волю людей рассматривать как объективные свойства особого рода эмпирических объектов, а именно – людей как вполне материальных существ, обладающих такими признаками, как сознание и воля. И эти признаки находятся вне сознания исследователя, не зависят в этом смысле от сознания и воли исследователя.

С точки зрения логических свойств нет принципиальной разницы между суждениями о законах физической, химической, биологической и т. д. природы и суждениями о социальных законах. Классическим примером первых может служить закон механики: «Тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния». Логическая структура его в явном виде такова: «Если на тело не действуют никакие внешние силы (условие А), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (В)». Наблюдать ситуацию, фиксируемую в В, невозможно. Можно наблюдать только бесчисленные факты перемещения тел, причем с ускорением, с замедлением, по различным траекториям, с меняющимися траекториями и скоростями. Никто также не наблюдал то, о чем говорится в А, ибо на тела обычно действуют какие-то внешние силы. Это утверждение было изобретено впервые Ньютоном, причем изобретено не по правилам простой индукции, а по правилам мысленного эксперимента.

Возьмем теперь для сравнения один из самых простых социальных законов: «Если человек вынужден выбирать из двух вариантов поведения, которые одинаковы во всем, кроме одного признака, он выбирает тот из них, который лучше для него с точки зрения этого признака». В частности, если человек вынужден выбирать место работы из двух вариантов, которые одинаковы во всем, кроме зарплаты, и зарплата есть единственный источник существования для него, то он выберет тот вариант, где платят больше. В реальности такие условия выбора вряд ли могут встретиться. В реальности людям приходится выбирать из вариантов, различающихся по многим признакам, выбирать под давлением всякого рода обстоятельств, а не только из расчета на абстрактно лучший вариант. К тому же люди совершают ошибки в оценке ситуаций.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать. Если, например, люди сеют пшеницу на покрытой льдом каменистой почве, о них не скажешь, что они считаются с законами природы. Они наказываются за свое пренебрежение к законам природы (за их нарушение!). Аналогично они наказываются за свое пренебрежение к социальным законам. Нарушение законов бытия не есть их отмена или изменение. Это – поведение, по тем или иным причинам не считающееся с ними.

Возьмем такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже руководящая группа, причем руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены группы. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела. Они суть независимые от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения.

Вся история человечества полна бесчисленных примеров нарушения законов организации государственности и экономики и негативных последствий нарушений. Это дает основания теоретикам, идеологам и обывателям вообще отвергать социальные законы. Они представляют эти законы в виде неумолимых механизмов, которые действуют явно в каждом отдельном случае, и люди не могут их игнорировать. На самом деле люди, игнорируя (и в этом, и только в этом смысле нарушая) одни социальные законы, действуют в силу каких-то других законов. В реальности одновременно действуют различные законы, так что каждый из них проявляется именно через массу отклонений и нарушений, как и законы природы. Если бы было возможно наблюдать механизмы природных законов изнутри их сферы, как мы это делаем в отношении социальных законов, мы увидели бы картину, аналогичную той, какую видим в общественной жизни.

Если полностью выявить логическую структуру суждений и всего процесса открытия социальных законов, то можно установить, что тут имеет место предельное для данной ситуации исследования абстрагирование. Дальнейшее абстрагирование означает выход за эти пределы и утрату специфики интересующего исследователя объекта. Это – не предел обобщения, а предел отвлечения от эмпирических явлений. И обратный путь к реальности тут есть не прямое применение общих суждений к частным ситуациям, а процесс конкретизации абстрактных суждений путем включения в логические рассуждения каких-то факторов, которые не принимались во внимание в ходе открытия законов.

В конкретных социальных исследованиях и рассуждениях было бы громоздко каждый раз явным образом выражать логическую структуру той или иной ситуации. Обычно это не делают, отчасти подразумевая ее, а чаще вообще не отдавая отчета в этом и не умея это делать. Но, имея какую-то интуицию на этот счет, говорят о тенденциях, о стремлении и т. п.

Число социальных законов не ограничено логически. Их открытие ограничено способностями и потребностями исследователей. Все типы законов, которые можно видеть в

естественных науках, в принципе могут быть открыты и в сфере социальных явлений. Это обусловлено тем, что типы законов характеризуются способами их открытия исследователями, которые (способы) изобретаются самими исследователями в соответствии с правилами логики и методологии науки.

Рассмотрим еще один пример с целью пояснения сказанного. Возможности человеческого объединения удовлетворять потребности своих членов неравномерны. Возникает несколько уровней таких возможностей и соответственно потребностей. Чтобы обеспечить удовлетворение потребностей некоторого числа людей на высшем уровне, нужно при всех прочих постоянных условиях (отвлекаясь от них) заставить трудиться и жить на более низком уровне в несколько раз больше людей. Конкретная величина должна быть измерена или вычислена в зависимости от типа объединения и его конкретных свойств. Причем с увеличением числа людей, претендующих на высший уровень удовлетворения потребностей, растет и число людей, вынужденных довольствоваться более низким уровнем, и растет в большей степени, чем рост первых. Характер роста упомянутых величин опять-таки можно измерить и вычислить. Так что обещание коммунистов обеспечить всех по потребности есть утопия, если его понимать буквально.

Социальные законы действуют не в одиночку, не изолированно друг от друга, а всегда в какой-то совокупности. Если исключить действие несоциальных факторов и принимать во внимание только социальные, то логически правомерно такое предположение: все, что в сфере социальных явлений происходит в силу стечения социальных обстоятельств, есть результат совокупного действия социальных законов, т. е. все это происходит закономерно. Но закономерно не означает, что это происходит с необходимостью. Закономерность и необходимость суть разные аспекты бытия и его познания. Например, разрушение природной среды есть закономерный продукт эволюции западной цивилизации, но не необходимый.

Социальные законы универсальны, т. е. одни и те же для всех времен и народов, где появляются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия. Различны лишь конкретные формы их проявления и действия. Например, государственная власть организуется и функционирует по одним и тем же законам везде, где она возникает. Это не значит, что она везде одинакова. Она разнообразится в зависимости от различных факторов, достигает различных уровней развитости. Но законы, по которым это происходит, одни и те же. Поэтому исследователь, имеющий цель открыть именно социальные законы, а не что-то другое, вправе выбрать для наблюдения наиболее развитые и четко выраженные образцы социальных объектов. Нелепо, например, брать для исследования законов государственности примитивные общества, разумнее для этой цели выбрать западные страны с высокоразвитой системой государственной власти.

Социальные законы суть самые глубокие механизмы социальных явлений. Авторы сочинений на социальные темы так или иначе говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве источника зол диктаторов и тиранов, другие – капиталистов и феодалов, третьи – партии и организации вроде партий нацистов, партий коммунистов, органов государственной безопасности, четвертые – экономический и технологический прогресс, пятые – чрезмерный рост населения, шестые – идеологию, седьмые – биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы. От этих зол и тиранов человечество не избавится никогда и ни при каких обстоятельствах. Меняя условия своей жизни, люди избавляются от одних тиранов такого рода, но с необходимостью попадают во власть других, порою еще более жестоких. В мире никогда не было, нет и не будет идеального общества всеобщего благоденствия не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия.

Наше время дает богатейший материал для познания социальных законов, близкий к лабораторным условиям. Мы являемся свидетелями крушения одних человеческих объединений и образования других. На наших глазах происходят стремительные и грандиозные социальные преобразования. Этот опыт позволяет пересмотреть традиционные и привычные социологические концепции, сложившиеся на основе опыта прошлых веков, отбросить многочисленные предрассудки, накапливавшиеся в сфере социальных исследований веками. Но, увы, в наше время происходит такая мощная и всеобъемлющая идеологическая фальсификация именно упомянутых перемен и преобразований, что рассчитывать на использование рассматриваемой возможности не приходится.

Законы диалектики

Выше я сказал, что никаких всеобщих объективных законов, имеющих силу для всех эмпирических объектов (всеобщих законов бытия), не существует. А между тем именно на создание такого учения о всеобщих законах бытия претендует диалектика, по крайней мере в том виде, какой она приобрела в советской философии. Остановимся на этой теме специально, поскольку диалектический подход к социальным явлениям есть, на мой взгляд, необходимое условие построения научной теории социальных явлений.

Надо различать диалектический подход к изучаемым явлениям и диалектику как учение о законах бытия. Первый уместен не всегда, а лишь в отношении объектов определенного рода и лишь с определенной целью. Иногда он необходим для научного познания, но не обязателен во всех случаях познания. Когда его навязывают в качестве обязательного, он превращается в идеологическую чепуху. Но к тем же результатам ведет его запрет или игнорирование в случаях, когда он на месте и необходим.

Что касается диалектики как учения о законах бытия, то надо различать то, какой вид это учение имеет в сочинениях мыслителей прошлого и их последователей, и то, как такое учение может быть построено в рамках логики и методологии науки, т. е. вне идеологии. Во втором случае правомерно лишь следующее. Замечая факты возникновения, изменения, связей, эволюции и т. д. эмпирических явлений (факты объективной диалектики), мы вправе ввести соответствующие понятия и осуществить обобщения в рамках этих явлений, а не для всего бытия вообще. Например, наблюдая факты единства и борьбы противоположностей, мы вправе определить, что это такое, ввести соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений. Но логически ошибочно утверждать, будто всем явлениям бытия свойственно такое. Из определения понятий такой вывод не следует. Зато можно показать, что такое чрезмерное обобщение на все бытие порождает логические противоречия. Если всем явлениям бытия свойственны единство и борьба противоположностей, то и объектам, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, свойственны единство и борьба противоположностей. А это логическое противоречие означает, что рассматриваемое обобщение на все явления бытия ложно. Можно возразить, что объекты, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, не существуют согласно нашему обобщению. Но в таком случае обобщение превращается в тавтологию: всем объектам свойственны единство и борьба противоположностей, за исключением тех, которым они не свойственны. Аналогично обстоит дело с прочими чрезмерными обобщениями диалектики. Сказанное не есть словесная казуистика. Диалектика как учение есть языковая конструкция, и, как таковая, она должна строиться в соответствии с правилами логики. И прежде всего она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике. Это — один из отличительных признаков идеологии: сочетание псевдологичности с фактической антилогичностью.

Логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, уравнивает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критериям научности. Диалектика как учение очевидным образом лишена смысла в математике и вообще в так называемых точных науках, в которых объекты создаются определениями понятий, но вполне правомерна в сфере эмпирических наук, объекты которых существуют независимо от исследователя и его понятий. Но даже в этой сфере далеко не всегда есть надобность в диалектике и условия для ее применения. Условия применимости диалектики оказались ограниченными самими ее понятиями, а надобность в ней — характером

исследуемых объектов. Сфера социальных исследований является такой, да и то в ограниченном смысле.

Рассмотрим такой пример. По опыту знаем, что в объединении людей, рассчитанном на длительное существование и деятельность в качестве единого целого, должен образоваться управляющий орган из одного или нескольких членов объединения. Он должен взять на себя функции, аналогичные функциям мозга отдельно взятого человека. На долю прочих членов объединения выпадают функции управляемого тела. Если это не будет сделано, объединение будет нежизнеспособным, будет плохо функционировать и распадется. Выражаясь языком диалектики, тут происходит раздвоение единого: члены объединения разделяются на руководителей (управляющих), воплощающих в себе «мозг» объединения, и руководимых (управляемых), воплощающих в себе управляемое «мозгом» «тело» объединения. Первые сохраняют тело, вторые – мозг. Но в объединении происходит их разделение и воплощение в его различных частях. Эти части противоположны – одна управляет, другая управляется. Их функции и интересы в этом отношении противоположны. Вместе с тем они образуют единство. Одна часть нуждается в другой. Лишь в единстве они могут существовать как целое. И лишь в целом они оказываются противоположностями.

Анализируя такого рода сравнительно простые ситуации, я установил для себя следующее. То, что философы в весьма туманной (именно философской!) форме обобщают под именем законов диалектики, отчасти может быть понято как неявные определения понятий и логические следствия из этих определений (т. е. как дефинитивные законы, по моей терминологии), а в другой части – как законы эмпирической комбинаторики. Поскольку я ограничивался сферой социальных объектов, я эти законы для себя назвал законами социальной комбинаторики.

В простых случаях действие законов социальной комбинаторики настолько очевидно, что людям в голову не приходит мысль, что тут вообще действуют какие-то законы, подобно тому, как бесчисленным людям, видевшим падение яблок на землю и даже испытывавшим их удары по своей голове, не приходила в голову мысль о законах тяготения. И тем более в отношении таких банальных ситуаций кажется неуместным употребление высокофилософских слов вроде «закон», «диалектика», «противоположности» и т. п. – это все равно что стрелять из пушек по воробьям. Вот если поговорить о целых обществах, эпохах, цивилизациях, человечестве и т. п. – это другое дело! Это масштабно и престижно.

А между тем именно «маленькие» законы социальной комбинаторики делают основную работу по организации и эволюции человеческих объединений. Они имеют силу и в отношении «больших» социальных явлений. Только тут они дают о себе знать более или менее заметным образом в переломные эпохи, когда «философские пушки диалектики» кажутся уместными и даже очевидными. Не случайно поэтому в революционный XIX век многие выдающиеся умы были диалектическими, и диалектика завладела умами нескольких поколений, жаждавших преобразований социального строя своих стран и веривших в их прогрессивность. Не случайно также то, что в нашу эпоху величайшего перелома в истории человечества страх перед тем, что приходит на смену настоящему, порождает ненависть к диалектическому «повороту мозгов», ориентирующемуся на истину, какую бы дурную весть она ни приносила.

Эволюция социальных объектов

Философская диалектика содержит учение о законах эволюции. Эти законы суть следующие: 1) единство и борьба противоположностей; 2) переход количественных изменений в качественные; 3) отрицание отрицания. Первый из них определяет некую первопричину или первоисточник изменений объектов. Бесспорно, что в некоторых случаях борьба противоположностей (в частности, борьба антагонистических классов) порождает какие-то изменения в жизни людей. Но так бывает далеко не всегда. И превращение борьбы противоположностей во всеобщий источник (двигатель) социальных изменений (включая развитие) есть типичный пример идеологического извращения реальности. Я принимаю законы раздвоения единого, поляризации частей, их противостояния и т. д. в качестве законов социальной комбинаторики наряду с другими. Что касается причин (источников) изменений, то тут в каждом случае надо искать какой-то конкретный комплекс факторов. Никакого универсального, пригодного для всех случаев изменений объектов объяснения их причин не существует хотя бы уже потому, что реальные причины изменений в различных случаях могут исключать друг друга.

О соотношении качества и количества я уже говорил. Добавлю к сказанному еще следующее. Возникновение нового качества в эволюции социального объекта есть возникновение нового, более высокого уровня в его социальной структуре. В дальнейшем этот аспект социальной эволюции будет рассматриваться как один из важнейших.

В философской диалектике возникновение нового качества рассматривается как качественный скачок, как перерыв непрерывного. Что из себя на самом деле представляет этот скачок, перерыв непрерывного процесса? На самом деле это есть процесс, происходящий в протяженном временном интервале, а не нечто абсолютно внезапное, не требующее времени. Всякое изменение эмпирических объектов происходит во времени, т. е. в течение временного интервала, превышающего некоторую минимальную величину. В истории человечества такие «скачки» растягиваются порою на многие десятилетия и столетия. Впечатление вневременного скачка создается по многим причинам. Исследователи обычно игнорируют в таких случаях фактор времени или отодвигают его на задний план, обращают внимание на конечный результат процесса и качественное отличие его от предшествовавшего состояния. Когда процесс завершается, промежуточные и частичные состояния, события и перемены исчезают в прошлое и образуется как бы разрыв, создающий впечатление внезапности перемен. Сравнительно со временем существования объектов в рамках устойчивого качества время на переход в новое качество обычно невелико, выглядит как исторический миг. Элементы нового качества вызревают в рамках привычной среды, и люди не воспринимают их как приближение нового качества. Когда они осознают это, процесс уже в основных чертах завершается, перелом остается позади. А порою люди, страшась нового, активно не хотят замечать его приближения, выдавая нежеланное за несуществующее. Именно такую ситуацию переживаем мы сейчас. Чувствуя и подозревая, что формирующееся в человечестве качественно новое состояние несет с собою огромным массам людей нечто устрашающее, люди прилагают усилия к тому, чтобы не осознавать его, надеясь, будто тем самым могут предотвратить его. Но, увы, они уже опоздали: мы уже живем в «миг» истории, в котором новое качество стремительно складывается, и уже вряд ли кто в состоянии остановить этот процесс «скачка».

Эволюция социальных объектов включает в себя, как я уже сказал, возникновение качественно новых, более высоких уровней организации. При этом имеет силу закон «снятия» или диалектического отрицания. Заключается он в следующем. Возникновение более высокого уровня организации социального объекта означает, что некоторые явления более

низкого уровня исчезают («отрицаются»), а некоторые сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т. е. в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» явлениям нового состояния. В таком «снятом» виде сохраняются те явления предшествующего состояния, без которых новый уровень невозможен. Отбрасываются те явления, которые препятствуют переходу на новый уровень. Так осуществляется историческая преемственность состояния и непрерывность процесса. Одновременно происходит перерыв непрерывности путем отбрасывания старого.

В эволюционном процессе бывает, что несколько таких снятий (отрицаний) следуют во времени друг за другом в одном социальном объеме. В этой связи я ввожу понятие эволюционного расстояния: это – число снятий между двумя состояниями объектов во времени. Вполне логично принять такое утверждение как аксиому: чем больше (меньше) эволюционное расстояние между двумя объектами, тем меньше (больше) влияние законов предшествующего на последующий. Действие этого закона в случае больших эволюционных расстояний очевидно. Например, при рассмотрении социальных явлений мало кто считается с законами биологических клеток, молекул, атомов, электронов. Но при этом многие пытаются свести социальные явления к явлениям высокоразвитых живых организмов (социальная биология).

При возникновении более высокого уровня организации возникают новые явления, каких не было на предшествующем уровне, – совершается эволюционный шаг вперед (или вверх). Но за это приходится «платить», т. е. отказаться от каких-то достижений предшествующего состояния. Происходит, как я уже сказал, отрицание предшествующего уровня. Если эволюция идет дальше и происходит подъем на еще более высокий уровень, совершается второе снятие и второе отрицание – отрицание отрицания. Поскольку социальная эволюция есть эволюция объединений наделенных сознанием существ, а возможности осознаваемых преобразований логически ограничены, то отрицание отрицания выступает в некоторых чертах как отрицание каких-то черт предшествующего состояния, явившегося результатом первого отрицания, и как возврат к некоторым чертам состояния, предшествовавшего первому отрицанию, причем к чертам, отвергнутым первым отрицанием. В наше время действие этого закона очевидным образом можно наблюдать в грандиозных масштабах в процессах, происходящих в бывшем коммунистическом и в западном мире.

В эволюции социальных объектов имеют место два аспекта – внешний и внутренний. В первом из них объекты эволюционируют как части более сложных объектов и под влиянием внешних факторов, а во втором – как автономные явления в силу внутренних закономерностей. Для характеристики второго аспекта употребляется понятие «развитие». Развитие объекта (в моем словоупотреблении) есть раскрытие или развертывание его внутренних изначальных потенций. Эти потенции могут быть незначительными или значительными. Но не бесконечными. Они имеют потолок, исчерпываются. В большинстве случаев объекты сравнительно быстро достигают потолка, изначально predetermined заложенными в них потенциями. И если они не погибают и не деградируют, они консервируются в одном состоянии «навечно». Лишь некоторые имели и имеют значительные потенции развития. Но, повторяю, и для них есть потолок.

Если социальный объект разрушается внешними силами, но сохраняются образовывавшие его люди и условия их выживания, то из остатков объекта в случае надобности возникает новый объект, максимально близкий по социальному качеству к разрушенному. Происходит это в силу законов регенерации, о которых я упоминал мельком выше: люди восстанавливают то, чему обучены, что способны делать.

Эволюция социальных объектов есть процесс многомерный. В особенности это касается больших человеческих масс. В одной и той же массе людей одновременно происходят самые разнообразные эволюционные процессы, идущие в разных измерениях, в разных

направлениях, порою – противоположных, по разным путям. Они переплетаются, взаимодействуют, препятствуют или способствуют друг другу, порою обособляются, обрываются. Наблюдатели видят их совокупное проявление и совокупные результаты. Они пытаются втиснуть их в некую одномерную и упрощенную схему. Так возникали и возникают многочисленные исторические, социологические и философские концепции эволюции человечества, отмечающие отдельные стороны процесса и абсолютизирующие их. А получить из совокупности этих концепций картину многомерной эволюции человечества в такой же мере возможно, в какой возможно из тысячи мышей сложить одного слона.

Эволюция больших человеческих масс не есть процесс, одинаковый для всех их частей, происходящий с одинаковой скоростью и равномерно распределенный. Ее можно представить себе в виде трясины, из которой вырастают и переплетаются побеги социальной жизни. Они как бы устремляются вверх, к Солнцу. В этой трясине живой социальной материи образуются участки, которые становятся своего рода «точками роста». За ними тянутся и другие части этой материи. Проходит время, совершаются бесчисленные драматические события, прежде чем значительные куски социальной материи вовлекаются в процесс роста. И нужны столетия, чтобы значительная масса человечества вовлеклась в этот процесс.

Эволюционный процесс имеет определенную направленность. Она не есть результат некоего свободного выбора. Она определяется в результате ожесточенной борьбы различных сил в течение десятилетий и веков. В этой борьбе бывают периоды, играющие решающую роль в определении направления эволюции, – переломные эпохи. Если направление эволюции в основных чертах уже определилось, то вступают в силу объективные социальные законы, делающие степень предопределенности исторического процесса довольно высокой, порою близкой к фатальному максимуму.

Эволюция социальных объектов происходит в конкретных исторических условиях. Многое, имеющее место в этом процессе, безвозвратно исчезает в прошлое. Но не все. Что-то остается в структуре и в свойствах сложившихся объектов, причем остается насовсем. Это «что-то» образует качество объектов. История объекта воспроизводится в жизни объекта в «сокращенном» и «очищенном» от исторических форм и случайностей виде. История объекта как бы сжимается в его качество. Это, как мы увидим в дальнейшем, важно иметь в виду при прогнозировании будущего социальных объектов.

Логическая методология

Социальные объекты суть объекты эмпирические. К ним применимы общие методы эмпирических исследований. Но они обладают чертами, отличающими их от других эмпирических объектов. Естественно, что тут имеются свои особенности в отношении способов исследования. Ниже я рассмотрю эти особенности лишь с точки зрения теоретического исследования, т. е. особенности чисто логических приемов, для которых не нужно никаких лабораторий и приборов, достаточно лишь мозга и органов чувств отдельного исследователя.

Для исследователя-теоретика не нужны и методы «конкретной» социологии, ибо то, что они могут дать ему, может быть известно, стать известным или выяснено чисто логически и без них. Например, ему не надо ломать голову над тем, кто именно будет выбран президентом США, ибо он и без этого заранее знает, что кто-то будет выбран, и кто бы ни был выбран, социальный строй США и тип политической системы от этого не изменится.

Исследователь-теоретик должен принять как аксиому, что самые глубокие тайны значительных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах здания общества, за кулисами политической сцены, в секретных учреждениях и в кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни людей. Люди не видят их главным образом потому, что их мозги «повернуты» не в ту сторону, что они не хотят видеть очевидное или признать видимое за нечто значительное. Во всех сенсационных разоблачениях неких тайн и скрытых пружин человеческой жизни и истории не было сделано ни одного серьезного научного открытия. В них вообще истины содержится не больше, чем способен заметить здравомыслящий и непредубежденный ум в самых заурядных житейских делах.

Современный мир перенасыщен информацией. Все то, что необходимо для работы ума исследователя-теоретика, имеется в изобилии. И даже при хаотическом и спорадическом ознакомлении с информацией об интересующих его объектах исследователь-теоретик, имеющий на плечах голову с определенным «поворотом мозгов», в состоянии открыть для себя самые глубокие механизмы социальных объектов. В принципе любая достаточно обширная и разнообразная информация об этих объектах содержит в себе материал, необходимый и достаточный для научного подхода к ним.

Работа исследователя-теоретика не есть механически-канцелярская рутина вроде той, какую выполняют бесчисленные специалисты в «конкретной» социологии. Это – работа творческая. Она включает в себя пробы наугад, ошибочные пути, пересмотр многих мыслимых вариантов, удачу, случайности, отказ от вроде бы найденных решений и т. п. Ему приходится манипулировать в сознании с большим числом объектов и понятий, чтобы получить логически последовательную и согласованную в деталях картину сложной и изменчивой реальности. С этой точки зрения его работа напоминает работу дирижера большого оркестра. Только он, в отличие от дирижера, имеет дело не с послушными и поддающимися обучению людьми, а с неподвластными его воле объектами.

В работе исследователя-теоретика далеко не все поддается организации, упорядочиванию. Но все же имеются некоторые приемы и правила, облегчающие его поиски истины. Сейчас я сделаю несколько пояснений на этот счет, дабы читатель составил предварительное представление о характере приемов логической методологии.

Средства познания и познаваемое

Исследуемые объекты обладают какими-то признаками. И применяемые исследователем средства тоже обладают своими признаками. С помощью этих средств исследователь отражает признаки познаваемых объектов, создает их субъективные образы. Но признаки наших познавательных средств не являются отражениями (образами) признаков познаваемых объектов. Кажется, это должно быть очевидно. Например, тот факт, что наши суждения об объектах состоят из понятий и логических операторов, обусловлен свойствами употребляемых нами знаков, а не свойствами обозначаемых ими объектов. Свойства микроскопа, с помощью которого мы разглядываем бактерии, не являются образами свойств бактерий. Но в практике познания всегда имела место и до сих пор имеет место чудовищная путаница на этот счет. Далеко не всегда можно строго различить, что идет от средств познания и что от познаваемых объектов. Объективизация субъективного и субъективизация объективного суть обычные явления даже в рамках науки, не говоря уж о том, что творится вне ее. Классическим примером на этот счет может служить ситуация в современной физике. Объективизация субъективных средств измерения пространственно-временных характеристик и отношений физических объектов, какую тут можно видеть на высшем уровне науки, ничуть не уступает мракобесию прошлого, порожденного невежеством. Огромный вклад в путаницу, о которой идет речь, внесли некоторые философы, замутнив своим логически безграмотным словоблудием довольно простые проблемы.

В сфере социальных исследований четкое различие того, что познается, и того, какими средствами это «что» познается, особенно важно по той причине, что тут, как я уже отмечал, затруднены и даже вообще невозможны лабораторные эксперименты и специально организованные опытные наблюдения, какие используются в естествознании. Тут их заменяют средства мысленного эксперимента (абстракции, допущения, рассуждения) и логическая обработка эмпирических данных. А возможности манипулирования объектами в мыслях и в их словесном выражении являются почти неограниченными. Тут людей не могут остановить никакие материальные преграды (ничего не стоит допустить, будто их нет) и никакие правила логики и методологии науки, в особенности если эти правила им не известны, их игнорирование никак не наказывается или если перед ними стоят цели, ради которых они готовы на умышленную фальсификацию реальности. С другой стороны, сами социальные объекты зачастую таковы по самой своей природе, что описание их такими, какими они являются на самом деле, т. е. независимо от применяемых нами средств их познания, просто невозможно без фиксирования самих этих средств в их описании. Тут ситуация сходна с той, какая имеет место в ряде физических исследований, когда приборы становятся элементом характеристики самих объектов. Так что если мы хотим познать социальные объекты такими, какими они являются независимо от применяемых нами средств познания, мы должны не просто отвлекаться от этих средств, а должны достаточно четко представлять себе, какими именно средствами мы вынуждены при этом оперировать и каковы свойства самих этих средств.

Трудность тут заключается в том, что средства познания в конкретном исследовании некоторого социального объекта выражаются (фиксируются) в том же языке, что и получаемые с их помощью знания об объекте. Они различаются лишь по роли в едином тексте, а это далеко не всегда заметно. Те, кто плохо знаком с логическими средствами познания, вообще не замечают тут принципиальное различие. Возьмем такой простой (и упрощенный) пример. В утверждении «Ищущий работу человек отдает предпочтение такому месту, где, при прочих равных условиях, больше платят» слиты воедино фиксирование средств познания, относящихся к исследователю, и результата познания, относящегося к познаваемому объекту. Различие, о котором идет речь, заметнее в тексте, содержащем допущение «Допустим, что

имеется два или более места работы, которые, с точки зрения ищущего работу, одинаковы во всем, кроме оплаты», во-вторых, утверждения относительно людей, ищущих работу и, в-третьих, умозаключения, в результате которых получается вывод о том, что ищущий работу человек предпочтет то место, где больше платят. Но и в этом случае требуется известный навык в оперировании логическими средствами. В более сложных случаях исследователям приходится иметь дело с многочисленными операциями, которые обычно не выражаются явно и даже не осознаются, приходится вести исследование по многим линиям и на разных уровнях. Различение того, что познается, и того, как познается, оказывается не по силам даже искушенным исследователям.

Обнаружение социальных объектов

Эмпирические объекты обнаруживаются с помощью органов чувств. Но это не значит, что органов чувств всегда достаточно для этого. Зачастую нужны приборы, усиливающие органы чувств, и сложные интеллектуальные операции, обрабатывающие данные наблюдений и экспериментов. В отношении социальных объектов это особенно важно иметь в виду. Эти объекты, как правило, не выражены явно, разбросаны в пространстве и времени, перепутаны с другими объектами, находятся в стадии становления или в переходных ситуациях, умышленно скрываются. Возникают многочисленные социальные объекты, которые играют важную роль в жизни людей, порою – решающую, но существование которых даже умышленно отрицается. Зачастую требуются трудоемкие исследования, чтобы обнаружить их и привести факты, подтверждающие их существование. Да и эти факты не убеждают, если какие-то влиятельные силы не принимают решение признать их. Порою существование каких-то объектов очевидно для всех, но они считаются несуществующими. В большинстве случаев понятие «существует» вообще не определено достаточно строго с логической точки зрения, так что отсутствуют критерии проверки (подтверждения или опровержения) суждений с этим словом.

Самый простой социальный объект – отдельный человек.

Он является социальным объектом лишь как член объединения себе подобных, в котором он занимает определенное положение, играет какую-то роль, выполняет какую-то функцию. Это – по определению выражения «социальный объект». А чтобы это «увидеть», надо увидеть множество его действий, каких-то других людей и их действия. Надо как-то сгруппировать это в сознании в целое. А это – сложная (сравнительно с чувственными образами) познавательная операция. И еще более сложные операции требуются для того, чтобы «увидеть» объединения людей в некоторое целое. Тут нужно наблюдать множество людей, множество их действий, связи этих действий.

Социальный объект существует эмпирически не как одноактная совокупность действий некоторого множества людей, а как периодически совершающаяся совокупность таких действий, как периодическое самовоспроизводство с сохранением основных черт, определяющих характер этого объекта. Возьмем в качестве поясняющего примера отделение банка. Чтобы оно появилось, нужно решение каких-то ответственных лиц. Все социальные объекты так или иначе возникают с участием сознания людей и их волевых решений. Нужно было, далее, помещение для работы сотрудников отделения банка, нужно было отобрать этих сотрудников и нанять их. Сотрудники работают в этом помещении определенное время. Они совершают определенные операции по обслуживанию клиентов. Клиенты знают, где расположено отделение банка, какие операции совершает, когда открыто (в какое время там собираются сотрудники и работают). Одним словом, этот объект существует не как некое застывшее и неподвижное состояние слитных в одно пространственно ограниченное целое частичек (вроде дома, дерева, камня), а как жизнедеятельность большого числа передвигающихся в пространстве и времени людей, которые совершают многочисленные поступки, жизненные линии которых лишь иногда пересекаются в одной «точке», именуемой таким-то отделением банка. Эта «точка притяжения» множества людей и образует особый социальный объект.

Гораздо сложнее дело обстоит с такими объектами, как экономика, система власти, классы, партии, идеология, общество, цивилизация и т. п. Если в естественных науках для обнаружения объектов зачастую требуются сложнейшие приборы (как, например, для открытия атомов, электронов, хромосом, генов), то в сфере социальных объектов для этого порою требуются сложнейшие логические операции и преодоление всякого рода предрас-

судков и запретов. Порою все элементы объекта по отдельности бывают известны и очевидны, но то, что они образуют некий единый объект, остается неявным. И требуются особые интеллектуальные операции, чтобы открыть скрытое единство в очевидных фактах. Главный познавательный инструмент в социальных исследованиях – логические приемы познания.

Мысленный эксперимент

В сфере социальных исследований затруднен и, как правило, вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в других эмпирических (опытных) науках. Его место тут занимает мысленный эксперимент. Он осуществляется как совокупность абстракций, допущений, операций с понятиями и суждениями. Для них имеются особые правила, которые определяют пределы абстракций и допущений, порядок рассмотрения объектов, способы введения понятий, характер умозаключений и т. д. Приведу несколько примеров.

Нельзя отвлекаться от признаков объектов, которые указываются в определениях объектов, так как без этих признаков они не могут существовать. Нельзя допускать соединение объектов, признаки которых логически исключают друг друга, так как такие соединения невозможны логически, а значит и эмпирически. Нельзя принимать допущения, противоречащие социальным законам объектов. Если вы посмотрите с этой точки зрения на сочинения и разговоры на социальные темы, вы вряд ли найдете хотя бы одно, в котором такого рода правила не нарушались бы. С этой точки зрения все сочинения о будущем человечества логически абсурдны, так как в них допускаются объекты с логически несовместимыми признаками, а признаки, без которых объекты невозможны, исключаются из рассуждений.

Мысленный эксперимент принимает самые разнообразные формы. Это, например, извлечение объектов из связи с другими, помещение их в связи с другими, расчленение на части и объединение частей в целое, упрощение, осреднение и т. д. Часто требуется прием рассмотрения объектов в «чистом» (т. е. в идеализированном) виде. При этом происходит отвлечение от всех признаков и связей объектов, за исключением тех, которые фигурируют в определениях их понятий.

Частным случаем выделения объекта в «чистом» виде является выбор в реальности для исследования такого экземпляра из объектов данного рода, который наиболее близок к абстрактному («чистому») образцу. Такие экземпляры считаются классическими. Например, для изучения капитализма Маркс выбрал в качестве такого образца его состояние в Англии тех лет, а Токвиль рассматривал США как образец демократии. Добавлю к этому то, что советский социальный строй мог служить классическим образцом реального коммунизма. В Советском Союзе коммунистическую социальную организацию можно было наблюдать почти как в лабораторных условиях.

Компонентами логической методологии являются правила последовательности рассмотрения сложных объектов. В истории науки были предложены методы перехода от простого к сложному (Декарт), гипотетико-дедуктивный метод (Милль), метод восхождения от абстрактного к конкретному (Гегель, Маркс) и другие. Скажу кратко о них.

От простого к сложному

Требование переходить от простого к сложному при рассмотрении какой-то совокупности объектов само по себе является неопределенным и примитивным назиданием скорее педагогического, чем методологического характера. В моей логической социологии оно, однако, приобретает вид работающего методологического приема. Суть его в двух словах такова. При исследовании сложных человеческих объединений необходимо выделить (найти) простейшие объекты (своего рода социальные атомы), путем комбинаций которых и эволюции этих комбинаций образуются прочие интересующие нас объекты. Грубо говоря, все сложное в мире есть нагромождение, комбинирование, взаимодействие простого. Отношение простого и сложного имеет место в определенных рамках. Образование сложных объектов из простых происходит по определенным объективным законам – по законам социальной комбинаторики. На эту тему мы будем неоднократно говорить в дальнейшем.

От гипотез к реальности

Гипотезы, используемые в исследовании социальных объектов, можно разделить на формально-эвристические и содержательно-эмпирические. Вот несколько примеров первых: все в социальном мире есть результат нагромождения простых явлений; можно логически вычислить все возможные объекты определенного рода, исходя из определений их простейших форм; люди не способны создать социальные объекты, которые невозможны или невычислимы логически; реальные социальные объекты суть лишь реализации логически мыслимых возможностей в тех или иных конкретных ситуациях; все социальные объекты измеримы и выразимы в величинах; для любых логически допустимых комбинаций величин объектов в принципе возможно изобретение правил вычисления их суммарного эффекта, достаточно близкого к реальности. Такие гипотезы влияют на то, как исследователь будет строить свое исследование. Но они не входят в содержание социологических теорий, получающихся в результате исследований конкретных социальных объектов.

Гипотезы второго типа суть допущения относительно исследуемых объектов. Такие допущения либо вообще невозможно проверить, либо сами по себе противоречат эмпирическим фактам. Принятие их оправдывается тем, что благодаря им становится возможной дедукция в данной области науки и получаются нужные следствия. Эти допущения в своей основе суть абстракция, т. е. решения не принимать во внимание какие-то признаки исследуемых объектов или принимать во внимание только такие-то признаки объектов. Например, все объекты данного класса могут приниматься как различающиеся только по положению в пространстве, как абсолютно независимые друг от друга и т. п. Очевидно, намерения исследователя не имеют значений истинности. Их нельзя подтвердить или опровергнуть. Их можно только оправдать или нет в зависимости от их последствий. И хотя они сами по себе могут быть заведомо ложными, неопределенными и даже непроверяемыми, получаемые с их помощью следствия могут считаться истинными.

Например, в научном исследовании некоторого общества следует допустить, что оно разделяется на стандартные социальные ячейки, имеющие стандартную структуру; что граждане отдают все свои силы обществу через такую ячейку и через нее получают все жизненные блага; что социальное положение человека адекватно его вкладу в общество; что вознаграждение производится в соответствии с трудовым вкладом индивида и его социальным положением и т. д. Такое общество, разумеется, не существует в реальности. Но мы можем постепенно учитывать реальные обстоятельства, деформирующие наш идеальный, абстрактный образец, и выводить следствия, проверяемые реальными фактами. И судьба наших исходных допущений зависит от того, насколько выводимые из них и с их помощью следствия соответствуют реальности, насколько точно и полно построенная на основе таких допущений теория позволяет предвидеть будущие события.

От абстрактного к конкретному

Одни и те же объекты выглядят различно, когда рассматриваются в связи с другими объектами и когда извлекаются из этой связи и рассматриваются в «чистом» (идеализированном, абстрактном, воображаемом) виде. Знания, которые исследователь получает в первом случае, назовем конкретными, а получаемые во втором случае – абстрактными. Когда эти знания разорваны, не образуют элементы единого процесса познания, они выглядят как логически несовместимые. Одно дело, например, абстрактные знания о капитализме, демократии, рынке, конкуренции, коммунизме, планировании и т. п., и другое дело – конкретные знания об этих же самых явлениях в их реальности. В первом случае упомянутые явления рассматриваются в идеализированном виде даже в том случае, когда принимаются во внимание их существенные черты. Во втором случае эти же явления рассматриваются со всеми их достоинствами и недостатками, какие можно наблюдать в их конкретной реальности. И очень часто конкретные представления об объектах противопоставляются абстрактным представлениям о них так, как будто реальные объекты в их конкретном виде суть «неправильные» реализации неких «правильных» образцов. Считается, например, что реальная западная демократия и экономика есть нарушение некой правильной демократии и экономики, что в Советском Союзе был неправильно построен некий правильный коммунизм. А между тем тут имеют место одни и те же объекты, только рассматриваемые различно, и при этом конкретные «неправильности» суть реальное проявление абстрактных «правильностей».

Пусть перед исследователем стоит задача теоретического исследования социального объекта такого рода, как упомянутые выше. Он получает множество разнообразных сведений о нем из личного жизненного опыта и личных наблюдений, от других людей, из средств массовой информации, из книг, из лекций и т. д. Это – исходный пункт его исследования и постоянный источник информации. Его цель – не беспорядочное барахтанье в этом море информации о конкретном состоянии объекта, а нахождение определенного упорядоченного (систематизированного) его понимания. Это – конечный пункт его исследования и постоянный ориентир в блужданиях в море информации. Чтобы проделать этот путь, исследователь должен одновременно мысленно двигаться в двух аспектах, которые противоположно направлены, но неразрывно связаны и совместно ведут к одной цели. Первый из них – путь от конкретного к абстрактному, второй – от абстрактного к конкретному.

Отношение этих путей не является таким, будто сначала совершается один, а затем другой. Дело тут не в последовательности, а в другом. Дело в том, что сложный процесс исследования состоит из множества более или менее целостных актов (блоков). В каждом акте имеют место оба рассматриваемых аспекта исследования. Они имеют место и в исследовании в целом. В первом аспекте исследователь, имея перед собой конкретную реальность, стремится найти в ней (выделить мысленно, абстрагировать) такие объекты и такую их упорядоченность, исследование которых даст возможность найти объяснение явлений реальности и построить целостное, логически связанное описание этой реальности. Это осуществляется как совокупность проб. Не все они могут быть удачными. В конце концов одна может быть удачной. Причем удачность ее устанавливается движением мысли во втором аспекте, исходящем из результатов исследования выбранных в первом аспекте объектов.

В первом аспекте исследователь обеспечивает возможность введения определений абстрагированных объектов. Эти определения становятся явными или неявными аксиомами. В этом аспекте исследователь обеспечивает также возможность открытия законов исследуемых объектов. Во втором аспекте исследователь выясняет, как эти законы согласуются с конкретной реальностью. Это происходит как исследование, упорядоченное определен-

ными правилами методологии науки. Именно совокупность этих правил определяет процесс исследования в целом. Последний выглядит как движение мысли от абстрактного к конкретному. Первый аспект остается неявным, предполагаемым как нечто само собой разумеющееся, но в структуре полученного знания не фиксируемое.

Представим себе простейшую познавательную ситуацию: нам нужно изучить объект А, который существует в связи с объектом В и испытывает его воздействие. Мы должны отвлечься от В. Но не просто игнорировать его, а мысленно допустить, будто В не действует на А, и рассмотреть А при этом допущении. Изучив А таким образом, мы получим некоторое знание Х об А. Следующим шагом нашего исследования пусть будет решение рассмотреть А при том условии, что на него действует В. При этом мы не просто получаем какое-то новое знание об А, логически не связанное с Х, а вносим некоторый корректив в Х с учетом В. Полученное таким путем знание У будет конкретизацией Х. Знание Х по отношению к У мы оцениваем как абстрактное, а У по отношению к Х – как конкретное. Переход от Х к У есть простейший случай перехода (восхождения) от абстрактного знания к конкретному. При этом должны быть использованы или изобретены вновь какие-то логические правила получения У на основе Х.

Обращаю внимание на две особенности получаемого таким способом знания. Первая особенность: мы получаем не два различных знания наряду друг с другом, а одно целостное, но внутренне расчлененное знание, между компонентами которого имеет место определенная логическая связь. Вторая особенность: фиксирование способа получения знания тут является частью знания, поскольку операции с объектами осуществляются как мысленные, а не реальные, и поскольку без этого утверждения об объекте лишены смысла. Фиксирование способа исследования объекта становится частью описания самого объекта.

Более сложные случаи – рассматривается взаимное воздействие объектов друг на друга, принимается во внимание большое число объектов и т. д. При исследовании сложных объектов операции перехода от абстрактного к конкретному совершаются по многим линиям и в несколько этапов. Эти операции разнообразятся в зависимости от характера объектов, их связей и видов логических правил переходов. Процесс познания и изображения объекта оказывается многомерным и многоступенчатым движением мысли от предельно абстрактных оснований ко все более конкретной картине объекта.

Восхождение от абстрактного к конкретному предполагает логические операции – анализ и синтез, мысленный анализ объектов и синтез получаемых в анализе знаний. Знания, получаемые в анализе, являются абстрактными по отношению к тому знанию, которое получается в результате их синтеза. Последнее является конкретным по отношению к предыдущим. Конкретное (синтетическое) знание является не простой суммой абстрактных (аналитических) знаний, а новым знанием, получаемым из абстрактных посредством специально изобретенных для этого логических операций. Эти операции специально изобретаются такими, чтобы результат их применения удовлетворял критериям соответствия некоторой эмпирической реальности. Поясню эту ситуацию такой абстрактной схемой.

Пусть дана ситуация, в которой участвуют три объекта А, В и С. В результате анализа выделяются две связи – связь А и В (обозначим ее Х) и связь А и С (обозначим ее У). Исследование Х при условии отвлечения от У (ее мысленно исключаем) дает знание М. Исследование У при условии отвлечения от Х дает знание N. Исследователь изобретает особые правила, с помощью которых из знаний М и N логически выводится знание О. Классический конкретный пример для этого – известное из школьных учебников правило параллелограмма сил в физике.

Идеи метода восхождения от абстрактного к конкретному не получили признания в теоретической социологии. В «конкретной» социологии рассмотренные приемы анализа и синтеза растворились в математических методах в отношении конкретных проблем. А в тео-

ретической социологии по-прежнему доминирует примитивная схема: с одной стороны – конкретность, понимаемая как рассмотрение явлений реальности в том виде, в каком они предстают перед наблюдателем непосредственно в данных ему условиях («ползучий эмпиризм»), а с другой стороны – абстрактность, понимаемая как выдумывание беспрельдно общих теоретических концепций путем скачка от эмпирических явлений к высотам абстракции. Работа ума, опосредующая эти логически разорванные крайности, выпадает как непосильная, ненужная и даже порою запретная.

Модели

В сочинениях на социальные темы часто употребляют слово «модель» в отношении абстрактного знания в рассмотренном выше смысле. Это словоупотребление в данном случае совершенно неуместно. С точки зрения логики и методологии науки модель есть имитация существующего или проектируемого объекта, создаваемая для решения каких-то проблем, касающихся моделируемого объекта, не путем непосредственного изучения самого объекта (его может и не быть в реальности), а путем манипуляций с моделью как со своего рода заместителем объекта. Модель специально создается или выдумывается такою, чтобы имело место соответствие ее и объекта по определенным признакам и чтобы можно было из знаний, полученных на модели, по определенным (и заранее известным) правилам получить знания об объекте. Модель объекта не есть знание об объекте. Это средство получения знания об объекте. Абстрактное же знание, о котором говорилось выше, есть именно знание об объекте. И правила согласования абстрактного и конкретного знаний суть правила совсем иного рода, чем правила моделирования. Это суть правила, образующие в совокупности метод восхождения от абстрактного к конкретному.

В наше время модели в явном или неявном виде широко применяются в социальных исследованиях, в особенности знаковые (компьютерные). Но при всех обстоятельствах модели не заменяют социальных теорий.

Теории

Слово «теория» многозначно. Теориями называют всякие более или менее общие и обширные совокупности понятий и утверждений, объединенных в некоторое связанное целое. Я называю научной социальной теорией совокупность понятий и утверждений, которая удовлетворяет следующим требованиям: 1) она относится к определенного типа объектам (к определенной предметной области); 2) она удовлетворяет критериям логики и методологии науки; 3) она дает научное объяснение определенному множеству эмпирических явлений и позволяет делать подтверждающиеся прогнозы.

В практическом исполнении эти требования могут быть выполнены лишь с той или иной степенью приближения к логическому идеалу, начиная от исходного стремления в чем-то следовать им и кончая строго математизированными конструкциями, какие встречаются в так называемых точных науках.

Исследование и изложение

Систематизированное изложение знаний, получаемых в процессе исследования объектов, есть не просто запись итога познания, а важная часть исследования. В теоретических социальных исследованиях эта часть является важнейшей, решающей. При этом должны быть четко осознаны и отработаны средства исследования, доведена до логического конца их роль в познании.

Конечно, имеются различия между тем, как исследователь фактически шел к своим результатам, и тем, как он излагает эти результаты для других (для предания гласности). Эти различия очевидны. Нет надобности говорить о них. С точки зрения логической социологии основной принцип изложения знаний заключается в следующем: изложение есть запись (фиксирование) процесса исследования в форме, очищенной от превратностей конкретной деятельности исследователя и максимально приближенной к его логическим закономерностям. Можно сказать, что изложение есть экспликация логического аспекта исследования.

Объектами нашего внимания являются человеческие объединения. Они многочисленны и разнообразны. Нужен какой-то порядок в их рассмотрении. В качестве исходного пункта выбрать такие, рассмотрение которых может послужить основой для рассмотрения других. С моей точки зрения, ключевым к познанию и описанию человеческих объединений, их взаимоотношений и эволюции может послужить рассмотрение того типа объединений, конкретными образцами которого являются современные высокоразвитые страны, именуемые довольно часто национальными государствами. Я буду употреблять для обозначения объединений этого типа слово «общество».

Слово «общество» неоднозначно. Оно употребляется в десятках различных смыслов (значений), начиная от названий небольших групп людей (общества охотников, филателистов, спортсменов и т. п.) и кончая всем многомиллиардным человечеством (употребляется выражение «Глобальное общество»). И никакое из этих словоупотреблений не является единственно правильным («подлинным»). Но и отказаться от этого слова на том основании, что оно многосмысленно, нельзя. На таком основании пришлось бы вообще отказаться от привычного разговорного языка и употреблять только специальные символы. Но чтобы сделать эти символы понятными читателям, мы должны были бы прибегнуть именно к тем многосмысленным словам, от которых отказались. Так что мы вольно или невольно обречены на экспликацию понятия «общество». В чем заключается операция экспликации, мы рассмотрели в первой части.

Я осуществляю эту экспликацию в два этапа. На первом этапе я выделяю из множества человеческих объединений такие, которые буду называть человеями. На втором этапе я выделяю из множества человеиков такие, которые буду называть обществами. Человеики более низкого эволюционного уровня, чем общества, я буду называть предобществами (или дообществами), а более высокого уровня – сверхобществами.

Разумеется, с терминологической точки зрения можно было бы поступить иначе, а именно – назвать обществами любые человеческие объединения, которые я называю человеями, и различать типы обществ, дав им особые названия. Но суть дела от этого не меняется. Если читателю не нравится мое словоупотребление, он вправе переименовать все рассматриваемые здесь объекты на свой лад. Важно лишь то, чтобы каждый раз было однозначно определено, о чем именно идет речь, и чтобы можно было достаточно четко установить сущность происходящего перелома в социальной эволюции человечества, которая, на мой взгляд, заключается в переходе от эпохи обществ к эпохе сверхобществ. Именно переходный характер эпохи, в которую мы живем, делает особенно важным логико-методологический аспект ее познания.

Часть вторая Человеиник

Человеиник

Человеиником я называю объединение людей, обладающее следующим комплексом признаков. Члены человеиника живут совместно исторической жизнью, т. е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеиника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человеинике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человеиника. Члены человеиника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человеиника. Человеиник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т. е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т. е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеиника осознают их как чужих.

Таким образом, не всякое объединение людей есть человеиник. Скопление людей на стадионе, демонстрация, армейское подразделение, монастырь, союз охотников или писателей, коллектив сотрудников учреждения, партия и т. п., все эти объединения человеиниками не являются. Они суть явления в человеиниках, но не человеиники согласно нашему предварительному (ориентировочному) определению. Это определение именно ориентировочное. Цель его – дать предварительное представление читателю, о каких объектах пойдет речь. А эксплицитное определение понятия «человеиник» читатель получит, прочитав эту часть книги до конца.

Эволюционными предшественниками человеиников являются известные стада и стаи животных, а также объединения вроде муравейников. Слово «человеиник» я ввел по аналогии со словом «муравейник». Предшественниками не в том смысле, будто человеиники произошли от этих объединений живых существ, а в смысле эволюционной классификации: если расположить такие объединения в некоторый вертикальный ряд по степени развитости, то человеиники будут возвышаться над ними.

От объединений насекомых и животных человеиники отличаются материалом (веществом, материей) и его организацией. Материал человеиника образуют люди и все то, что создается, используется ими в их жизни, – орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта и связи, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления (предметы). Назовем это материальной культурой.

Человеческий материал человеиника

Человеческий материал человеиника образуют люди. Они явились результатом длительной эволюции. Мы предполагаем как исторически данные их способности совершать сложные и разнообразные действия, преобразовывать окружение применительно к своим потребностям, использовать вещи как орудия деятельности, изготавливать орудия, создавать искусственные сооружения, действовать коллективно, заимствовать и имитировать достижения других людей, накапливать материальные средства и навыки действий, обучаться и совершенствовать навыки, обучать других, познавать реальность, предвидеть последствия действий и планировать их, закреплять результаты познания в знаках (символах), общаться посредством знаков и многие другие способности.

Коротко говоря, люди выделились из животного мира и образовали качественно новый уровень в эволюции живой материи благодаря таким трем способностям: 1) сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания окружающего мира независимо от биологически приращенных средств; 2) сохранять, накапливать и изобретать материальную культуру независимо от биологических способностей и готовых даров природы; 3) самоорганизовываться независимо от биологически наследуемой способности поведения. Мы можем это утверждать, глядя на историю человечества с высот ее результатов. Но мы вправе это делать, ибо то, что мы можем наблюдать теперь, есть результат развития именно того, благодаря чему люди выделились из животного мира и возвысились над ним.

Человеческий материал человеиника есть не просто сумма отдельно взятых людей. Он обладает свойствами как единое целое или по крайней мере содержит в себе такое ядро или основу. Для обозначения его буду употреблять слово «народ». Это слово также неоднозначно. Но я в него не вкладываю никакого иного смысла, кроме того, что оно обозначает множество образующих человеиник людей, взятое как целое.

Исторически народ и человек в том виде, как мы их можем наблюдать теперь, сложились в единстве. Человек возник и эволюционировал как член объединения себе подобных (как представитель народа), народ – как объединение и совместная жизнь таких существ. Но рассматривать их мы должны в какой-то последовательности. Я начну с человека.

Социальный атом

Еще в древности была высказана мысль, что все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек – атомов. Я принял это допущение в моей логической социологии в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, это напрашивалось само собой: люди. Но не просто люди со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить (таковых огромное число), а лишь со свойствами социально значимыми, т. е. с такими, которые непосредственно играют социальную роль, учитываются в определении человека как члена человеческого сообщества. Человек в качестве социального атома состоит из тела, способного выполнять необходимые для существования действия, и управляющего телом органа. Другими словами, человек в качестве социального атома обладает телом и сознанием, задача которого обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение.

Сознание

Хотя мы вступаем в XXI век, хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии – в «перевернутом» виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно – аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности, или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы. Таким путем можно навывдумывать любое число неких бестелесных субстанций, абстрагируя отдельные признаки предметов и приписывая им самостоятельное существование (длина, скорость, сила и т. п.). Надо заметить, что в наше время многие ученые на высотах науки в этом отношении ничем не отличаются от дикарей, попов и философов.

Человеческое сознание есть продукт длительной эволюции природы человеческих объединений. Прошли многие миллионы лет, прежде чем оно проделало путь от примитивного отражательного механизма одноклеточных организмов до сознания современного человека. Оно является сложнейшим феноменом, для научного понимания которого требуется достаточно высокий уровень специального образования и ума. Но это условие игнорируется. Сознание берется сразу в готовом виде и ищется простое и общедоступное объяснение. И оно находится в виде признания некой бестелесной и даже бессмертной души или нематериальной (идеальной) субстанции. В наше время в связи с развитием интеллектуальной техники (компьютеров) появилось искушение рассматривать человеческое сознание по аналогии с компьютерами. При этом как будто специально позабыли о том, что компьютеры суть имитация сознания, причем лишь некоторых его элементов, что механизм сознания неразрывно связан с телом человека, каким не обладают компьютеры, что сознание включает в себя сопоставление его состояний с явлениями внешнего мира, чего нет в компьютерах, что сознание отдельного человека есть лишь частица суммарного и совместного сознания миллионов людей во многих поколениях, и многое другое. Так что компьютерное «объяснение» не так уж далеко продвинулось вперед от признания бестелесного духа.

Обычно, говоря о сознании людей и целых человекоидов, имеют в виду содержание сознания (образы, мысли, идеи) и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы. Но изобретатели бестелесной души и нематериальной субстанции могут позволить себе нечто подобное, поскольку они свое игнорирование материального аппарата сознания компенсируют вполне материальными словами, с помощью которых говорят и пишут о якобы бестелесной душе или нематериальной субстанции. Любопытно, что осталось бы от их собственного нематериального сознания, если бы их лишили материальной головы и материальных средств выражения того, что творится в их мозгу?!

Человеческий аппарат сознания включает в себя прежде всего прирожденный (чувственный) аппарат, состоящий из головного мозга, нервной сети и органов чувств. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т. д. Этот аппарат сознания, как и создаваемое с его помощью содержание сознания (чувственные образы), неотделим от тела человека. Он передается по биологическому наследству. Он, конечно, развивается и совершенствуется по мере созревания, взросления и обогащения жизненного опыта человека. Но это не меняет того, что сказано о нем выше. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Я его предполагаю данным. И думаю, что читатель тоже имеет о нем представление, вполне достаточное для понимания последующего изложения.

Человеческий аппарат сознания включает в себя, во-вторых, искусственный, неприрожденный, непередаваемый по биологическому наследству аппарат, можно сказать, более высокого уровня – знаковый аппарат. Последний возникает на основе чувственного аппарата, предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата его роль становится настолько значительной, что он в какой-то мере и в каких-то случаях становится доминирующим.

Суть знакового аппарата, коротко говоря, заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Первые в этом их отношении становятся знаками вторых. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы. Люди научаются из имеющихся знаков создавать новые. Изобретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются, они не наследуются от рождения. Эти знаки и правила оперирования ими передаются из поколения в поколение путем обучения. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. Таким образом между предметом и его чувственным образом появляется знак предмета и чувственный образ знака в качестве посредников.

На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, включая логические операции. Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, ощутимые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак, для которого нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым (например, «ковер-самолет», «круглый квадрат», «всемогущий Бог»). Но невозможно такое, чтобы знак реального предмета был нематериален, т. е. невидим, неслышим, неосязаем. Считать знаки идеальными (нематериальными) образами материальных предметов есть вздорный предрассудок. Знакам в мозгу людей, оперирующих ими, соответствуют состояния и комбинации его клеток, а операциям со знаками – смена этих состояний и комбинаций. И никакой нематериальной (идеальной, духовной) субстанции вне материальных знаков и способности материального мозга оперировать ими не существует. Прогресс человеческого сознания был, есть и будет, пока существует человек, прогрессом изобретенного людьми мира знаков – закрепленных в знаках результатов познания, изобретений и опыта жизни. Абсолютно все то, что футурологи, «научные» фантасты, парапсихологи, телепаты, ясновидцы и т. п. измышляют насчет мыслей (духа) вне сферы знаков, есть мракобесие того же рода, что и мракобесие наших предков на заре человечества и мракобесие религиозное.

Совокупность знаков, накопленных, изобретенных и как-то используемых человечеством, образует знаковую культуру. Последняя включает в себя знаки различного рода – изображения видимых предметов, жесты, звуковые сигналы, имитацию действий и т. д. Колоссальным скачком в эволюции знаковой культуры явилось возникновение языка. С развитием языка возникла возможность практически неограниченного знакового творчества. Открылись богатейшие возможности для фантазии, изобретательства, искусства, научного познания. Вместе с тем открылись и не менее богатые возможности для лжи, словесных махинаций, мистификаций. Благодаря языку стало возможным изобретение религий и современных идеологий, словесных форм манипулирования массами людей.

Возникнув, знаковая культура приобретала все большее значение в жизни людей. Известны случаи, когда те, кто распоряжался знаковой культурой, распоряжался всем человеческим объединением. Знаковая культура проникала во все сферы жизни людей. Она стала обычным явлением, как воздух, еда, одежда. Все основные элементы жизни людей стали носить на себе печать знаковости. Значительная часть поведения людей стала по преимуществу знаковой (ритуалы, этикет, дисциплина, массовые сборища, празднества и т. п.). А в наше время в высокоразвитых человеческих объединениях трудно назвать какой-то более или менее важный элемент жизни людей, который в той или иной мере не был бы связан со знаковостью.

Думаю, что биологическое развитие аппарата человеческого сознания (мозга и нервной системы) завершилось. Человеческий мозг в современном состоянии вполне достаточен для удовлетворения потребностей человечества в интеллекте. Надо только принимать во внимание совокупный интеллект миллионов людей во множестве поколений, накопление знаний, развитие средств оперирования знаками, образование, узкую специализацию, информационно-интеллектуальную технику. Более того, способности человеческого мозга оказались в некотором роде избыточными. Сейчас перед человечеством стоит проблема не столько отбора и накопления гениев, сколько проблема ограничения интеллектуальных потенций миллиардов людей. И надо признать, успехи на этом пути оказались огромными.

Поведение

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в сознании цель действия, т. е. осознает, в чем именно должно заключаться действие, и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной мере действуют непроизвольно, наугад, животнобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи. На мой взгляд, именно достаточно высокая степень сознательности поведения образует самое глубокое основание качественного «скачка» человека в эволюции живой материи. Во всяком случае, вся социальная эволюция начинается с этого.

Сознательное действие не всегда рационально (разумно) в смысле соответствия условиям и успеха. Действие может быть сознательным и в то же время нерациональным (неразумным), т. е. безуспешным, неудачным и даже вредным для человека. Действие может быть бессознательным, но рациональным в смысле соответствия условиям и успеха. Сознательность действий не дает автоматически гарантий, что поведение людей будет в таких случаях мудрым и успешным. Глупость, ошибки и неудачи в поведении людей суть столь же обычные проявления сознательности, как и умность, правильность и успешность. Сознательность действий есть прежде всего появление в действиях живых существ нового ингредиента – сознания. А то, что это послужило основой колоссального прогресса обладающих сознанием существ сравнительно с прочим животным миром, – явилось результатом истории, а не исходным пунктом. В этом «скачке» этот прогресс не был запланирован.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию. Это не уменьшает его роль в поведении людей – без него человек вообще не может существовать как активный член человеческого общества. Более того, его роль в качестве компонента механизма сознательного поведения неизмеримо возрастает сравнительно с предшествующим (досознательным) состоянием.

Люди реагируют на явления реальности эмоционально. Они делают это, создавая в сознании образы этих явлений, т. е. через посредство этих образов. Эмоции в таких случаях производятся именно образами явлений, а не непосредственно самими явлениями. Схематично тут действует такая цепь: явление – образ – эмоция – действие. Естественно, искусственное создание таких образов в сознании людей (посредством слов, жестов, представлений) производит аналогичные эмоции. На этом основывается воздействие на людей путем воздействия на их сознание. Схематично: образ – эмоция – действие. Так формируются особые рода знаки – сигналы к действиям или воздержанию от них, приказы, внушения и т. п. манипуляционные знаки. Разрабатываются целые системы таких знаков и приемы их использования. Это достигло высокого уровня в религиях. А в наше время средства такого рода неизмеримо превзошли все, что было изобретено за всю прошлую историю.

Для сознательного действия, как я уже сказал, характерно наличие и осознание его цели – планируемого и желаемого результата. Достижение цели приносит состояние удовлетворения. В простейших случаях эти компоненты сознательности действия привычны и очевидны. В сложных случаях образуются комплексы сознательных действий, разбросанных в пространстве и следующих друг за другом во времени. Между ними образуются разрывы. Их единство как сознательных явлений устанавливается уже не столь просто и не

всегда удастся. В этих случаях можно говорить о сознательном поведении или сознательной деятельности человека. О социальных законах этой деятельности мы будем специально говорить дальше.

Народ

Народ есть явление историческое. Одно дело – народ в примитивных человеюниках из нескольких десятков или сотен человек. И другое дело – народ в человеюниках из многих миллионов человек. Исторически народ образуется путем биологического размножения, ассимиляции представителей других человеческих масс и объединения (смешения) различных масс людей, в том числе – народов. Я рассмотрю признаки народа как социального феномена на материале достаточно высоко развитых экземпляров.

Народ существует как целое в течение жизни множества поколений и воспроизводится с определенными устойчивыми чертами как его представителей, так и всей их совокупности. Народ есть, с одной стороны, образование биологическое, т. е. возникающее и воспроизводящееся из людей как животных определенного вида, а с другой стороны – образование социальное, т. е. возникающее и живущее по социальным законам. Народ не есть всего лишь разросшаяся семья, племя, союз племен и родов. Это – новый тип и новый уровень человеческих объединений. Это – именно человеческий материал человеюника.

В силу длительного совместного существования в человеческом объединении, складывающемся в единый народ, вырабатывается единый язык (если его не было до этого), устанавливаются бесчисленные личные контакты и деловые связи, совместные или сходные школы, сходные моды в одежде и традиции в быту, браки заключаются в основном в рамках этого объединения, люди проводят всю свою жизнь (за немногими исключениями) в этой среде, короче говоря – образуется некая единая человеческая масса и среда, воспроизводящаяся в более или менее устойчивом виде из поколения в поколение. Люди оказывают влияние друг на друга, приспосабливаются к общим для них условиям бытия. Изобретаются средства искусственного воздействия на людей, вынуждающие их быть средненормальными представителями целостности. Формируется то, что можно назвать характером этого феномена именно как целого – характером этого народа.

Характер данного народа не является непосредственным обобщением свойств его отдельных представителей. Это, подчеркиваю, есть его характер как целого, а не его отдельных представителей по отдельности, подобно тому, как характер лесного массива не есть характер каждого растущего в нем дерева и каждой его части по отдельности. То, что верно в отношении отдельных людей или их отдельных групп, логически ошибочно распространять на целый народ. И то, что верно в отношении целого народа, логически ошибочно распространять на его отдельных представителей и отдельные группы. Например, если вы увидите в некотором народе музыкально одаренных людей, это еще не означает, что народ можно считать музыкально одаренным. И если некоторый народ музыкально одарен, из этого не следует, что каждый его представитель таков. Один народ может включать в себя много глупых и бездарных людей, имея в целом высокий интеллектуальный и творческий уровень. А другой народ может включать в себя большое число умных и талантливых людей, имея в целом низкий интеллектуальный и творческий уровень.

Признаки народа разделяются на две группы. К первой относятся признаки, характеризующие народ именно как множество людей, можно сказать – состав народа. При этом люди разделяются на различные категории (возрастные, половые, этнические, по роду занятий и т. п.) и подсчитываются величины и пропорции этих категорий. Несводимость таких признаков к признакам отдельных людей очевидна. Ко второй группе относятся признаки, характеризующие народ как целое, как единое существо, отвлеченное от его разделения на отдельных людей и их группы. При этом народ рассматривается по тем же признакам, что и отдельные люди, – с точки зрения интеллекта, творческих потенций, смелости, предприимчивости, жестокости, доброты, склонности к панике и предательству, стойкости, чув-

ства собственного достоинства, общительности, сдержанности, степени организованности и других социально значимых признаков.

В случае признаков второй группы характер народа связан со свойствами его представителей, взятых по отдельности. Но связан не по правилам силлогизма и простой (обобщающей) индукции. Тут отношение иного рода. Характер народа включает в себя комплекс признаков (черт, свойств), которые распределены между различными представителями народа в различных комбинациях, пропорциях и величинах. В достаточно большом народе можно обнаружить все возможные варианты такого рода. Индивид, обладающий всем комплексом этих признаков, и к тому же в развитой форме, не существует. В комплекс признаков народа могут входить такие, которые могут оказаться несовместимыми в характере отдельно взятого индивида.

Характер того или иного конкретного народа выясняется опытным путем. Причем до сих пор это делается лишь на уровне обывательского сознания. Чаще это делали и делают писатели и иностранные наблюдатели – народы сами правду о себе не любят. Иногда предпринимались попытки специального изучения, главным образом – когда предполагалось покорение изучаемого народа. Например, немцы перед нападением на Советский Союз в 1941 году изучали характер народов, населявших Советский Союз, особенно – русского народа. На Западе в период «холодной войны» делалось то же самое в еще больших масштабах. И результаты изучения эффективно использовались западным миром в борьбе против советских народов, русских в первую очередь. В наше время изучение характера народов, включая точные количественные измерения и вычисления, становится жизненно важным делом. Печальный опыт Советского Союза после 1985 года может служить классическим примером того, что происходит со страной, если ее руководители в своей реформаторской деятельности не считают с характером человеческого материала своей страны. Время от времени появляются тревожные сигналы того, что даже в нынешних западных странах все заметнее ощущается несоответствие наличного человеческого материала требованиям современной технологии и условиям деловой активности.

Обращаю внимание читателя на то, что для измерения величин, определяющих характер народов, необходимо изобрести особые средства измерения и вычисления. Это должны быть особые тесты (эталон), подобные тем, какие уже применяются социологами для других целей, а также логико-математическая обработка определенным образом отобранных и собранных статистических данных. Характеристики народа нельзя точно оценить путем приведения примеров выдающихся личностей и событий из истории этого народа. Не следует преувеличивать достоинства людей как отдельно взятых индивидов. Человек выглядит как некое выдающееся существо лишь в сравнении с животными, поскольку людям всем приписывают качества выдающихся представителей рода человеческого, изредка появляющихся в массе посредственностей, и поскольку результаты общих усилий накапливаются веками и искусственно перепадает в той или иной мере людям по отдельности.

В наше время возникли многочисленные социальные проблемы, решение которых существенным образом зависит от фактических качеств и потенциалов народов. И тут отделяться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы у всех и безграничны, уже нельзя. Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в овладении современной технологией и т. д. Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме – значит сохранять идеологические заблуждения другого рода.

Характер народа формируется и развивается путем искусственного поощрения одних прирожденных способностей людей и препятствования другим. Происходит это как искус-

ственный отбор индивидов с определенными природными способностями. Для нас здесь несущественно, почему те или иные способности и их носители поощряются, а другие – наоборот, порицаются. Важно, что это происходит. В результате случаются такие парадоксальные на первый взгляд явления, когда в одном народе рождается больше индивидов с некоторой способностью, чем в другом, но они не поощряются в первом и поощряются во втором, так что со временем второй народ путем искусственного отбора накапливает преимущество перед первым в отношении этой способности.

Характер народа не есть всего лишь сумма различных признаков, случайно собранных вместе в силу исторических условий его бытия. Тут, как и во всем на свете, есть свои закономерности, зависимости, корреляции. Характер народа есть единый комплекс взаимосвязанных признаков. Если такой характер сложился (на что уходят века!), к нему нельзя добавить ничего постороннего и из него нельзя исключить ничего существенного, не нанеся ущерб целому и не разрушая его.

Сказанное не означает, что народы с данным характером не меняются со временем и сам характер не эволюционирует. Это происходит. Народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же типа характера и на его основе. Характер народа устойчив, даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как целостного образования.

Хотя характер народа не сводится к характеру его отдельных представителей, но у последних складывается определенный психологический тип, благодаря которому они становятся адекватными своему объединению, приспосабливаются к условиям жизни в нем. Тут имеет место взаимная зависимость. Характер целого народа складывается как развитие природных качеств его представителей. Одновременно происходит формирование психологического типа отдельных членов объединения, становящихся носителями и хранителями характера объединения как целого.

В достаточно долго живущем народе складывается механизм сохранения его характера и передачи из поколения в поколение – механизм социальной наследственности. Это – не биологический, а социальный механизм. Он содержит в себе биологический механизм в снятом виде. Но главным в нем является искусственный отбор, система воспитания, культура, религия, моральные нормы и другие социальные факторы. Этот механизм состоит из огромного числа разнообразных действий людей. Абстрактно рассуждая, из отдельного человека можно воспитать заранее намеченного типа существо. Но когда речь идет о большом числе людей и большом числе их свойств, причем применительно к существующим условиям и во множестве поколений, то срабатывает механизм социальной наследственности, являющийся важнейшим элементом механизма самосохранения народа. Этот механизм консервативен. Сложившись, он вынуждает народ приспосабливать сами условия жизни к своему характеру. Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже гибель.

В наше время в связи с успехами генной технологии и манипуляций с эмбрионами живых организмов возникли идеи и опасения, будто начнется производство людей заранее заданных типов в массовых масштабах. Не буду гадать, насколько это возможно. Но если такое произойдет и искусственные (созданные по определенной программе) люди станут значительной или даже основной частью человеческого материала человекоидов, с точки зрения социальных законов положение с человечеством изменится лишь в том отношении, что эти законы будут проявляться в конкретных формах, максимально близких к их абстрактному содержанию. Как бы ни мудрили с человеческим материалом, при всех обстоятельствах в массе людей должны сохраняться в какой-то концентрации и в каких-то пропорциях человеческие свойства, без которых немыслима их социальная организация и социальное бытие. Если это не случится и грань социальности будет перейдена, произойдет эволюци-

онный «скачок» от социальных организмов, какими являются человеичики, к объединениям сверхлюдей, т. е. роботообразных существ.

У различных народов, формирующихся и живущих в сходных условиях, оказывающих друг на друга сильное влияние и имеющих общие или сходные исторические корни, складываются сходные характеры. Так произошло с народами западноевропейскими. Они образовали особый человеческий материал, которому предстояло сыграть самую выдающуюся роль в истории человечества.

В мире постоянно происходили и происходят смешения различных человеческих масс. Не любые такие смешения образуют народы. Между смешивающимися массами людей должны быть достаточно сильные соответствия, чтобы через несколько поколений они слились в однородное целое. Отсутствие таких соответствий стало одной из причин того, что население Советского Союза и США не превратилось в единые народы. В Советском Союзе признали это и стали говорить о новой человеческой общности, наднациональной (наднациональной). В США стараются изобразить массу населения как особую американскую нацию (как особый народ). Но что бы при этом ни говорили в пропаганде, что бы о себе ни думали сами граждане США, они не образуют единый народ. Это – объединение качественно иного рода.

Не любые примеси к данному народу и не в любом количестве перерабатываются этим народом в свои части. Характерна с этой точки зрения иммиграция миллионов людей в страны Западной Европы и проникновение в них инородцев иными путями (например, в качестве иностранных рабочих и нелегально). Эти люди не становятся немцами, французами, итальянцами, швейцарцами и т. д. Как качественно, так и количественно они уже стали одним из факторов разрушения европейских народов. Тут уже формируется новая, наднациональная (сверхнациональная) человеческая общность. Она не есть всего лишь расширение и объединение европейских народов. Факторы, придающие этому скоплению единство, отличаются от тех, какие в свое время послужили факторами объединения людей в народы.

Нужна некоторая минимальная численность человеческого объединения, чтобы оно развилось в народ. Имеется и максимальная граница, перейдя которую данное скопление людей либо не может превратиться в народ, либо дезинтегрируется на части, если оно было народом. Эта максимальная граница была нарушена в Советском Союзе, например. К этому идет дело и в Западной Европе. Так что нет ничего удивительного в том, что такие объединения распадаются на мелкие части.

Народ есть индивидуальное явление, результат уникального стечения обстоятельств истории. Если данный народ однажды распадается или по каким-то причинам погибает, он уже никогда не восстанавливается.

Замечу, кстати, что рабы не являются частью народа. Они входят в материальную культуру человеичника наряду с домашними животными и орудиями труда. Рабы, которые становились частью какого-то народа, переставали быть рабами. Не являются членами народа данной страны военнопленные, путешественники, иностранные рабочие, нелегальные иммигранты из других стран. Сейчас в странах Западной Европы миллионы иностранцев заняты в экономике и стали привычным элементом их жизни. И если даже кто-то из них становится гражданином этих стран, это не означает, что они становятся частичками народов этих стран. В наше время они становятся одним из факторов разрушения этих народов.

Материальная культура человека

Самой значительной социальной концепцией, в которой материальная культура занимала важнейшее место, была и, насколько мне известно, до сих пор остается марксистская концепция. Но если даже это не так, я здесь буду отталкиваться от нее, поскольку именно отрицание ее основных положений на этот – как и в ряде других случаев – счет послужило для меня отправным пунктом для выработки моих взглядов на этот феномен.

Согласно марксистской концепции способ производства образует материальный базис общества, на котором вырастают надстройки, включая государственные учреждения, а также правовые идеи и учреждения. Сам способ производства образуют производительные силы и производственные отношения. Производительные силы суть средства производства и приводящие их в действие люди. Средства производства являются определяющим фактором в способе производства. На первый взгляд все это имеет смысл. Но лишь на первый. Определяющим фактором в производительных силах, как бы мы их ни понимали, были и останутся люди, ибо человек по определению есть объединение людей, а не каких-то мертвых (во всяком случае – неодушевленных) вещей. Более того, люди приводят в действие средства производства, а не наоборот. Даже в тех случаях, когда какие-то люди становятся придатками машин, всегда имеются другие люди, которые «соединяют» машины с людьми-придатками и приводят в движение тех и других. Материальная культура, играющая в человеке роль, подобную той, какую марксисты приписывали средствам производства, не сводится к последним. Вычленив в ее современном состоянии средства производства практически (да и теоретически) невозможно, не превращая само это понятие «средства производства» в бессмыслицу. Подавляющее большинство наиболее важных изобретений людей играет роль средств производства лишь в общей массе материальной культуры человека. А приводит материальную культуру в движение весь совокупный человеческий материал человека. Так что у нас остается лишь различие массы людей и массы созданных ими и используемых ими неодушевленных вещей.

Главным в производственных отношениях, согласно марксизму, является то, в чем владении находятся средства производства. Но возникает вопрос: а чем обусловлено то или иное владение средствами производства? Кроме того, средства производства суть только часть материальной культуры человека. Последняя как-то распределяется между членами человека и как-то используется ими в зависимости от этого распределения. Чем обусловлено это распределение? Ведь не является же оно биологически врожденным у людей?! Такого рода вопросы побудили меня критически отнестись к марксистской концепции и радикально изменить ориентацию внимания при рассмотрении человеческих объединений.

Материальная культура человека вкраплена в природную среду. Освоенная человеком часть этой среды становится частью его материальной культуры. В какой мере и как природная среда включается в материальную культуру, является одной из важнейших характеристик человека. В наше время этот аспект жизни человечества приобрел первостепенное значение для его судеб.

Материальная культура человека есть не просто скопление каких-то материальных средств жизнедеятельности людей, а совокупность взаимосвязанных явлений, обладающих некоторыми устойчивыми чертами как целое. Различаются типы таких совокупностей.

Тип, уровень и направление эволюции материальной культуры человека определяются многими факторами: возможностями (закономерностями) самой материальной культуры, как таковой; возможностями человека тратить на нее; способностями человеческого материала производить, усовершенствовать, хранить и использовать ее; соот-

ношением сил прогресса и противников прогресса и другими факторами. Эти факторы определяют и границы, выход за которые угрожает самому существованию человека.

Отношение между народом и материальной культурой определяется следующими принципами. Материальная культура должна быть подконтрольной народу, сильной ему и необременительной. Приносимые ею блага должны превышать траты на нее – она должна быть выгодной для народа. Народ должен быть адекватен своей материальной культуре в том смысле, что должен справляться с ней, уметь с ней обращаться, использовать и воспроизводить ее в соответствии с ее предназначением и ее свойствами. Принципы такого рода суть социальные законы. Они нарушаются. Если нарушения выходят за определенные рамки, люди наказываются за это. Думаю, что во второй половине нашего века в странах западного мира и под их влиянием на всей планете начался процесс изменения материальной культуры, ведущей к выходу ее за упомянутые границы. Наивно думать, будто западная материальная культура способна безнаказанно ассимилировать любые изобретения и сооружения, а незападная материальная культура – любые элементы западной.

Человеческое объединение

Все социальные объекты образуются из социальных «атомов» – из людей. Человек как социальный «атом» обладает телом, способным совершать разнообразные действия, и сознанием, управляющим телом, т. е. управляющим органом. Человек возникает и существует как член объединения себе подобных. Он осознает себя в качестве такого и выполняет в объединении определенную роль (функцию), т. е. более или менее регулярно совершает определенные сознательные действия. С другой стороны, множество людей становится именно социальным объединением лишь в том случае, если в нем образуется управляющий орган («мозг» объединения) из одного или более людей. Должно произойти разделение членов множества людей на таких, которые становятся воплощением «мозга» множества как целого, и прочих, которые образуют управляемое им «тело» множества как единого целого. Этот закон имеет силу для образования любых устойчивых объединений людей в целое.

Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным. Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органов, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона. Образно говоря, Наполеон в армии должен быть один. Если их два, в армии идет между ними борьба за первенство. Много Наполеонов делает армию небоеспособной. Это не дело характеров людей, а проявление объективных законов. Поведение Сталина, до сих пор вызывающее возмущение, было закономерным и целесообразным с точки зрения интересов единства системы власти и страны. Западный плюрализм власти популистичен. Он есть плюрализм в рамках единства власти. Тут имеются элементы власти, так или иначе делающие ее единственной в человеческой истории, несмотря на спектакли демократии.

И управляемое тело тоже должно быть одно (едино) в том смысле, что в нем не должно быть части, которая не подлежит контролю управляющего органа. Если такая часть возникает, то такое отклонение от закона сказывается на состоянии объединения и в конце концов как-то преодолевается (если, конечно, объединение не погибает). Бывают случаи, когда один и тот же управляющий орган управляет двумя и более объектами. Но это бывает в порядке исключения и временно. Или управляемые тела имеют какую-то компенсацию такого дефекта.

Помимо разделения членов объединения на управляющий орган и управляемое тело происходит разделение функций членов объединения в других аспектах. При этом способности, слитые в социальном «атоме» в единство, дифференцируются в качестве функций различных членов объединения, образующих органы целого.

Объединение людей как социальный объект создается для совместных действий в качестве единого целого. На него переносятся свойства входящих в него атомов. Это прежде всего – цель действий объединения. Носителями ее становятся люди, образующие управляющий орган объединения. При этом происходит различение цели объединения и функций (роли) его членов. Человек может выполнять определенную функцию в действиях объединения (совершать частичные действия), имея совсем иные цели. Это разделение касается и отношения между объединением людей и более сложным объединением, частью которого является первое.

Вступает в силу, далее, то, что имеет место множество действий людей и их объединений, образуются объединения из множества групп. В результате происходит сложное раз-

деление между целями людей и их групп, с одной стороны, и их функциями в группах и более сложных объединениях. Возникают разрывы, конфликты, срастания и этих явлений в разнообразных комбинациях. Люди могут играть благородные роли, имея гнусные цели, и наоборот. Могут в качестве цели своей жизнедеятельности иметь желаемые или фактически исполняемые роли. Смещение всего этого является обычным не только в обывательском и идеологическом, но и в профессиональном научном мышлении.

Части объединения людей, регулярно выполняющие в нем определенные функции, становятся органами объединения. Между органами и исполняемыми ими функциями устанавливаются закономерные отношения. Назову два основные из них. Во-первых, орган и функция в идеале должны взаимно-однозначно соответствовать друг другу, т. е. определенные функции должен выполнять определенный орган, а орган должен выполнять только эти функции. Во-вторых, между органом и функцией должно иметь место отношение взаимной адекватности. Тут тоже речь идет о соответствии, но иного рода, а именно – о том, насколько орган справляется с использованием функции и насколько функция отвечает возможностям органа. Орган со временем изменяется – усложняется, увеличивается, совершенствуется. Изменяется и функция (усложняется, дифференцируется), а также условия ее исполнения. Так что адекватность органа и функции постоянно нарушается. Но действует и тенденция к ее установлению. В реальности это происходит как борьба, полная драматизма и жертв.

Люди, входящие в состав того или иного органа объединения, имеют свои личные цели и интересы. Между ними и функциями органа точно так же имеют место закономерные отношения. Люди функционируют постольку, поскольку исполнение функций органа позволяет удовлетворять их потребности, т. е. соответствует их эгоистическим интересам. Орган функционирует, поскольку удовлетворение эгоистических интересов его членов вынуждает его к этому. Только в порядке исключения люди жертвуют своими интересами ради интересов органа в целом. Например, представители власти изображают из себя умных и заботливых отцов и матерей своего народа, будучи корыстными и тщеславными хапугами за счет народа. Но они вынуждены ради своих интересов поступать так, чтобы в какой-то мере соответствовать их функции отцов и матерей народа.

Сложные социальные объекты суть комбинации социальных «атомов», воспроизводящие основные черты этих «атомов». Так что их можно рассматривать как эмпирически реализующиеся экземпляры из числа логически непротиворечивых вариантов. И все эти варианты в принципе можно логически вычислить на основе некоторых простых и очевидных допущений (мы здесь с ними уже встречались и будем встречаться в дальнейшем). Можно также вычислять количественные границы объектов и их эволюционные возможности. Сложное и разнообразное в социальном мире, как и в любом другом, есть лишь нагромождение, комбинирование и т. д. простого и однообразного.

Исторически и логически простейшим человекой является объединение из немногих людей, способное биологически воспроизводиться в ряде поколений. Управляющий орган его образует один человек, воплощающий в себе в нерасчлененном виде все функции «мозга» объединения. Прочие члены объединения в столь же недифференцированном виде воплощают в себе функции «тела». Все совместно занимаются воспроизводством и обучением человеческого материала. Это, можно сказать, «одноклеточный» человекой. Прошли миллионы лет, прежде чем возникли современные гигантские человекоиды из десятков и сотен миллионов человек. И вся сложнейшая структура «многоклеточных» человекоидов явилась результатом увеличения числа людей и их структурирования по законам социальной организации.

Социальная организация человека

Для теоретических описаний человека обычным является стремление найти некий решающий фактор, который определяет структурирование, функционирование и эволюцию человека и исходя из которого можно объяснить все прочие явления человека. Я утверждаю, что такого единого всеопределяющего и всеобъясняющего фактора не существует, и поиски его суть показатель лениности ума и идеологического упрощения. Дело в том, что одни и те же факторы играют различную роль в различных конкретных условиях, в историческом возникновении человека и в структуре сформировавшегося человека, в структурировании и функционировании, в разные периоды эволюции и т. д. человека, а также в разных типах людей и в различных взаимоотношениях. Кроме того, взаимоотношения различных факторов в человеке самом по себе, независимо от их познания, и с точки зрения исследователя, вынужденного считаться с правилами методологии познания и логики, далеко не всегда совпадают.

Человек возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно в различных измерениях – он есть многомерное образование. Это не означает, будто его структурные компоненты возникают независимо друг от друга и затем объединяются в готовом виде в единое целое. Это означает, что каждое измерение имеет свои закономерности, несводимые к закономерностям других измерений. Ни одно из них не вырастает из другого. Это означает, во-вторых, что структурные компоненты человека формируются и живут одновременно в разных измерениях. В конкретной реальности различные измерения переплетаются, взаимно проникают друг в друга, изменяются. Различить их достаточно четко и выделить в «чистом»

виде можно лишь в абстракции и в наиболее характерных проявлениях.

Человек есть организованное объединение людей. В его организации принимают участие самые разнообразные факторы. Все эти факторы практически учесть невозможно. Да в этом и нет надобности. Наука изобрела способы, как сводить к минимуму число факторов, которые необходимо и достаточно принимать во внимание в таких случаях. Мы здесь выделим из числа всевозможных факторов такие, которые играют роль организаторов всей совокупности организующих факторов. Будем называть их факторами или средствами социальной организации человека, а тот вклад, который они вносят в суммарную организацию человека, назовем социальной организацией.

Факторы социальной организации общеизвестны: это – деловые клеточки, власть и управление, сфера хозяйства, сфера религии и идеологии, а также другие сферы, являющиеся результатом развития упомянутых основных. В дальнейшем мы будем рассматривать эти факторы систематично. А пока я дам им некоторую предварительную характеристику.

В нормальном человеке компоненты социальной организации образуют единый комплекс. Это означает, во-первых, что между ними имеет место такое разделение функций, при котором они совместно обеспечивают единство человека и условия жизнедеятельности всех членов человека. Во-вторых, это означает, что между ними устанавливаются отношения взаимного соответствия (адекватности). Последние заключаются в том, что компоненты социальной организации приспособляются друг к другу, «притираются» друг к другу. Они координируют свои действия, позволяют друг другу существовать и выполнять свои функции. Разумеется, все это – лишь тенденции, прокладывающие себе дорогу через нарушения, несоответствия, конфликты, вражду, порою – в кровопролитных войнах.

Социальная организация ограничена как по составу компонентов, так и по их величинам. Зародившись, она исторически развивается. Но происходит это не за счет произвольных и случайных внешних дополнений, а по законам имманентной социальной комбинаторики.

Все внешние привнесения должны так или иначе ассимилироваться, стать внутренними факторами. Они должны принять такой вид, как будто являются результатом имманентного процесса. Иначе они оказываются жизнеспособными и наносят ущерб человеку.

Соответственно и определения понятий социальной организации и ее компонентов должны осуществляться посредством логического комплекса определений (посредством комплексного определения, по моей терминологии). В отношении социальной организации в целом это очевидно: она определяется путем перечисления и определения ее компонентов и описания их отношений. Что касается ее отдельных компонентов, то при определении и описании одних необходимо принимать во внимание другие, а не только их роль в комплексе в целом. Если они вырываются из связи с другими и рассматриваются сами по себе, то превращаются в неразрешимую загадку и в предмет бессмысленных споров о словах. Если же их брать именно в комплексе с другими, то касающиеся их проблемы упрощаются и порою оказываются банальными.

При рассмотрении компонентов социальной организации человека надо различать их свойства как целого, т. е. их функции в человеке (что они такое для других, говоря языком диалектики), и свойства их как особых объектов, т. е. что они такое «в себе и для себя». Например, функция власти как органа целостности человека не есть функция каждого ее подразделения и каждого занятого в ней человека по отдельности. Люди, делающие карьеру в системе власти, как правило, имеют свои эгоистические цели, а демагогию об интересах человека используют как орудие карьеры. Отдельные предприниматели думают о своих доходах, а не о целях хозяйства как целого. И ради удовлетворения своих интересов они жертвуют интересами человека. Как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Но одно не исключает, а предполагает другое. Компоненты человека как целого выполняют свои функции лишь постольку, поскольку образующие их люди имеют свои эгоистические интересы и стремятся удовлетворить их, как правило не считаясь с последствиями для человека в целом. Однако это возможно лишь до известного предела. Более или менее нормальные отношения между частями и целым устанавливаются как процесс реальной жизни людей. Некие образцовые отношения тут возможны лишь в абстракции или как исключение. В реальности идет борьба различных сил. Принимаются какие-то меры против отклонений, угрожающих человеку и каким-то его частям.

Между компонентами социальной организации устанавливаются различного рода отношения, помимо упомянутого взаимного соответствия. Это, например, отношения субординации, координации, доминирования, производности. Эти отношения со временем могут меняться и варьироваться в различных людях. Например, в одних людях может доминировать власть, в других – хозяйственная сфера, в третьих – религиозная сфера.

При рассмотрении социальной организации человека надо различать конкретно-исторический процесс формирования человека и процесс исторической жизни сформировавшегося человека. В первом процессе происходит первоначальное появление компонентов человека в конкретной истории, во втором происходит упорядочивание их в соответствии с их силами и ролями в их комплексе, а не в соответствии с их историческими «заслугами», ролями и формами. Во втором процессе они сбрасывают с себя исторические одежды и надевают другие, адекватные их ролям в настоящем состоянии. Эти процессы (скажем, исторический и структурный) отчасти совпадают, а отчасти нет. Случаи, когда отношения компонентов социальной организации меняются на противоположные, суть обычное явление в истории.

Общепринято считать, что социальная организация человека влияет на характер народа, обладающего этой организацией. Люди, естественно, приспосабливаются к условиям своего социального бытия. Но столь же верно и то, что люди сами в какой-то мере приспособливают условия своего бытия к своим качествам, – люди определенного типа создают

соответствующий их характеру тип социального устройства. Тут зависимость двусторонняя. А между тем вторая часть истины не только не общепризнана, а скорее общепризнана. Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм. Смысл этого табу очевиден. Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения. Она не может допустить даже намека на то, что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе. Еще недавно коммунистическая идеология стремилась навязать человечеству убеждение, будто коммунистический социальный строй пригоден для всех народов.

Люди и народы обладают разнообразными свойствами. Но не все эти свойства играют одинаковую роль в формировании человека и его социальной организации. Есть свойства социально значимые и социально незначимые. Социальный строй западных стран создавался, сохранялся и завоевывал себе место на планете не просто какими-то человеческими существами, а народами вполне определенного вида. Аналогично коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру русского народа. После того как социальный строй определенного типа уже сложился у какого-то народа, он может быть заимствован другими народами или навязан им силой извне. Таким путем многие черты западного социального строя распространялись по планете. Таким путем коммунизм развивался у ряда народов под влиянием коммунистической России или был навязан Советским Союзом после Второй мировой войны силой. Да и в этих случаях в различных народах, заимствовавших тот или иной социальный строй извне, находились какие-то предпосылки для этого. А когда речь идет об исторически первом или спонтанном возникновении того или иного социального строя, то оно было бы невозможно без определенных качеств человеческого материала. Опыт последних десятилетий показал, что коммунизм не имел глубоких корней в характере многих народов России и Восточной Европы, и они с поразительной легкостью и быстротой отказались от него, когда представился случай, хотя преимущества его были для них очевидны. С другой стороны, попытки навязать социальный строй западного типа (западнизм) во многих регионах планеты терпели неудачу или вели к катастрофическим для населяющих их народов последствиям. Любой народ способен воспользоваться какими-то благами (далеко не всеми!) западной цивилизации, если их преподнесут ему в готовом виде. Но далеко не любой народ способен сам создать нечто подобное. Убеждение, будто различные типы социальных систем суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может пройти эти ступени в своей имманентной эволюции, есть предрассудок.

Сходство социальной организации различных людей не означает, будто их народы могут легко объединиться в одно целое и образовать один народ. Негативный опыт Югославии и Советского Союза показал, что народ есть довольно консервативное явление. Объединение различных людей с различными народами часто (если не чаще) не удавалось, а если удавалось, то на это требовалось исторически длительное время. А чаще это происходило как борьба, как покорение и поглощение одних народов другими в результате кровавых войн.

При рассмотрении социальной организации человека надо различать то, как человек организуется сам по себе, т. е. независимо от того, изучаем мы его или нет, и закономерности исследования и описания его. Если, например, мы начинаем описание социальной организации с системы власти, это не означает, будто власть, с нашей точки зрения, есть некий «базис» человека. Отношения между членами социальной организации и их роли описываются в содержании определений понятий и утверждений, а не в логической последовательности и логической связи понятий и утверждений.

Социальная организация человеиника есть организация людей. Люди не вечны. Одни умирают, другие рождаются. Происходит воспроизводство социальной организации путем заполнения освобождающихся мест новыми людьми и заполнения вновь образующихся мест. В человеинике складывается определенный механизм для этого.

Чтобы человеиник сохранялся, он должен производить достаточно большое число людей для поддержания его социальной организации, причем способных выполнять соответствующие функции, т. е. быть адекватными их месту в социальной организации. Это – абстрактный закон. Но как он действует конкретно? Через нарушения в конкретных случаях и в ожесточенной борьбе людей за лучшие места. Возможности людей различны, и они их используют. Так что тут имеет место изначальное и непреходящее неравенство. Человеиник равных возможностей есть сказка идеологии.

Люди обладают различными природными способностями, которые не наследуются социально, и различным социальным положением, которое получают в силу рождения в определенных социальных категориях (классах, слоях, родственных группах и т. д.). Фактически значительная часть (а порою большинство) мест в социальной организации является социально наследственной. Не биологически наследственной, а именно социально, т. е. выходцами из семей членов человеиника соответствующих категорий. Поскольку для исполнения функций в большинстве случаев достаточно средних природных способностей и образования, получаемого представителями соответствующих категорий людей, наследование социального положения людей обеспечивает в основном устойчивое воспроизводство социальной организации примерно в том же виде. Но лишь в определенных границах. Постепенно накапливается несоответствие между сложившейся системой распределения людей по местам в социальной организации и потребностями выживания человеиника. Оно порождает социальную борьбу. Если такая борьба оказывается безуспешной, человеиник ослабляется или даже разрушается.

Задолго до марксизма возникло убеждение, будто социальная организация является источником всех зол или, наоборот, всех благ, какие можно наблюдать в человеиниках. Коммунисты, например, объявляли капитализм источником всех зол, а в коммунизме видели источник всех благ. В период «холодной войны» западная идеология изображала капитализм как источник всех благ, а коммунизм как источник всех зол. На самом деле жизнь людей зависит не только от социальной организации, но и от других факторов, включая природные условия, характер человеческого материала, историческое стечение обстоятельств. Можно жить плохо с хорошей социальной организацией и хорошо с плохой. Различные народы с одинаковой социальной организацией могут жить различно, одни – лучше других, другие – хуже. Превосходство одних народов над другими нельзя сводить к превосходству социальной организации. Если одни народы побеждают другие в какой-то борьбе (например, в войне), это не значит, что первые имеют лучшую социальную организацию, чем вторые.

Основные аспекты человеиника

Я различаю прежде всего деловой и коммунальный аспекты человеиника. В первом люди делают все то, что необходимо для их существования, вырабатывают, сохраняют и совершенствуют трудовые навыки и средства труда, создают материальную культуру. Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться.

Рассматриваемые аспекты суть именно аспекты, а не части человеиника. Занимаясь делом, люди вступают в отношения друг с другом. Свои поступки по отношению к другим людям они совершают в делах. При всех обстоятельствах их действия управляются сознанием, сознание формируется в их деятельности, они воздействуют друг на друга путем воздействия на сознание. В примитивных человеиниках эти аспекты слиты воедино. Со временем происходит их дифференциация путем возникновения структурных компонентов, выполняющих различные функции, и путем более или менее явной группировки действий людей и частей их жизни. Но единство аспектов сохраняется. Например, промышленное предприятие возникает в деловом аспекте. Но его можно рассматривать и как средство объединения людей в группу, т. е. как явление в коммунальном аспекте. Если предприятие полностью сосредоточится на изготовлении вещей и будет игнорировать другие предприятия, оно обанкротится. Конкуренция есть явление в коммунальном аспекте, но она есть отношение между деловыми объединениями. Государственные учреждения специально создаются для регулирования отношений между людьми, т. е. для упорядочивания коммунальных отношений. Но и в них люди занимаются делом. Отношения начальствования и подчинения и иерархия таких отношений суть одновременно явление как в деловом, так и в коммунальном и менталитетном аспектах.

Взаимоотношения рассматриваемых аспектов различны в различных человеиниках и даже в рамках одного и того же человеиника в различных сферах и в разное время. Например, в человеиниках западного типа деловой аспект доминирует над коммунальным, а в человеиниках коммунистического типа – наоборот, коммунальный доминирует над деловым. В экономике преобладает деловой аспект, в государственности – коммунальный. Но это не означает, что какой-то из аспектов является слабым, неразвитым. Так, коммунальный аспект в человеиниках западного типа развит ничуть не меньше, чем в человеиниках коммунистического типа, а в последних колоссальных размеров достигает деловой аспект.

Деловой и коммунальный аспекты различаются в одном измерении человеиника. В другом измерении различаются телесный и «духовный» (менталитетный) аспекты. В первом из них люди живут и действуют как существа телесные. Во втором люди обучаются и обрабатываются применительно к условиям и требованиям своего человеиника. Я называю его менталитетным, поскольку формирование и поведение человека в качестве члена человеиника есть прежде всего формирование его сознания (менталитета) и сознательное поведение. Различение этих аспектов возникает одновременно с различением делового и коммунального аспектов. Происходит, далее, дифференциация внутри каждого из аспектов, причем в разных измерениях. Как суммарный эффект получается топологически очень сложная структура. Упрощая ее, я в дальнейшем выделю для рассмотрения три основных, на мой взгляд, аспекта – деловой, коммунальный и менталитетный.

Деловой аспект

Жизнь человекика есть прежде всего совокупность деловых поступков его членов. К числу таких поступков (дел) относится добывание и производство материальных ценностей. Но не только это. Делом является и создание культурных ценностей, и создание средств развлечения, и бытовое обслуживание, и управление людьми, и поддержание общественного порядка. В общем, делом в этом (социальном) смысле является то, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как необходимое или полезное. Оно должно удовлетворять какие-то потребности людей.

Дело должно выполняться в соответствии со свойствами объектов, участвующих в нем, и в соответствии с правилами самого дела как особого объективного процесса. Для удовлетворительного исполнения дела нужны особые навыки. Исполнители дела должны быть адекватны требованиям дела. Затраты средств и усилий на дело должны соответствовать ценности его результатов. Разумеется, эти требования постоянно нарушаются, следствием чего являются неуспех дела, плохое качество исполнения, наказания исполнителей.

Дело есть работа, причем в большинстве случаев не очень-то приятная, утомительная, раздражительная. Не надо строить иллюзий на какую-то врожденную любовь людей к труду, особенно – к таким видам труда, о которых они даже не помышляли еще не так давно. Предоставленные самим себе люди в большей мере суть прирожденные лодыри и халтурщики, чем добросовестные трудолюбивые. Они чаще смотрят на работу как на потерю времени и сил, как на вынужденную необходимость. Еще не так давно массы людей заставляли работать силой и наказаниями. И теперь труд для большинства людей является так или иначе принудительным, поскольку они не имеют других путей приобретения средств существования. Лишь сравнительно небольшой части людей работа приносит удовольствие, да и то не столько сама по себе, сколько тем, как она вознаграждается и как выглядит в глазах других людей. Идея превратить труд для всех людей в удовольствие есть идея утопическая. Никакой прогресс науки и техники никогда не избавит человечество от принудительности труда для большинства людей и от ожесточенной борьбы за более легкие, выгодные и интересные виды деятельности, а также от борьбы за возможность принуждать других к труду и распоряжаться ими по своему усмотрению. А это происходит по законам коммунального аспекта главным образом и лишь отчасти самого делового аспекта.

По мере разрастания человекиков, разделения труда и усложнения самих трудовых операций происходила дифференциация делового аспекта на аспект исполнения дела и аспект обучения делу (образования и обучения профессии). Современные человекики превратились в объединения профессионалов, а аспект образования и профессионального обучения выделился в особое подразделение структуры человекика.

В современных человекиках число занятых делом людей исчисляется миллионами и десятками миллионов, а число профессий – десятками тысяч. И они далеко не одинаковы с точки зрения требуемых способностей и обучения, трудности и интересности дела, престижности, доступности, вознаграждения. В большинстве случаев работа по профессии есть тяжелый труд, рутина, скука, стресс. В меньшинстве случаев это – удовольствие, развлечение, творчество, слава, престиж, благополучие. За лучшие профессии идет борьба, в которой абстрактная справедливость реализуется лишь как случайность и как среднестатистическая величина в огромном числе случаев.

В силу огромности величин и изменчивости ситуаций имеет место динамичное соотношение между спросом на профессиональные силы и предложением. Постоянно возникает расхождение между ними в каких-то отношениях. Такое расхождение возникает даже в коммунистическом обществе, в котором гарантируется всеобщая занятость, а профессиональ-

ная подготовка планируется в соответствии с потребностями. Со временем возникшее расхождение преодолевается. Возникает другое и т. д. Это происходит в определенных рамках. Важно то, что нормально существующий человек должен справляться с возникающими тут проблемами. Он должен также своими силами обеспечивать расширяющийся спрос на профессионально подготовленные кадры. Для этого человек должен иметь достаточно большой и разнообразный человеческий материал, чтобы в нем можно было отбирать людей для высококвалифицированных профессий и дел. До недавнего времени современные люди так или иначе решали эти проблемы и держались в допустимых рамках. Но во второй половине века тут наметился перелом.

Этот перелом заключается в том, что вследствие революции в материальной культуре и в организации делового аспекта произошел разрыв между фактическим состоянием профессионализма человеческого материала и новыми потребностями в нем, причем разрыв такого рода, какого никогда не было ранее. Чтобы сгладить его, потребовалось не только изменение пропорций и величин профессий, не только переобучение и обучение новым профессиям многих миллионов людей, но изменение самого человеческого материала и создание нового типа существ, каких не было ранее. Решение этой проблемы оказалось не под силу отдельно взятым странам. Потребовалось объединение усилий многих людей. Потребовались также новые средства обработки человеческого материала и новые формы организации жизни людей.

Коммунальный аспект

Людей в человеинике много, и они вынуждены совмещать какие-то поступки и вступать в какие-то отношения друг с другом в зависимости от самого этого факта. Они вынуждены с этим так или иначе считаться. Каждый член человеиника как социальный индивид поступает при этом в силу социальных законов, которые я называю законами экзистенциального эгоизма. Так как поступки людей в этом их качестве являются сознательными, законы экзистенциального эгоизма принимают вид законов рационального расчета. Когда обвиняют каких-то конкретных людей в расчетливости и усматривают в этом нечто аморальное, то это равносильно тому, как если бы мы стали осуждать людей за то, что они хотят есть, пить, одеваться, совокупляться, и за прочие естественные потребности.

В соответствии с законами социального расчета поступают все взрослые и нормальные члены человеиника. Для регулирования их взаимоотношений во всяком достаточно долго живущем человеинике вырабатывается и передается из поколения в поколение совокупность правил (норм) поведения его членов, а также совокупность способов принуждения членов человеиника к соблюдению этих правил и наказаний за их нарушения. Таким образом, коммунальный аспект раздваивается на аспект рационального расчета (экзистенциального эгоизма) и аспект норм поведения. При этом важно иметь в виду то, что законы рационального расчета суть объективные социальные законы, а нормы поведения суть искусственные изобретения людей, ограничивающие действие этих социальных законов определенными рамками, без которых человеиник долго существовать не может.

Нормы поведения суть защитные средства людей от самих себя. Они суть результат длительной эволюции человеиников. Далеко не всегда это удавалось и сохранялось. Но если удавалось и доказывало свою полезность для самосохранения человеиника, то становилось объективным фактором его бытия. Замечу между прочим, что в силу диалектических законов бытия компоненты рассматриваемой пары (социальные законы и нормы поведения) в процессе эволюции взаимно стимулировали друг друга – не только первые вынуждали изобретать вторые, но и изобретение вторых поощряло первые.

Законы рационального расчета

От биологической эволюции люди унаследовали законы экзистенциального эгоизма. Согласно этим законам определяющими факторами поведения людей являются их личные интересы и интересы биологически близких сородичей. Человек стремится не действовать во вред себе, препятствовать действиям других во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям существования. В совместную жизнь в человеческой среде люди включаются с этим принципом. Будучи обращены на социальную среду и благодаря сознанию упомянутые законы принимают форму законов рационального расчета. Их суть, коротко говоря, такова. Нормальный член человеческого общества осознает свое положение в человеческой среде, свои интересы и ту или иную конкретную ситуацию с этой точки зрения и совершает сознательно-волевые поступки в соответствии с законами экзистенциального эгоизма. Эти поступки разнообразны. Их конкретный вид зависит от особенностей человека, особенностей его положения и данной ситуации. Но суть их всегда одна: осознанный эгоистический интерес человека. И от этого людей избавить невозможно. Заглушая это у одних людей, заглушающие сами с удвоенной силой отдаются во власть этих законов.

Возьмем для примера такую ситуацию. Все соблазнительные для данного индивида возможности удовлетворения его желаний (благ, карьеры, успеха) уже заняты другими. Очевидно, наш индивид может удовлетворить свои интересы лишь одним путем, а именно – за счет других индивидов. Врагом индивида в такой ситуации становится другой индивид, который препятствует реализации его желаний. Естественно, он должен стремиться ослабить врага. Его «другом» становится тот, кто помогает ему или кого он может использовать в своих интересах. Главный враг для индивида – другой индивид (коллега, человек той же профессии и т. п.), который способен лучше его выполнять ту же работу, умнее и способнее его, может добиться больших успехов. И если этот индивид имеет возможность как-то помешать такому потенциальному конкуренту, он это делает.

Другой пример – всеобщая скрытая и зачастую открытая вражда к людям с выдающимися способностями. Обычно окружающие сразу замечают потенции таких индивидов. Они воспринимают их как угрозу своему положению и принимают меры к тому, чтобы помешать им проявиться. Такие индивиды обычно пробиваются благодаря протекции посторонних. Если им это удастся, с ними мирятся как с людьми более высокого социального уровня. И все это происходит не из-за какой-то испорченности людей, а в силу вполне «здоровых» социальных законов.

Не стройте никаких иллюзий насчет своих собратьев. Причем чем они образованнее и умнее, тем виртуознее они как социальные индивиды, действующие в силу законов рационального расчета. Если такой индивид ради своей значительной (с его точки зрения) выгоды может совершить преступление, будучи убежден в том, что останется неразоблаченным и ненаказанным за это, он это преступление совершит. Конечно, бывают исключения – в семье, как говорится, не без урода.

Законы рационального расчета реализуются в системе правил коммунального поведения. На овладение ими уходят годы. Причем не все овладевают ими в одинаковой мере и полностью. И в поведении люди часто делают ошибки. Обычно правила коммунального поведения действуют в совокупности, трансформируя и маскируя друг друга. Этим правилам люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания, благодаря образованию. Они напрашиваются сами собой. Даже у самых глупых людей хватает ума открывать их в какой-то части самим. А человеческая среда предоставляет своим членам неограниченные возможности для тренировок. Описанием и изображением поведения людей под воздействием этих законов полна литература, кино, газеты, телевидение.

Даже критика такого поведения и проповедь отрицательного к нему отношения в основном обучает этому поведению. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они получают систематическую подготовку и проходят систематическую практику на роль социальных индивидов, живущих по законам рационального расчета.

Хотя правила коммунального поведения естественны, люди предпочитают их маскировать и скрывать, делать вид, что поступают совсем по другим мотивам. Люди совместно вырабатывают какие-то самозащитные средства против буйства коммунальности (религия, мораль, идеология, право), в свете которых правила коммунального поведения выглядят как нечто отвратительное и порицаемое обществом. Когда мы людей называем шкурниками, карьеристами, ловкачами, лицемерами, интриганами, завистниками, лжецами, подхалимами, властолюбями, хапугами, мы лишь фиксируем факты поведения их в силу законов коммунальности, причем – в крайних формах. На самом деле именно эти качества лежат в основе коммунального поведения. Люди изобретают многочисленные способы избежать их, которые точно так же становятся правилами коммунальности. Согласно этим последним морально порицаемые явления коммунальности принимают форму морально поощряемых. Бездарность должна принять форму таланта, подлость – форму добродетели, трусость – форму смелости, клевета – форму истины. Все в принципе понимают суть дела, но поскольку соблюдаются некие формальные правила, все принимают за чистую монету именно видимость, а не суть.

Правила коммунального поведения индивидов суть самые простые и самые фундаментальные социальные законы, на которых можно увидеть, каким образом объективность и субъективность этих законов прекрасно уживаются без всяких логических противоречий. Законы коммунальности, будучи изобретениями самих людей, являются вместе с тем неподвластными их воле по той простой причине, что люди просто не хотят их нарушать. Они и изобретаются для того, чтобы лучше устроиться в жизни, лучше приспособиться к социальной среде, организовать людей в группы, ограничить друг друга во избежание катастрофических последствий своего поведения. Эти правила находятся опытным путем в ряде поколений и затем навязываются каждому индивиду по отдельности как принудительные законы природы. Именно добровольность масс людей в следовании коммунальным правилам является самой глубокой основой того, что эти правила становятся господами их поведения.

Поведение людей по правилам коммунальности не есть поведение по правилам морали, если даже они совершают поступки, одобряемые морально. Тут имеет место просто совпадение различных способов оценки поступков. Правила морали были в свое время изобретены как одно из средств самозащиты людей от буйства коммунальности, т. е. от самих себя как существ коммунальных. Какие-то правила морали сохраняются и в условиях господства коммунальности. Но они тут играют роль второстепенную и сугубо формальную. Убежденно моральный (поступающий именно в силу принципов морали) человек тут становится редким исключением, отклонением от общей нормы. Люди здесь соблюдают какие-то правила морали потому, что это требуется правилами коммунальности. Люди тут не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому тут исчезает такое явление, как угрызение совести. Потому тут люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, тут обречен на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимирию, т. е. способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности. Искусство лицемерия здесь становится настолько обычным делом, что одним из правил поведения становится запрет на разоблачение лицемерия.

Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативное. Они – объективное. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативное. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много и каждый действует в силу правил коммунальности, люди так или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты.

Правила коммунальности кажутся мало значащими пустяками, если их взять по отдельности и если рассматривать отдельно взятые поступки людей. Чтобы понять, какую роль они на самом деле играют в обществе, надо их взять в совокупности и в массе, т. е. принять во внимание то, какое число поступков и какие поступки миллионы людей совершают в соответствии с ними ежесекундно. Именно эти ничтожества, а не всемогущие тираны играют решающую роль в жизни общества, превращая в свои игрушки и инструменты самые значительные (с обывательской точки зрения) личности. Суть научных открытий в социологии состоит не в том, чтобы раскопать какой-то глубоко запрятанный грандиозный секрет жизни общества, а в том, чтобы увидеть, какую грандиозную роль играют очевидные всем пустяки.

Законы рационального расчета имеют силу и в отношении объединений людей, поскольку они функционируют как единое целое и поскольку их при этом представляют и олицетворяют (возглавляют) люди, причем в ситуациях, когда им приходится иметь дело с другими объединениями того же рода. Эти законы имеют силу и в отношении целых человеко-единиц. Все они суть живые существа, состоящие из людей и групп людей и управляемые людьми и группами людей. Есть социальные законы, согласно которым то, что свойственно отдельно взятым людям, становится свойствами групп, объединений групп и целых человеко-единиц. Целые страны ведут себя так, что их поведение может быть охарактеризовано теми же понятиями и критериями, какими оценивается поведение отдельных людей.

По мере увеличения и усложнения человеко-единиц, увеличения их числа и усложнения их отношений роль законов рационального расчета возрастает. Разнообразятся и становятся все более изощренными формы их проявления. Возникают особые специалисты и учреждения, занимающиеся их реализацией. Разрабатываются целые отрасли знания, посвященные поведению в их духе. В соответствии с этими законами ведутся войны, действуют политики и дипломаты, хозяева и управляющие деловых фирм и т. д. Все это происходит, разумеется, не открыто и откровенно, а под видом благородных, гуманных, деловых, полезных и необходимых дел. И это все – не просто обман, а закономерная форма проявления объективных законов социального бытия.

Хотя законы рационального расчета, повторяю, вполне естественны, люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения моральных и других ограничителей, и скрывать законы его как нечто предосудительное и даже преступное. Так что нет ничего удивительного в том, что эти законы до сих пор не заняли подобающее им место в сочинениях социологов. В истории социальной мысли лишь изредка проскакивало признание этих законов как объективных факторов социального бытия. Как правило, их проявление рассматривалось как нечто бесчеловечное. Но ничего бесчеловечного тут нет. Эти проявления ничуть не бесчеловечнее, чем явления дружбы, взаимопомощи, уважения и т. п. Последние вполне уживаются с первыми и объяснимы как нечто производное от первых. Читатель наверняка сталкивался со случаями, когда, например, одни люди оказывали пустяковую помощь другим (делали вроде бы доброе дело) и всячески рекламировали это, приобретая репутацию добрых, отзывчивых и бескорыстных личностей, будучи совсем иными по существу и в каких-то скрытых интригах. А разве не такова во многих (если не во всех!) случаях «бескорыстная» помощь западных стран другим (бедным) странам и народам мира?! А как ее раздувают и приукрашивают в западных средствах массовой информации! И вряд ли можно измерить,

что в мире приносит больше зла людям – то, что считается добром, или то, что откровенно выглядит как зло.

Возможно ли построить систематическое и полное описание законов социального расчета? Задача логически сложная, но не невыполнимая. Для этого надо суметь перечислить все логически мыслимые ситуации, в которых эти законы имеют силу. С логической точки зрения эти ситуации таковы. В них оказываются отдельно взятые люди и объединения людей, действующие как единое целое, – назовем их социальными субъектами. Они должны совершать поступки в среде из множества себе подобных. Каждый из субъектов множества имеет цели, достижение которых зависит от других членов множества. И для таких ситуаций мы должны выяснить все логически мыслимые варианты поведения социальных субъектов и выделить из них наиболее выгодные для этих субъектов с точки зрения их интересов.

Не все поступки по законам рационального расчета равнозначны. Многие из них имеют слабые последствия, многие вообще остаются без последствий. Но среди них бывают такие, которые играют существенную роль в судьбах людей. Они оказывают влияние порою на судьбы целых человекообразных и народов. Социальные субъекты часто имеют возможность выбора наиболее выгодного для них варианта поведения в той или иной ситуации. Выбор не всегда бывает удачен. И не менее часто выбор вообще бывает ошибочным с точки зрения интересов субъектов. Вариант, выгодный в одних условиях и в одних отношениях, может оказаться невыгодным в других. Одним словом, законы социального расчета действуют через массу отклонений, нарушений, случайностей, проб и ошибок, а не как детали неживой машины и не в каждом конкретном случае прямо и явно, словно по предписанию некоего начальства.

Кроме того, люди в интересах самозащиты от своих собратьев вынуждаются создавать средства ослабления, ограничения и сокрытия рассматриваемых законов. Это – совокупности норм поведения людей и их групп в своих человекообразных и по отношению к другим человекообразным и их представителям (к чужим). Изобретается также определенная система обучения этим нормам и наказаний за их несоблюдение. Для этой цели изобретаются такие средства принуждения, как религия, мораль, право, суды, тюрьмы.

Нормы поведения

Нормы поведения социальных субъектов разделяются на запреты, разрешения, обязанности и права. Логическую основу их образуют запреты. Людям запрещено совершать некоторые действия (поступки) – это означает, что если они совершат эти действия, то они будут как-то наказаны за это, или другие люди будут препятствовать им в этом. Поступки не являются запрещенными, если за совершение их люди не наказываются. Незапрещенные поступки относятся к категории разрешенных. Обязательными поступками являются такие, которые запрещено не совершать. Логически следует, что обязательные поступки разрешены, а неразрешенные запрещены. Если поступок не является обязательным, его разрешено не совершать. Разумеется, фактические взаимоотношения норм поведения гораздо сложнее, причем создатели и хранители их не осознают их логические отношения. Последнее устанавливается профессиональной логикой.

Социальный субъект имеет право на определенного рода поступки или на приобретение, обладание и распоряжение определенного рода объектами – это означает, что ему это разрешено, а другим запрещено препятствовать ему в этом. Слово «право» тут употреблено не в специально юридическом или социологическом смысле, а как слово общеразговорного языка. Люди не имеют такого (как сказано выше) права, если у них нет разрешения на это, а другим не запрещено препятствовать им в этом. Если поступок запрещен, социальный субъект не имеет на него права, – это логически следует из определений нормативных выражений языка.

Нормы (правила) поведения являются формальными в том смысле, что касаются не конкретных индивидов и отдельных поступков, а логических классов (категорий) субъектов и поступков. Если выразить их в языковой форме и выявить при этом логическую структуру суждений, то они примут такой вид: всем социальным субъектам, относящимся к такому-то логическому классу, запрещено, разрешено, не запрещено, вменяется в обязанность, предоставляется право и т. д. то-то и то-то. В отношении индивидов эти нормы действуют по схеме: если этот индивид относится к такому-то логическому классу, в отношении к нему имеют силу такие-то нормы.

В реальности дело, конечно, не сводится к выяснению логических свойств нормативных выражений. В реальности вырабатывается сложная система социальных отношений людей, в которой мы можем абстрагировать нормативный аспект, находящийся далеко не в совершенном с логической точки зрения состоянии.

Нормы поведения социальных субъектов не являются социальными законами – это важно помнить. Они могут как-то отражать социальные законы, но они суть явления иного рода. Социальные законы не изобретаются. Нормы же, о которых идет речь, искусственно изобретаются. Законы, как правило, не осознаются. Открытие их – дело специалистов, с которыми они, надо сказать, справляются плохо. Нормы же обязательно должны осознаваться и признаваться членами человеческого сообщества. Законы сохраняются, поскольку сохраняются объекты, к которым они относятся. Нормы же искусственно сохраняются и поддерживаются искусственно изобретенными средствами – обычаями, традициями, расправами, судами, тюрьмами, религией, моралью. Социальные законы сами по себе неизменны и универсальны. Системы норм поведения меняются со временем и различны в различных человеческих сообществах. Хотя это вроде бы очевидно, даже в профессиональных социальных исследованиях нормы поведения зачастую смешиваются с социальными законами, проявляющимися в поведении. Во всяком случае, их различие не замечается или игнорируется умышленно.

Совокупность норм поведения может быть обширной и разнообразной, порою разработанной настолько, что чуть ли не каждый поступок членов человеческого сообщества оказывается

нормированным. В литературе всякого рода в свое время много говорилось о том, каким кошмаром для людей было это засилье норм поведения и какую борьбу вели представители таких человеииков, чтобы как-то ослабить этот гнет. И в наше время можно видеть этот социальный нормативизм (так назову этот феномен) у бесчисленных народов. Причем роль его нельзя считать чисто негативной. Он складывался как условие выживания народов. Разрушение его во многих случаях (если не как правило) вело к разрушению человеииков. Современные человеиики являются в высшей степени нормативными. Помимо общеизвестных моральных и юридических норм можно назвать нормы этикета, служебного поведения, армейской дисциплины, поведения в средствах транспорта и т. п. Вся жизнь людей с рождения до смерти опутана всякого рода искусственно изобретенными нормами поведения. Человек буквально шагу ступить не может, так или иначе не считаясь с какими-то нормами. Причем все нормы, как правило, принудительные. Нарушение их так или иначе замечается и наказывается. На овладение системой норм уходит значительная часть жизни и сил большинства людей.

Хотя система норм поведения имеет тенденцию к полному охвату поведения членов человеиика, практически это не достигается никогда. Остаются ненормированные поступки. В человеиике происходят изменения, в результате которых люди начинают совершать поступки, еще не охваченные нормами. Люди нарушают установленные нормы. Многие нормы таковы, что допускают диапазон, в рамках которого возможен выбор, допускают различные истолкования и исключения. Наконец, вводятся нормы, предоставляющие людям какую-то свободу поведения. Таким образом, в человеиике складывается какая-то часть ненормированного поведения его членов.

Между множествами нормированных и ненормированных поступков имеют место определенные соотношения. Если первое множество является малочисленным, из этого не следует, что второе многочисленно. В примитивных человеииках, например, норм было сравнительно мало, но это не означает, будто люди были свободны в поведении. В современных западных странах множество нормированных поступков огромно, но и множество ненормированных поступков тоже велико. Для точных измерений необходимо исходить из множества потенциальных поступков данного человеческого материала и выяснять, как оно разделяется на нормированные и ненормированные. Это надо сделать для разных категорий людей и поступков. И лишь на этой основе вычислять степень и характер нормированности человеиика. По моим наблюдениям, степень нормированности человеиика (степень закрепощения) имеет тенденцию возрастать, а степень ненормированности (свободы) снижаться. Замечу кстати, что гражданская демократия (демократические свободы) возникает не просто из чьих-то желаний облагодетельствовать людей, а как защитная реакция от нормативного тоталитаризма.

Нормы поведения могут функционировать только при том условии, что существуют достаточно эффективные средства принуждения людей к их соблюдению и наказания за их нарушения. В противном случае они становятся фиктивными.

Менталитетный аспект

Третий аспект человејника охватывает все то, что касается сознания (менталитета, психики) его членов. В него включается формирование сознания у новых поколений людей, поддержание состояния сознания взрослых, какое требуется условиями и интересами самосохранения человејника, снабжение людей «пищей» для сознания («духовной пищей»), выработка и поддержание правил поведения, необходимых для выполнения упомянутых задач, манипулирование людьми путем воздействия на их сознание.

Сознание людей есть результат коллективного творчества. Это – их искусственное изобретение, не передаваемое новым поколениям посредством биологической наследственности и не сохраняющееся само собой. Для этого нужны искусственные средства, и они вырабатываются в менталитетном аспекте. В нем люди сами воспроизводятся в качестве социальных объектов, т. е. обладающих сознанием искусственных существ.

Сознание людей как членов человејников включает в себя определенное понимание окружающего мира, самих себя и вообще всего того, что важно для ориентации людей в мире. Оно включает в себя субъективное отношение людей к тому, что встречается в их жизненном опыте, – систему оценок и ценностей. Оно стандартизируется определенным образом. Члены человејника не только выглядят сходными телесно, но и являются сходными «духовно» (менталитетно). Причем менталитетное сходство является гораздо большим, чем телесное, ибо тут сходство создается искусственно, преднамеренно и по определенным образцам. И в наше время кажущегося менталитетного разнообразия индивидов в основе их менталитета можно обнаружить поразительное однообразие.

В рамках менталитетного аспекта возникали и развивались верования, культы, религии, философия, наука, искусство. В современных человејниках этот аспект достиг масштабов двух других основных аспектов.

Основные уровни человеиника

Человеиник возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно на трех уровнях – на микро-, макро- и суперуровне. Объекты первого суть отдельно взятые люди и их объединения в частичные группы. В современных человеиниках эти группы суть общеизвестные фабрики, заводы, конторы, магазины, больницы, школы, банки, университеты, аэропорты, театры, издательства, родственные группы, молодежные компании, любительские общества, спортивные команды, клубы, криминальные банды, религиозные общины, воинские части и т. д. Объекты второго уровня суть объединения объектов первого уровня, сфера деятельности которых – человеиник в целом. Это – органы власти и управления, полиция, армия, церковь, суды, организация хозяйства, культура и т. д. Они выполняют в человеинике различные функции и совместно обеспечивают его жизнедеятельность как единого целого. На суперуровне происходит структурирование членов человеиника вне объектов первых двух уровней, но на их основе.

Взаимоотношения между уровнями варьируются в зависимости от условий, многосторонни и изменчивы. Возможно доминирование какого-то из них над другими. Но при всех обстоятельствах имеет силу как тенденция к установлению взаимного соответствия (адекватности) уровней, так и тенденция к его нарушению. Роль различных уровней в организации человеиников различна в различных человеиниках и меняется со временем в тех же самых человеиниках. Но имеет силу тенденция к некоторому устойчивому соотношению.

Микроуровень

Минимальная социальная группа обладает такими признаками. Она состоит по крайней мере из двух человек. Эти люди более или менее регулярно (в течение длительного времени) делают какое-то дело как единое целое. Один из членов группы выполняет функции управляющего органа – принимает решения, отдает приказания, управляет членами группы при выполнении дела. Руководитель группы выполняет свои функции исключительно путем непосредственных личных контактов. Он должен лично контролировать поведение членов группы при исполнении дела. Минимальное число членов группы определяется потребностями дела группы, максимальное – возможностью руководителя группы контролировать подчиненных лично.

Сложные группы образуются так. Простейший случай – разделение группы на две и подчинение одной из них другой, в результате чего сохраняется единство и возникает более сложная группа. Тот же эффект получается, когда две группы объединяются в одну путем подчинения одной из них другой. Более сложный случай – объединение людей, имеющее управляющий орган, внутренне дифференцируется на два или более объединения с сохранением исходного объединения и с образованием в каждой из частей управляющих органов. Тот же эффект получается, если два или более объединения сливаются в одно с сохранением своих руководящих органов и с образованием общего руководящего органа.

Всякое достаточно большое число людей, вынужденное жить как единое целое длительное время, разделяется на множество групп, между которыми устанавливаются отношения субординации (начальствования и подчинения), координации, соответствия и т. д. Эти отношения устанавливаются как отношения управляющих органов групп, в конечном счете – людей. Складывается иерархия этих отношений.

В отношениях между людьми и их группами в самих основах структурирования имеют силу объективные социальные законы. Приведу некоторые из них для примера. Группа стремится сделать каждого своего члена (индивида) максимально зависимым от нее. И она имеет для этого средства. От нее зависит успех индивида по работе, жизненные блага, награды и наказания. Индивид же, со своей стороны, стремится по возможности стать независимым от группы, приобрести привилегии, поддержку и источники дохода вне группы, использовать группу в своих интересах. Положение начальника считается лучшим, чем положение подчиненных. Труд начальника имеет более высокий статус и оплачивается лучше, чем труд подчиненных. Начальник стремится к максимальному подчинению нижестоящих, а последние – к максимально возможной независимости от начальства. Начальство стремится свести к минимуму риск и ответственность.

Уже на микроуровне неизбежно разделение людей на начальников и подчиненных, на имеющих власть и подвластных, а также на различные категории людей в группах. Это служит самой глубокой основой неравенства в распределении социальных позиций и жизненных благ. Развитие человеяника есть усложнение системы различий людей и их неравенства в различных аспектах. И от этого люди не в состоянии избавиться, пока они образуют человеяники.

Человеяники в основе своей имеют клеточную структуру. Минимальный случай – одноклеточный человеяник. Надо думать, что он был историческим предшественником многоклеточных человеяников. Тут отношение подобно отношению между одноклеточными и многоклеточными организмами. Эволюция человеяников по этой линии есть одно из измерений социальной эволюции.

Понятие клеточки является соотносительным с понятием целого. Клеточка есть часть целого. Но не любая, а в каких-то определенных отношениях или с точки зрения определен-

ных признаков целого. Она есть минимальная часть целого в этих, и только в этих отношениях.

Клеточки достаточно больших и развитых человеешников разделяются на такие, которые являются минимальными частями человеешника в целом, обладающими основными свойствами человеешника в целом, и такие, которые являются минимальными частями какого-то подразделения человеешника, обладающими основными свойствами этого подразделения. Например, к числу первых может принадлежать административный район страны, к числу вторых – промышленное предприятие. Первые будем называть коммунальными, вторые – деловыми.

Клеточки могут состоять из родственников, в частности – это может быть семья. Но тут клеточка образуется не потому, что есть семья, а, наоборот, семья в определенных условиях становится клеточкой. Такое встречается даже в современных странах, а не только в феодальном прошлом. Клеточки могут быть образованы и из чужих друг другу людей, что есть обычное явление в современных человеешниках. Клеточки могут быть исключительно деловыми, как в западных странах. Но могут одновременно выполнять и другие функции, например – воспитания членов клеточек, организации их быта и отдыха, как это имело место в Советском Союзе.

Особо следует выделить деловые клеточки, благодаря которым и в которых большинство работоспособных членов человеешника добывает средства существования для себя и членов своих семей, добивается успеха, делает карьеру, приобретает и повышает квалификацию, удовлетворяет потребность в деятельности и в общении с другими людьми. Положение членов таких клеточек в человеешнике определяется прежде всего их положением в их клеточках. В современных человеешниках это предприятия и учреждения, благодаря которым человеешник может существовать (заводы, учебные заведения, магазины, больницы, органы власти и т. д.).

Клеточки объединяются в многоклеточные образования. Простейший случай – сосуществование внутренне независимых друг от друга клеточек. Их совместность определяется внешними для них факторами. Более сложный случай – обмен и заимствования, сначала спорадически, затем – регулярно. По другой линии – совместная деятельность, разделение функций, постоянная потребность друг в друге. Сложные клеточки различаются по степени сложности. Усложнение идет по линии усложнения клеточек, образующих управляемое тело, и управляющего органа. Последний сам может быть клеточкой, причем тоже сложной. Усложнение идет во многих измерениях. Образуется иерархия клеточек в плане вхождения одних в структуру других, а также в плане их субординации как управляющих и управляемых. Все возможные тут варианты логически вычислимы. Все реализующиеся варианты суть члены множества этих логически вычисляемых вариантов.

Макроуровень

На макроуровне различаются сферы, охватывающие человек в целом. Они состоят из клеточек, но выполняют определенные функции в интересах человека именно как целого. Основные сферы суть следующие: 1) власти и управления; 2) хозяйства; 3) менталитета. Они возникают в результате разрастания и дифференциации рассмотренных выше аспектов – коммунального, делового и менталитетного. Их возникновение и является структурным воплощением этой дифференциации: особой функцией какой-то части членов человека становится деятельность в определенном аспекте. Условием образования человека является возникновение управляющего органа – власти и управления человеком как единым целым. Это означает, что постоянной функцией некоторой части членов человека становится функция управляющего органа – сознания и воли человека. Сам факт образования такого органа означает, что прочие члены человека становятся частицами его управляемого тела. Поскольку власть сама не производит ничего, то основной функцией подвластного тела человека становится обеспечение себя и людей, занятых во власти, средствами существования – функция хозяйства. Одновременно с органом управления происходит формирование органов защиты от внешних нападений и органов внутреннего порядка человека. Они в свою очередь вносят свою долю в разделение членов человека по линии разделения функций. В другом разрезе происходит разделение власти над телами и над «душами» людей и образование органов второй. Происходит также разделение дела по добыванию и производству средств существования для тела людей и дела по формированию самих людей и снабжению их «духовной» пищей. Как суммарный эффект и возникают рассматриваемые основные сферы.

Власть

Слово «власть» неоднозначно. Говорят о власти людей над вещами и силами природы. Говорят о власти вещей, сил природы и обстоятельств над людьми. Я буду говорить о власти исключительно как о социальном явлении. Поясню, что именно я имею в виду.

Буду называть социальными субъектами отдельно взятых людей как существа, обладающие волей и сознанием, и объединения людей, в которых какие-то их члены выполняют функции воли и сознания в отношении объединений в целом. Будем говорить, что один социальный субъект имеет власть над другим, если, и только если первый может в каких-то отношениях распоряжаться вторым по своей воле. Первый будем называть носителем власти (властителем), второй – объектом власти (подвластным).

Власть может быть частичной и кратковременной. Но может быть многосторонней и постоянной, пожизненной. В этих пределах колеблется степень власти и подвластности. Предел власти – когда властитель распоряжается всеми важнейшими аспектами жизни подвластного субъекта, включая его биологическую жизнь. В человекиках складываются сети и иерархия власти, так что одни и те же люди оказываются в положении властителей по отношению к одним и в положении подвластных по отношению к другим людям. Отношение власти и подвластности есть одно из самых фундаментальных социальных отношений.

Всякие властители стремятся к максимуму над подвластными и к максимально возможному расширению множества подвластных. В этом смысле они не имеют никаких ограничений в самих себе. Рассчитывать на какую-то их «совесть», «доброту», «человечность», «разумность» и т. п. в этом их стремлении нелепо, ибо это не соответствует природе феномена власти. Властители имеют ограничения своим стремлениям лишь вовне, а именно – в других властителях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей. С разрастанием множества властителей в их среде происходят расколы, образуются враждующие и конкурирующие группировки. И функцию упомянутого сопротивления присваивают себе представители множества властителей, которые вовлекают подвластных в сопротивление по мере надобности и возможности. Подвластные стремятся к минимуму подвластности. Иногда они восстают и выходят из-под контроля властителей. Добровольность подвластности имеет место лишь тогда, когда она в какой-то мере выгодна подвластным.

Люди и целые народы различаются по степени властности (по способности властвовать над другими). Встречаются выдающиеся индивиды и народы с этой точки зрения, как и во всякой другой способности. Но для удовлетворения потребностей человекиков и человечества во властителях средних способностей властвовать более чем достаточно. Как показывает опыт, из безвольных «тряпок» получаются порою более «железные» и «твердокаменные» властители, чем из волевых. И все же высокая степень властности повышает возможности ее обладателей в борьбе за существование.

В силу закона экзистенциального эгоизма люди стремятся к власти прежде всего для самих себя и во вторую очередь для подвластных. Дело обстоит не так, будто некие благородные, бескорыстные и самоотверженные личности жертвуют собою для блага подвластных. Конечно, такие личности встречаются как исключение и уклонение от нормы. Множество нормально-средних властителей образуют люди, живущие за счет функции власти и использующие эту функцию в своих корыстных целях.

Сфера власти человеиника

Отношения власти и подвластности охватывают всех членов человеиника во всех измерениях их жизни. Из этих отношений я выделяю особую макросферу человеиника, исполняющую функцию власти в отношении человеиника как целого. Иметь на этот счет ясность с самого начала очень важно, поскольку из-за отсутствия ее возникают весьма серьезные теоретические проблемы. Например, богатые люди в некотором человеческом объединении могут иметь власть в рассмотренном выше смысле над представителями государственной власти этого объединения, не будучи в числе этих представителей. Жена может иметь власть над мужем, который является президентом страны, но из этого не следует, будто она – высшая власть в стране. В дальнейшем я буду говорить о сфере власти человеиника.

Власть есть многосторонний феномен. Она характеризуется наличием у социального субъекта как носителя (обладателя) власти таких признаков: 1) осознание своего положения в отношении подвластных субъектов; 2) осознание того, что он может и хочет требовать от подвластных, способность сформулировать свое желание в знаках (в языке); 3) сообщение своей воли подвластным (приказание); 4) способность и средства принудить подвластных к исполнению приказа; 5) контроль за исполнением приказа. В простейших случаях и в исторически исходных формах человеческих объединений все эти стороны слиты воедино. С увеличением и усложнением объединений происходит разделение сторон целого в виде функций различных людей и их объединений, совместно выполняющих функции власти. Все то, что мы можем наблюдать во власти современных человеиников, так или иначе может быть представлено как развитие, исходящее из рассмотренного зародыша. Это – не собирание каких-то разрозненных явлений в целое, а именно развитие путем дифференциации сторон целого и обособления их в виде функций частей. Конечно, при этом могут иметь место внешние влияния и объединения разных явлений. Но при всех обстоятельствах внешнее влияние должно ассимилироваться, а объединившиеся явления должны установить такие отношения, какие установились бы в случае дифференциации единого. Другими словами, упомянутые стороны власти не существуют изолированно друг от друга. И даже когда они разделяются и воплощаются в различных субъектах, они остаются сторонами (функциями, свойствами) целостного феномена власти.

С развитием человеиника сфера власти разрастается и превращается в систему определенного типа. Этот тип зависит от многих факторов, в их числе – от размеров человеиника и от характера человеческого материала. Например, требуется некоторый минимальный размер человеиника (число людей), чтобы власть приобрела форму демократии. И выше некоторого максимума величины человеиника власть не может возникнуть или сохраниться достаточно долго как демократия. Аналогично есть зависимость типа власти от размеров территории, от климатических условий, от способности народа к самоорганизации, от окружения. Тип власти зависит, разумеется, и от степени сложности человеиника, от культуры и идеологии. Но свести тип власти к какому-то одному фактору ошибочно.

Сфера власти есть управляющий орган человеиника. Она включает в себя выработку приказа (решения) по содержанию (т. е. по языковому выражению) и сам акт отдачи приказа, выражение воли власти заметным для подвластных способом и принуждение подвластных к исполнению этой воли, отдачу приказа и контроль за его исполнением. По мере усложнения человеческих объединений и самих органов власти происходит разделение функций власти во всех упомянутых измерениях. Приказание может быть таким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий, распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Все это становится функцией управления. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регуляр-

ным, происходит разделение функции выработки и отдачи приказаний, с одной стороны, и функции управления процессами исполнения приказаний. Вторая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти.

За приказывающей частью власти сохраняются какие-то функции управления – она управляет управляющей частью. Управляющая часть наделяется некоторыми функциями приказаний – она доводит приказания приказывающей части до исполнителей и вносит в них свою долю (детализация с учетом обстоятельств, свойств исполнителей и т. д.). Это раздвоение власти – типичный пример диалектического раздвоения единого с сохранением его целостности. В реальности такое раздвоение происходит во многих измерениях и на разных уровнях. Складывается многомерная сеть и иерархия таких отношений. Лежащее в глубине процесса раздвоение скрывается, запутывается, измельчается. Одновременно происходит разделение функций власти и в других измерениях.

Управление

Полностью неуправляемых социальных объектов не существует согласно самому определению понятий. Есть лишь разные формы и степени управления и управляемости. Полностью неуправляемый социальный объект просто отмирает в качестве объекта социального. Когда говорят о каких-то социальных объектах как о неуправляемых, неявно предполагают их неуправляемость определенными органами и формами управления или низкую степень управляемости.

Управляющему органу принадлежат право и обязанность выработки и принятия решения относительно деятельности управляемого тела, приведения решения в исполнение, контроля за его исполнением, поддержания соответствующего порядка, необходимого для этой деятельности, поощрения одних граждан и наказания других. Эти право и обязанность могут быть захвачены или навязаны силой, получены по традиции, установлены путем соглашений или законодательным путем.

Имеются определенные корреляции между управляющим органом и управляемым телом, нарушение которых делает социальную группу менее жизнеспособной. Тут опасно как чрезмерное разрастание управляющего органа, так и его недостаточность для управления чрезмерно разросшимся и усложнившимся управляемым телом. История животного мира и человечества дает бесчисленные примеры на этот счет.

Управление есть деятельность управляющих органов. Тут имеются определенные правила, следование которым приносит желаемый успех, а несоблюдение которых приносит нежелательную неудачу. Опять-таки целостной и детально разработанной теории таких правил не существует. В последнее время в связи с ростом роли управления в западной экономике тема управления стала предметом внимания специалистов. Но обсуждение этой темы проходит в основном в узких рамках экономики и политики. Кроме того, разработке общей теории управления мешает идеологическое лицемерие. Тут признание такого рода идей, какое можно видеть у Макиавелли, считается аморальным, а опыт гитлеровской Германии и коммунистической России считается преступным. А между тем правила управления не могут быть частью правил этики и права. Масса людей готовится специально для дела управления. Они изучают множество всяких наук. Но о правилах управления, как таковых, они узнают косвенно или как о чем-то весьма банальном (вроде улыбок, поклонов и галстуков), а главным образом познают их на опыте.

Надо различать управление делом, в которое вовлечено определенное множество людей, и управление людьми независимо от конкретного дела, раз эти люди по каким-то причинам собраны вместе. Управление конкретным делом всегда есть управление людьми, занятыми этим делом, а управление конкретным объединением людей есть так или иначе и управление делом, которое свело этих людей вместе, хотя это дело и может заключаться лишь в том, чтобы жить вместе. Доминирование того или иного аспекта (дело и совместность) порождает различные типы управления – деловое и коммунальное (или порядковое). Первое подчиняется общим законам дела, второе – законам коммунальности. Но каждое содержит в себе в ослабленном виде свойства другого.

Надо, далее, различать два аспекта во взаимоотношениях управляющего органа и управляемого тела: 1) первый приспосабливается ко второму; 2) второе приспосабливается к первому. Постепенно устанавливается относительное их равновесие, но с доминированием одного из них в зависимости от характера общественного организма. Доминирование первого аспекта дает приспособленческий тип управления, а доминирование второго – волюнтаристский.

Надо, далее, различать взаимоотношения между различными управляющими органами в одном и том же социальном пространстве, например – взаимоотношения между внутриклеточным управлением и управлением всею совокупностью клеток. Тут опять-таки возможны различные варианты. Отмечу два из них как основные. Первый – управляющие органы и принципы управления однотипны, между ними доминирует отношение субординации. Назову этот тип гомогенным. Второй – управляющие органы и принципы их деятельности разнотипны, между ними доминирует отношение координации. Назову его гетерогенным. Возможны и другие варианты, включая комбинации этих двух, а также комбинации из трех и более слоев управления.

Различаются также непосредственное и опосредованное управления. Во втором между управляющим органом и управляемым объектом имеется посредник, не входящий в структуру управления. Имеется малоступенчатое (в частности – одноступенчатое) и многоступенчатое (иерархизированное) управления, централизованное и децентрализованное, единое начальное и коллегиальное.

Надо, наконец, различать командный и регулировочный аспекты управления. Доминирование одного из них дает соответственно командный и регулировочный тип управления. В случае первого управление осуществляется путем приказов (указов, директив, инструкций), отдаваемых руководящим органом нижестоящим инстанциям руководства или управляемым объектам. В случае второго упор делается на систему правил, за соблюдением которых следит руководящий орган. В реальности управления большим человеческим коллективом включает в себя огромное число актов, способов, учреждений и аспектов управления. Все они сплетаются в сложную и многостороннюю систему управления, которая характеризуется не одним каким-то бросающимся в глаза и раздутым в идеологии и пропаганде признаком, а многими признаками, которые не всегда гармонируют друг с другом, а порою даже вступают в конфликты и порождают противоположно направленные следствия. Тем не менее каждый тип человеческого коллектива создает свою систему управления, в которой доминируют вполне определенные явления, позволяющие говорить о типе этой системы. Так, для некоторых коллективов характерна порядковая, волюнтаристская, гомогенная, централизованная, командная, прямая, многоступенчатая система управления, а для других – деловая, приспособленческая, гетерогенная, опосредованная, регулировочная система.

Каждая система имеет свои принципы функционирования. Вот для примера некоторые принципы первого из упомянутых видов управления. Максимальный контроль за всеми аспектами жизни общества и отдельных граждан. По возможности не допускать то, что не может контролироваться. Если этого невозможно избежать, то допускать это в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивать число управляемых объектов, сводить к минимуму число «точек» и акций управления. Не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых отдавать предпочтение интересам управляемости. Не допускать непредвиденного.

А вот для примера некоторые принципы другого вида управления. Контролировать только такие «точки» управляемого тела, контроль над которыми дает возможность контролировать все тело. Сводить число таких точек к минимуму. Если контролируемое тело нормально выполняет свои жизненные функции, не надо мешать ему избыточным контролем. Не мешать неуправляемым явлениям, если они не вредят делу. При всех конфликтных ситуациях отдавать предпочтение интересам дела.

Управление как особый вид деятельности имеет свои законы. Управляющий должен иметь достаточные знания об управляемом объекте, информацию о его состоянии, об исполнении своих приказаний. Должен давать приказания, соответствующие объекту и его состоянию. Его приказания должны быть ясны управляемым, должны быть однозначны. Он должен настаивать на исполнении приказаний, наказывать управляемых за их плохое испол-

нение или неисполнение. Управляемые должны понимать, что от них требуется, признавать авторитет управляющего и т. д. Все это общеизвестно как азбука управления. Но в реальности эти азбучные правила постоянно нарушаются, что сказывается в состоянии управляемого объекта и дела.

Всякое управление предполагает потоки информации. Естественно, прогресс информационной техники породил колоссальный энтузиазм в отношении прогресса всей системы управления. Считается, что новая информационная система, основанная на использовании современной информационной техники, доставляет информацию ответственным лицам (управляющим) полнее, точнее и быстрее, чем старая система личных докладов сотрудников своим начальникам. Кроме того, в старой системе один начальник мог иметь не более шести подчиненных, которые докладывали ему. В новой же системе это число в принципе не ограничено, вернее – оно ограничено лишь качествами подчиненных, обязанных докладывать непосредственно одному начальнику.

Абстрактно рассуждая, все это так. Но в реальности вступают в силу факторы, несколько отрезвляющие энтузиастов управления без иерархической системы начальствования и подчинения. Прежде всего возможности управляющего в смысле овладения получаемой информацией ограничены. Информацию-то ему может передавать любое число людей, да вот сколько информации может переварить он сам?! Способны ли информационные машины обрабатывать поток информации так, как это делают на различных уровнях информационной иерархии люди, знающие положение дел и имеющие опыт отбора и оценки информации? Абстрактно такие машины можно вообразить, обучив их критериям отбора. Но такие критерии должны быть постоянными. А в изменчивой и разнообразной реальности все равно нужны люди, которые учитывают перемены и вводят новые критерии в машины. Так что на место людей без машин приходят лишь люди с машинами.

Относительны и прочие достоинства новой системы. Полнота и скорость движения информации являются тут избыточными, а точность ее несколько не увеличивается за счет машин. К тому же никакая техника не может заменить волевой и оценочный аспект целиком. Тут так или иначе решают люди.

Надо различать цели и интересы людей, вовлеченных в ситуацию управления (управляющих и управляемых), и средства управления. Основные средства суть физическое насилие, манипулирование сознанием людей и распоряжение жизненными благами.

Порядок

Жизнь человеиника – множество поступков (действий) его членов. Это множество должно быть как-то упорядочено, чтобы человеиник мог жить как единое целое, т. е. должен быть установлен и поддерживаться определенный порядок. Члены человеиника должны быть как-то защищены друг от друга.

Порядок может создаваться и поддерживаться сам собой, если существа, образующие объединение, биологически обречены на строго определенную форму поведения, которую они не в силах нарушить. Но люди обладают широким диапазоном поведения от природы и возможностями свободного поведения. В их социальной жизни имеет место большое число ситуаций, биологически непредусмотренных. Так что проблема порядка человеиника оказывается первостепенной важности. Для выработки и сохранения порядка необходимо определенное постоянно действующее насилие, ибо сам собой порядок тут не может возникнуть и сохраняться. Эту функцию выполняют все члены человеиника, обладающие какой-то долей власти над другими людьми. Но эта их властность должна как-то упорядочиваться. В человеинике эту функцию поддержания порядка берет на себя сфера власти и управления.

Если группа людей небольшая и условия жизнедеятельности примитивны, функцию порядка может выполнить один человек. По мере разрастания человеиника и усложнения поведения людей происходит разрастание и усложнение самих органов порядка. Происходит это по общим законам социальной комбинаторики. Происходит сосредоточение функции насилия в сфере власти, с одной стороны, и распределение ее по всем частям и подразделениям человеиника, с другой. Организация человеиника с этой точки зрения есть организация тотального насилия.

Хозяйство

Хозяйством человеиника я называю то, что члены человеиника специально создают искусственно (а не находят в готовом виде) и делают регулярно, чтобы добывать и производить средства существования. В хозяйство входит создание орудий труда и искусственных сооружений, разведение домашних животных и выращивание культурных растений, строительство жилищ, изготовление одежды и т. д. – создание материальной культуры, благодаря которой человеиник живет.

В силу определения у животных нет хозяйства. У них есть зона, в которой они добывают средства существования. И у людей охота, собирательство и грабеж сами по себе еще не хозяйство. Для хозяйства, повторяю и подчеркиваю, нужно, чтобы люди создавали специально искусственные предметы и делали это регулярно.

На заре человечества почти все население человеиника занималось хозяйством. По мере увеличения человеиников и роста производительности труда стало расти число людей, которые сами непосредственно не занимались в хозяйстве, а жили за счет того, что делали другие. Эти люди появились прежде всего в сфере власти и в менталитетной сфере, а также как обслуживающие других членов человеиника, обладавших властью и богатством. С другой стороны, часть членов человеиника, способных содержать не только себя, но и других, относительно сокращалась. Их постоянной функцией в человеинике стало снабжение всего человеиника средствами существования. Они образовали особую сферу – хозяйственную. Так что образование сфер власти и хозяйства суть результат единого процесса. Власть смогла образовать особую сферу лишь при условии образования сферы хозяйства.

Производительность хозяйственной сферы долгое время оставалась такой, что основная масса членов даже сравнительно развитых человеиников была занята в сфере хозяйства. Казалось, будто это и есть основное дело человеиника. Положение коренным образом изменилось совсем недавно, главным образом – уже в нашем веке, особенно заметно – во второй половине века. Число людей, занятых в хозяйственной сфере, сократилось относительно числа людей, занятых в других сферах (в системе власти и управления, в культуре, в науке, в сфере обслуживания и т. д.), настолько, что стало возможно рассматривать сферу хозяйства как одну из многих, причем даже не как главную. В современных наиболее развитых человеиниках в хозяйственной сфере занято даже менее 20 процентов работающих. Более того, теперь определяющую роль в жизни таких человеиников играет уже не хозяйственная сфера, а другие. Такую эволюцию человеиников не могли предвидеть во второй половине XIX века и даже в начале XX века. Иначе марксистский «исторический материализм» вряд ли имел бы такой колоссальный успех.

Люди, занятые в сфере хозяйства, либо вынуждаются другими людьми или обстоятельствами личной жизни снабжать других членов человеиника средствами существования, либо делают это добровольно. В первом случае они должны сами иметь какие-то средства существования, чтобы делать то, что от них требуют другие. Им дают возможность жить, чтобы за их счет могли жить те, кто принуждает их к деятельности в сфере хозяйства. Во втором случае они делают свое дело не из любви к другим людям, а с целью иметь что-то для себя. Заботясь о себе, они заботятся о других. И таким путем хозяйство выполняет свою фундаментальную функцию в человеинике: обеспечение человеиника необходимыми для его существования материальными благами. Все последующее усложнение и прогресс хозяйства есть развитие (развертывание, дробление, детализация и т. д.) этой основной функции.

Развитие функции хозяйства происходит во многих измерениях. Назову некоторые из них. Можно различить первичный и вторичный уровни хозяйства. Первичный уровень образует все то, благодаря чему члены человеиника добывают непосредственно из природы и

других человеичиков и привносят в свой человеичик. На этом уровне средства существования поступают в человеичик. Вторичный уровень образует то, что члены человеичика извлекают из продуктов первичного уровня. Со временем происходит дифференциация на обоих уровнях, так что образуется иерархия уровней.

По другой линии можно различить добывание и производство самого необходимого для жизни людей (для удовлетворения основных потребностей) и добывание и производство сверх этого необходимого (для удовлетворения производных потребностей). В других разрезах происходит дифференциация подразделений хозяйства в зависимости от разнообразия потребностей различных категорий членов человеичика, от разнообразия создаваемых предметов потребления и многих других факторов. Происходит также усложнение хозяйства по линии дифференциации этапов производства, производства различных компонентов продукции и т. д. Происходит, наконец, разделение людей на выполняющих хозяйственные функции и выполняющих функции власти и управления в сфере хозяйства, а также установление иерархии вторых.

Многие социальные мыслители (философы, социологи, историки) до сих пор считают сферу хозяйства базисом всякого человеичика. Крайний случай такого подхода к человеичикам – марксистская концепция. Да и западная идеология упорно навязывает такой взгляд всему человечеству, вовлекаемому в зону влияния Запада. Само собой разумеется, человеичик не может существовать без хозяйственной сферы. Но ошибочно утверждать, будто способ организации и степень развитости этой сферы определяет собою все прочие компоненты любых человеичиков. Одно дело – роль хозяйства в существовании человеичика, и другое дело – его роль в организации того или иного человеичика в целом. В истории человечества возникали и возникают различные виды человеичиков и различными путями. И далеко не всегда способ организации и состояние хозяйства определяли все прочие явления человеичика. Известны случаи в прошлом и в настоящем, когда формирование человеичика начиналось с образования системы власти и последней приходилось создавать хозяйственный «базис». Причем создавать не для того, чтобы стать «надстройкой» над ним, а чтобы использовать его в своих интересах. Так произошло, например, в России после революции 1917 года.

Менталитетная сфера

В примитивных человеюниках менталитетный аспект был слит с другими. Делом формирования сознания людей занимались почти все взрослые члены человеюника. Причем занимались они этим в процессе деловой и коммунальной жизнедеятельности. Думаю, что в простейшем (как логически, так и исторически) случае человек, воплощавший в себе управляющий орган человеюника, исполнял в недифференцированной форме функции власти и управления не только телами, но и «душами» людей. Социальное управление вообще есть управление путем воздействия на сознание людей, а сознание еще не отпочковалось от телесной деятельности в качестве деятельности особого рода. Лишь со временем произошло отпочкование функции «заведования» менталитетом людей в виде функции особых людей.

По мере эволюции человеюников происходило разрастание сознания людей, усиление его роли, увеличение числа действий, специфически связанных с сознанием, росла роль познавательного аспекта сознания. Стали появляться люди и организации людей, особой функцией которых становилась деятельность в этом аспекте, изобретались особые средства для этого. Происходила дифференциация различных функций процесса обработки людей, складывались особые ритуалы, обряды. Поскольку это невозможно закрепить биологически, менталитетный аспект должен функционировать постоянно как своего рода замена механизма биологической наследственности – как механизм социальной наследственности (преемственности). Для этой цели в человеюнике стала складываться особая менталитетная сфера.

Менталитетную сферу образует часть членов человеюника, специфической функцией которых является работа над менталитетом прочих членов человеюника. Делом, сходным со специфическим делом менталитетной сферы, занимаются и другие люди, группы, организации. Но они не входят в менталитетную сферу в качестве ее частей. Над человеческим менталитетом в конкретных человеюниках работают и другие сферы. Но это не есть их специфическое дело. Менталитетная сфера вмешивается в деятельность других сфер. Но это – не ее специфическое дело.

Менталитетная сфера человеюника есть постоянно действующий компонент социальной организации. Люди, занятые в ней, профессионально занимаются менталитетом членов человеюника и живут за счет этой деятельности. Они признаны в человеюнике в этой роли, не преследуются, а, наоборот, почитаются, имеют авторитет и влияние на людей. Люди и группы людей, занятые в менталитетном аспекте (в аспекте, а не сфере!) и живущие за счет своей деятельности в этом аспекте, но не признанные или даже преследуемые в этом их качестве, в менталитетную сферу не входят.

Задача менталитетной сферы заключается прежде всего в том, чтобы выработать сознание человеюника как целого, сохранять его, разрабатывать и приспособлять к меняющимся условиям жизни людей. Сознание человеюника как целого не есть сумма и обобщение сознаний отдельных его членов как по содержанию, так и с точки зрения формы (аппарата). Это – историческое изобретение человеюника в множестве поколений. Задача менталитетной сферы, во-вторых, заключается в том, чтобы навязывать это сознание членам человеюника, стандартизировать их сознание, сделать их индивидуальное сознание воплощением сознания человеюника как целого. И третья основная задача менталитетной сферы – управлять поведением людей путем формирования в них стандартного сознания и воздействия на него. В целом – задача менталитетной сферы – сделать людей способными жить в их человеюнике и сохранять его своей жизнедеятельностью как единое целое, а также сделать людей лучше управляемыми и манипулируемыми.

Обработка человеческого сознания есть обучение людей способности оперировать знаками, заполнение памяти определенным образом изготовленными и отобранными знаками, тренировка мозга на определенные операции со знаками, стандартизация мозговой деятельности людей, снабжение людей стандартной «духовной» пищей, тренировка на стандартное знаковое (символическое) поведение, создание символического мира с помощью знаков реального мира, погружение людей в вымышленный символический мир, выпуская их из него в мир реальный лишь в той мере, в какой это требуется интересами самосохранения.

Специфическими средствами выполнения этой задачи являются совокупности идей, особого рода учения. Менталитетная сфера должна изобретать их, хранить, пополнять, исправлять и т. д. Но делать это не ради их самих – сами по себе они ценности не имеют, – а чтобы вбивать их в головы прочих членов человеиника. Идеи сами по себе в головы людей не поселяются и тем более не уживаются там долго. Для этого нужен определенный механизм, и он создается в менталитетной сфере. Это – особые люди и их объединения, заботящиеся о том, чтобы рассматриваемые идеи (учения) доводились до сознания всех членов человеиника, организующие особые ритуалы для этого, тренирующие людей на определенное поведение в соответствии с идеями.

Менталитетная сфера в своей эволюции прошла путь от одного или нескольких людей до грандиозных организаций из десятков и сотен тысяч человек, от примитивной совокупности знаков и знаковых операций до сложнейших знаковых систем и операций, требующих длительного профессионального обучения. В исходном пункте функции хранителя жизненного опыта и познания, воспитателя, учителя и контролера поведения членов человеиника образовывали единый, недифференцированный комплекс и были сосредоточены в ведении одного или нескольких членов человеиника, олицетворявших его интеллект. По мере разрастания, усложнения и обогащения менталитетного аспекта происходило отпочкование ряда функций менталитетной сферы в виде функций других сфер – науки, культуры, права, норм морали, этикета и т. п. В итоге за менталитетной сферой осталось то, что было главным в исходном пункте, а именно – обработка и стандартизация сознания членов человеиника и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Только теперь – на более высоком уровне развития сознания. В отношении менталитетного аспекта в целом эта сфера взяла на себя роль его организующего ядра и контролера.

Функции менталитетной сферы более конкретно можно классифицировать так: 1) разработка, хранение и вбивание в головы людей определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок); 2) вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям; 3) контроль за мыслями и чувствами людей и организация их на такой контроль в отношении друг друга. Мировоззрение человеиника образует совокупность взглядов (представлений) на все то, что так или иначе входит в круг интересов членов человеиника, – на окружающий мир, на свой человеиник, на человека и т. д. Система ценностей определяет эмоциональное отношение людей к окружающим явлениям и к поступкам людей. Действия, упомянутые в пункте 2, являются средством обработки сознания и поддержания его в должном состоянии. Таковы, например, религиозные обряды, ритуалы, собрания. Контроль за мыслями и чувствами людей не менее важен для человеиника, чем контроль за телесным поведением. Порою он достигает чудовищной силы. Он опирается на систему телесных наказаний. Он не есть всего лишь результат злого умысла плохих людей. Он есть необходимое средство самоорганизации и самосохранения человеиника. Он превращается в зло, когда превышает меру и становится неадекватным условиям и требованиям самосохранения человеиника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.